

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Архипова С.В.</i> Теория значения: слово в психолингвистике	4
<i>Гашинова Ю.С.</i> К проблеме обозначения пространственного предела	10
<i>Артюнина А.А.</i> О речевых манифестациях восприятия времени через сферу личного опыта	16
<i>Дамбаева Е.Ю.</i> Функционально-семантические особенности вербализации жанра <i>бренд-история</i> : модель <i>хроника</i>	21
<i>Калёных Е. В.</i> Структурная неоднородность текста веб-сайта	28
<i>Цыбенова Ч.С.</i> О языковой лояльности носителей тувинского языка (результаты социолингвистического анкетирования)	35
<i>Бухаева Р.В.</i> Этноспецифические стереотипы языкового сознания бурят (на примере концепта <i>хөөрэлдөөн</i>)	42
<i>Шахаева А.А.</i> Семантика глаголов со значением 'приходить' в бурятском и китайском языках	48
<i>Цыбикова Д.Б.</i> Модификаторы вида как средство выражения диахронности повествовательного типа речи в текстах на китайском языке	55
<i>Игнатович Т.Ю.</i> Особенности употребления служебных частей речи в восточнозabayкальских говорах севернорусского происхождения	61
<i>Архипова Н.Г.</i> Наименования элементов женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области	70
<i>Русанова С.В.</i> Доношение XVIII в. сквозь призму законодательных предписаний Петра I	81
<i>Биктимирова Ю.В.</i> Особенности употребления числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв.	91
<i>Башикиров М.Б.</i> Проблема академической идентичности в текстах Паскаля Пуарье	101

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ленхобоева Т.Р.</i> Рецепция героического в романах И.С. Тургенева в современном литературоведении	108
<i>Вторушина Н.И.</i> Развитие аксиологических доминант в драматургии С. Лобозёрова: от «Семейного портрета с посторонним» к «Семейному портрету с дензнаками»	115
<i>Колмакова О.А.</i> Дискурс безумия в русской прозе конца XX в.	124
<i>Бадуева Г.Ц.</i> Реализация концепта <i>родная земля</i> в художественном пространстве прозы К. Балкова	135
<i>Имихелова С.С., Грязнова О.Б.</i> Особенности структуры «текст в тексте» в повестях Г. Башкуева «Пропавший» и «Записки пожилого мальчика»	141
<i>Булзотова И.В.</i> Мифология космоса в бурятской лирике	153

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Игуменов А.Г.</i> О статусно-этикетно-церемониальном начале в русских исторических песнях	161
<i>Голованева Т.А.</i> Отражение обряда хватания невесты в корякских и ительменских сказках	172

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Сибиданов Б.Б.</i> Тактики регионального таблоида в пространстве проблемного дискурса (на примере газеты «Номер один»)	182
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Глинкина Л.А.</i> Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье	193
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юбилейные события на филологическом акультете	200
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Arkhipova S.V.</i> Theory of meaning: word in psycholinguistics	4
<i>Gashinova Y.S.</i> On a problem of spatial boundaries notation	10
<i>Artyunina A.A.</i> On speech manifestation of time perception through the personal experience sphere	16
<i>Dambayeva E.Yu.</i> Functional-semantic features of <i>brand-story</i> genre verbalization: <i>chronicle</i> model.	21
<i>Kalyonykh E.V.</i> Structural heterogeneity of web-text	28
<i>Tsybenova Ch.S.</i> Language loyalty of Tuva people (the results of sociolinguistic survey)	35
<i>Buhayeva R.V.</i> Ethnospecific stereotypes of linguistic consciousness of Buryat people (through the example of a <i>хөөрэлдөөн</i> (<i>communication</i>) concept)	42
<i>Shakhaeva A.A.</i> Semantics of the verbs with ‘come’ meaning in Buryat and Chinese languages	48
<i>Tsybikova D.B.</i> Aspect modifiers as indicators of diachronicity in Chinese narrative texts	55
<i>Ignatovich T.Ju.</i> Features of function words usage in the speech of East Transbaikal dialects of Russian North origin.	61
<i>Arkhipova N.G.</i> Denomination of items of women's apparel in the dialects of Old Believers (Semeiskih) in Amur Region	70
<i>Rusanova S.V.</i> Donoshenia (reports) of XVIIIth century in the retrospect of legislative orders of Peter I	81
<i>Biktimirova Ju.V.</i> Numerals usage features in the business writing texts of the East Transbaikal region in the end of XVII – first half of XVIII centuries.	90
<i>Bashkirov M.B.</i> The Problem of Acadian Identity in texts of Pascal Poirier	101

LITERATURE STUDIES

<i>Lenkhoboeva T.R.</i> Turgenev's novels heroic category reception in modern literary studies	108
<i>Vtorushina N.I.</i> Evolution of axiological views in Stepan Lobozerov's playwriting: from "Family Portrait with a stranger" to "Family portrait with banknotes"	115
<i>Kolmakova O.A.</i> Discourse of madness in Russian prose of late XXth century.	124
<i>Badueva G.Ts.</i> Actualization of the concept “the native land” in K. Balkov's prose	135
<i>Imihelova S.S., Gryasnova O.B.</i> “Text in text” structure features in G. Bashkuyev's novels “Missing” and “Old boy's notes”	141
<i>Bulgutova I.V.</i> Mythology of Space in Buryat poetry	153

FOLKLORISTICS

<i>Igumnov A.G.</i> On the status, etiquette and ceremonial origins of Russian historical songs	161
<i>Golovaneva T.A.</i> The ceremony of seizing the bride in fairy tales of Koryak and Itelmen people	172

JOURNALISM

<i>Sibidanov B.B.</i> The regional newspaper tactics in a field of problem discourse (through the example of «Number one» newspaper)	182
--	-----

REVIEWS

<i>Glinkina L.A.</i> Majorov A.P. Russian language dictionary of the XVIIIth century: East Siberia. Transbaikal.	193
--	-----

SCIENCE

Jubilee events on the Faculty of philology	200
--	-----

УДК 81'23

© С.В. Архипова

Теория значения: слово в психолингвистике

В статье приведена обзорная информация о проблеме значения в психолингвистике и рассмотрены основные подходы к исследованию семантики. Представлены интегративные модели значения, которым придается особая значимость.

Ключевые слова: интегративная модель, ассоциативный, прототипный, параметрический, ситуационный подходы, ассоциативное значение слова, значимость, означиваемое, означенное.

S.V. Arkhipova

Theory of meaning: word in psycholinguistics

This article presents a review on a problem of meaning in psycholinguistics and deals with basic approaches to semantics research. Special value is attached to integrative models of meaning.

Keywords: integrative model, associative, prototype, parametric, situational approaches, associative word meaning, significance, signified, signifier.

Психолингвистика является междисциплинарным научным направлением, объектом исследования которого выступают человек как субъект речевой деятельности и носитель языка, процесс коммуникации в обществе, осуществляющийся посредством речевой деятельности, а также процессы формирования речи и овладения языком в онтогенезе. Поскольку психолингвистика изучает психологические и лингвистические аспекты речевых актов и действий, объект ее исследования совпадает с языкознанием и психологией речи. Однако в названных сферах знания разным является предмет исследования.

Предметом лингвистики является система языковых средств, используемых в коммуникации, но при этом «семантическая структура слова определяется как элемент лексической системы в языке, а не в речи, т.е. не в конкретной реализации» [Гак, с.78]. Лингвистический семантический анализ заключается в описании языковых единиц и их отношений внутри системы языка, не затрагивая их реального функционирования в речи. Следовательно, при определении значения слова как элемента языковой системы можно ограничиться описанием денотативно-сигнификативного отношения, так как оно постоянно в рамках структуры языка. При определении значения слова в речи данного описания будет недостаточно в силу того, что «означаемое, сигнификат раскрывается только через те отношения, которые устанавливаются между означаемыми во внутреннем мире говорящего» [Фрумкина, с. 70].

Психология – это наука «о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредует жизнь индивидов», изучает психику человека, проявляющуюся в деятельности речеобразования, восприятия, распознавания речи, памяти и мышления [Леонтьев 2004, с.12].

Таким образом, психолингвистика как самостоятельная наука, неразрывно связанная с психологией и лингвистикой одновременно, определила предметом исследования «соотношение личности со структурами и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной “образующей” образа мира человека, с другой» [Леонтьев 2003, с. 19]. Такое понимание предмета и объекта психолингвистики предопределило основные направления исследований, а именно того, каким образом человек воспринимает и анализирует информацию об окружающей действительности и как ее организует для принятия решений, каким образом происходит воплощение смыслов в слова. Другими словами, поставленные дисциплиной цели потребовали обращения к исследованию семантики во всей полноте ее проявлений.

В настоящее время в психолингвистике выделяют несколько основных подходов к исследованию значения слова: ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуационный (Залевская 2000).

Ассоциативный подход подразумевает наличие у слова ассоциативного значения. Это понятие восходит к определению значения Д. Дизом как наиболее адекватного психологической структуре значения, как потенциального распределения ответов на некоторое слово-стимул. А.А. Залевская считает, что ассоциативное значение отражает коммуникативный потенциал слова, так как оно актуализирует не только пересечения смыслов, но и дает представление о перспективных, потенциальных возможностях взаимодействия смыслов и может быть структурировано в виде моделей разных ситуаций, то есть стратегия понимания слова опирается на стратегию его идентификации через ситуацию [Залевская 1998, с. 37]. Н.С. Болотнова рассматривает ассоциативное значение слова как инвариантный ассоциативно-смысловой комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов и формирующейся не только на основе семантической структуры, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей и фонетических особенностей, но и имеющейся в обществе традиции употребления [Болотнова, с.16].

На сегодняшний день интерпретация результатов ассоциативного эксперимента – классификации реакций и описание психических процессов ассоциирования – представляет одну из самых сложных задач как в методологическом, так и практическом планах. Существуют психологические, лингвистические, психолингвистические, логические, смешанные классификации, с одной стороны, и, соответственно, ряд подходов, которые нацелены на выявление той или иной специфики концептуально-семантической системы, присущей индивиду, – с другой.

Ассоциативный эксперимент в работах А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Е.И. Горошко позволяет выявить принципы организации внутреннего лексикона человека, установить семантические связи слов, языковые стереотипы при идентификации и продуцировании речи. Следует подчеркнуть, что предложенные классификации ассоциаций в рамках психолингвистических исследований являются синтезом переработки экспериментальных данных и переосмысления лингвистических явлений в связи с когнитивными способностями человека.

Параметрический подход предполагает, что значение слова не является единым для носителя языка и может быть разложено на ряд составляющих, степень выраженности которых подвергается количественному анализу. Впервые данный подход был применен Ч. Осгудом и его последователями [Osgood]. Параметрический подход применяется во многих исследованиях и реализуется посредством метода субъективного шкалирования, метода семантического дифференциала, метода подстановки. По мнению В.Ф. Петренко, метод семантического дифференциала применяется в исследованиях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Популярность данного метода ученый объясняет возможностью определения отношения субъекта к миру вещей, социальному окружению и самому себе. Ч. Осгуд считал, что метод семантического дифференциала измеряет прагматическое значение слова, то есть «поведенческую реакцию на слово, которое условно-рефлекторно связано с общей реакцией на объект, обозначенный этим словом» [Петренко, с. 89] путем измерения значений понятий по шкалам, образованным наиболее частотными прилагательными-антонимами.

При признаковом подходе исследователей интересует, каким образом индивид пользуется значением слова, и с этой позиции описывается «всё стоящее за словом у человека через некоторый набор признаков, которые скорее характеризуют увязываемый со словом объект, действие, качество и т.д.» [Залевская 2000, с. 108]. При этом признаки подразделяются на определительные (определяющие), показывающие соотношенность слова (обозначаемый им объект) к некоторой категории, и характерные (характеризующие), отображающие несущественные признаки (специфические качества и отношения) для носителя языка. Таким образом, по мнению А.А. Залевской, признак выступает в роли строительного материала, без которого не могут обойтись различные формы репрезентации.

Прототипный подход к значению слова основывается на понятии типичности не только некоторого сочетания признаков, но и степени значимости таких признаков для отнесения того или иного объекта (действия и т.д.) к определенной категории [Залевская 2000, с. 112]. Прототип, как известно, является ключевым звеном категории. Принято считать, что реальный мир структурирован и отражен в сознании человека в виде определенных категорий, при этом каждой из них соответствуют психологически наиболее выделенные объекты – прототипы, в которых «воплощены наи-

более характерные признаки категории, что дает возможность, например, по прототипу опознавать категорию в целом и т.п.» [Фрумкина и др., с. 47].

Однако идея прототипа признается не всеми учеными. Так, например Дж. Лакофф, Ф. Растье допускают обоснованность выделения категорий базового уровня обобщения, но отвергают принцип прямого отражения в языковых структурах. П.П. Дашинимаева отмечает, что с позиции психофизиологии речи устройство когнитивного механизма не позволяет индивиду актуализировать в речемышлении прототипический, одинаковый для большинства носителей языка образ. А. Вежицкая обращает внимание на необходимость синтеза «классического» и «прототипного» подходов в семантических исследованиях вместо их противопоставления.

Ситуационный подход подразумевает, что для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу: пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п. [Залевская 2000, с. 114]. Данный подход к изучению семантики был применен в работах исследователей Р.Л. Солсо, В.Я. Шабеса, Дж. Кесса и Р. Стенберга. А.А. Залевская указывает, что этот подход позволяет «выйти» на индивидуальную картину мира человека, представляющую ментальную модель, как «внутреннюю деятельностную репрезентацию определенного типа», поскольку значения функционируют не по отдельности, а находятся в определенных связях, образуя структуры более высокого порядка. И в этом случае выход за рамки языкового знания на уровень энциклопедического знания становится очевидным. Таким образом «ситуационный подход увязывается, с одной стороны, с понятиями репрезентаций и ментальных моделей, а с другой – с проблемой взаимодействия языковых и энциклопедических знаний как средства выхода на целостную картину мира» [Залевская 2000, с. 116].

Итак, главной задачей вышеперечисленных подходов является исследование психологической структуры значения слова, которое изначально двойственно по своей природе. С одной стороны, за значением закреплена объективная реальность, функционирующая в виде абстрактных (не привязанных к конкретному индивиду) знаний, понятий, мысленных моделей в системе отношений общества и зафиксированная системой языковых отношений, с другой – значение существует только в сознании индивида. А.А. Залевская считает, что решить проблему двойственности можно с помощью интегративного подхода к анализу языка как достояния человека. Преимущество данного подхода состоит в том, что он не может принять никакого из имеющихся подходов как единственно правомерного, поскольку изначально признается необходимость разностороннего описания и объяснения.

Интегративная теория значения, по мнению В.А. Пищальниковой, позволяет использовать достижения традиционной лингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, снимая противопоставление лингвистической и экстралингвистической информации, лексического значения и

смысла слова. Согласно В.А. Пищальниковой, интегральная модель значения слова представляет собой «устойчивую, но внутренне динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности и дискредитированную определенным звуковым образом, который поэтому и входит в значение, и символизирует его» [Пищальникова, с. 187]. Данная модель реализуется через взаимодействие четырех компонентов: акустического образа, познавательного актуального признака, мотивационно-эмоционального комплекса и ассоциаций. При этом наиболее стабильным является первый компонент, остальные компоненты внутренне динамичны. С точки зрения исследователя, подобная схема позволяет предположить, что «динамика значения как познавательной структуры принципиально обусловлена механизмом языка (речемыслепорождения), а не характером референциальных связей единиц языка с лингвистической действительностью» [Пищальникова, с. 189].

Многокомпонентная структура психологического значения слова представлена в психосемиотическом тетраэдре Ф.Е. Василюка. Данная модель отражает идею пяти «образующих» сознания – значения, личностного смысла, предмета, слова и чувственной ткани. С другой стороны, чувственная ткань в трактовке ученого – многомерная субстанция, заполняющая четырехмерное пространство образа сознания, в котором существуют внешний мир (предметное содержание), внутренний мир (личностный смысл), культура (значение), язык (слово). Получается, что эти тетраэдроставляющие связаны друг с другом посредством чувственной ткани.

П.П. Дашинимаева обосновывает концепцию значения в рамках актуального семиозиса, поскольку индивид сначала мысленно переживает некоторую когнитивную значимость (референт, выполняющий роль каузации, только способствует появлению последней), затем вербализует во внешней речи определенную часть помысленного» [Дашинимаева 2010а, с. 13]. В этом смысле, как считает ученый, традиционное лингвистическое описание движения от формы к значению противоестественно с точки зрения реального семиозиса. В итоге автор разграничивает понятия *значение* и *значимость*, понимая под *значением* – концептуально-семантический лексикографический квант знания, функция которого ограничивается входом в зону актуального семиозиса, а под *значимостью* – «семиотическую сущность», представляющую чувственную ткань с эмоциональными, сенсорными, модальными-волевыми составляющими.

Здесь напомним о том, что термин *значимость* был впервые введен Ф. де Соссюром для обозначения языка как системы значимостей на том основании, что она представляет собой отношения между знаками (вспомним популярное сравнение знака с листом бумаги: значение соотносится с отношениями между лицевой (означающим) и оборотной (означаемым) сторонами листа, а значимость – с отношениями между несколькими листами) [Соссюр, с. 82]. Другой вид значимости, согласно Ф. Соссюру, выводится из синтагматических и ассоциативных отношений, которые также напрямую связаны с отношениями между знаками.

Данная классическая интерпретация «значимости» вступает в противоречие с психонейролингвистической концепцией П.П. Дашинимаевой в исходном – методологическом – уровне: во-первых, теория значимости относится не к уровню языка, а к речевому уровню; во-вторых, знак не рассматривается автором как слитое и слитное двуединство, которое можно сравнить с листом бумаги, поскольку «форма» отделена от «семантики» в анатомическом смысле, с одной стороны, и между помысленным и актом его речевого овнешнения существует акт «прагматической ревизии» в физиологическом смысле, с другой. Отвергая таким образом соссюроевское понимание «значимости», однако конкретизируя «значимость» Дж. Лакоффа, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, автор вводит данное понятие в рамках актуального семиозиса в новый терминологический оборот как психонейрофизиологическую сущность, испытываемую субъектом в реальном речемышлении – «сущность для себя», никак не связанную знаком.

В отличие от традиционной двучастной концепции знака, линейно закрепляющей соответствие между означаемым и означающим, предложенная когнитивная модель-формула семиозиса позволяет представить уникальность и асимметричность соотношения означаемого и означающего. Для более полной экспликации этапов семиозиса и определения в нем места *значимости* автором дополнительно вводятся термины *означиваемое* и *означенное*. В отличие от соссюроевского *означаемого* термин несовершенного вида *означиваемое* отражает аксиому о невозможности полной языковой экспликации *значимости*. В результате семиотическая схема выглядит следующим образом. Часть помысленной *значимости* А стремится, проходя «психологический фильтр» (читай – прагматический), к овнешнению в языковом знаке. В результате видоизмененная семантическая сущность становится *означиваемым* Аа. В силу «невесильности» языкового знака в манифестации в речи помысленного на последнем этапе коммуникации последнее, как правило, приобретает конфигурацию либо Аа*, либо Аа** и т.д. и называется *означенным*, «сухим осадком» [Дашинимаева 2010б, с. 182].

Авторская психонейролингвистическая теория значения как значимости позволяет прийти к выводу о том, что «нейрофизиологическая неспаянность формального знака и семантической сущности объясняет возможность использования языка как средства манипуляции (вербализуется не личностная значимость, а искусственно-адаптированная к адресату значимость). С другой стороны, факт их раздельности следует воспринимать как мотив и обоснование создания новых формальных знаков для более релевантного обозначения меняющихся внешних и внутренних реалий» [Дашинимаева 2010а, с. 15]. В отличие от вышеописанных подходов к исследованию психологического значения концепцию П.П. Дашинимаевой можно отнести, несомненно, к интегративным исследованиям речевой способности индивида, раскрывающим речемыслительный процесс «здесь и сейчас» в системе.

Анализ работ, выполненных в данном направлении, позволяет резюмировать, что, несмотря на употребление различных терминов для описания компонентов структуры значения и использования разных исследовательских парадигм и стратегий, центральная роль отводится индивиду и значение рассматривается с позиции функционирования в индивидуальном сознании.

Литература

1. Болотнова Н.С. Об использовании ассоциативного эксперимента при изучении об-разного потенциала слов. – Томск, 1981.
2. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова: Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971.
3. Дашинамаева П.П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводимости: автореф. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2010а.
4. Дашинамаева П.П. Декодирование означаемого и «сухой осадок» // Вестник ИГЛУ. Серия «Филология», 2010б. – № 1 (9).
5. Залевская А.А. Проблемы описания значения. – М., 1998.
6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2004.
9. Петренко В.Ф.. Основы психосемантики. – СПб.: Питер, 2005.
10. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч.2: Этнопсихолингвистика. – М.: МГЛУ, 2007.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр.; под ред. и с примеч. Р.И. Шор. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. Фрумкина Р.М. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983.
13. Фрумкина Р.М., Михеев А.В., Мостовая А.Д., Рюмина Н.А. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991.

Архипова Светлана Валерьевна, аспирант кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского госуниверситета.

Arkhipova Svetlana Valeryevna, postgraduate student, department of translation and cross-cultural communication, Buryat State University.

Тел.: +7-9245506322; e-mail: arkhipova16@mail.ru

УДК 81'37

© *Ю.С. Гашинова*

К проблеме обозначения пространственного предела

В статье предпринята попытка анализа степени изученности проблемы языковой объективации пространственного предела в отечественном языкознании. Рассматриваются работы, исследующие факты языка, которые отражают комплекс представлений, связанных с восприятием данной категории, дается обзор основных аспектов изучения категории.

Ключевые слова: языковая картина мира, когнитивная лингвистика, семантика, лексико-семантическое поле, концепт, объективация (репрезентация) пространственного предела.

Y.S. Gashinova

On a problem of spatial boundaries notation

The article analyzes the extent of research done on the topic of language objectivation of spatial boundaries in Russian linguistics. Works on the subject of language facts which reflect the complex of ideas connected to the perception of a given category are investigated in the article. It also comprises a review of the main aspects of category research.

Keywords: linguistic world image, cognitive linguistics, semantics, lexical-semantic field, concept, objectivation (representation) of spatial boundaries.

В настоящее время в лингвистике возрос интерес к проблеме языкового представления знаний, в которых отражается восприятие действительности в сознании соответствующего этноса. Исследователи пространственной языковой картины мира считают, что, воспринимая окружающий мир, человек стремится к сегментации пространства, позволяющей упорядочить знания о внеязыковой действительности, поэтому при категоризации пространства, не имеющего видимых начальных и конечных точек, важную роль играет понятие предельности.

Существенный вклад в развитие когнитивной лингвистики внесли отечественные ученые Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Топоров, Е.С. Яковлева и др. Тем не менее проблема пространственного предела остается малоизученной. Между тем, лингвокультурологический анализ предела способствует более глубокому пониманию национальной картины мира.

Пространственный предел, рассматриваемый в настоящей статье, в той или иной степени исследуется в работах, среди которых большой интерес представляет работа Е.В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость». Рассматривая понятия *конца*, *кончика*, *кромки*, *края* в рамках пространственных конструкций, автор приходит к выводу, что в русской языковой картине мира совсем не всякий предмет «имеет» границы. Краем и кромкой называют границы поверхностей, причем только «открытых», т.е. не соприкасающихся с другой поверхностью. Концом – границу вытянутого предмета (конец палки, доски), но обязательно не вертикального. Для вертикальных объектов есть специальные слова, обозначающие их верхнюю границу, – типа *верхушка*, *макушка*, но только для очень немногих. Легко заметить, что «необслуженными» в отношении языковых границ оказывается большинство объектов внешнего мира, которые не являются поверхностями или вытянутыми объектами. Никак лингвистически регулярным способом нельзя обозначить, например, «верхний конец» фонаря, или «верхний край» крыши, или границы шара и т.д. [Рахилина, с. 243].

Серьезного внимания заслуживают труды ученых, входящих в исследовательскую группу «Логический анализ языка», которая была создана под руководством Н.Д. Арутюновой. Во вступлении к изданию «Логический

анализ языка. Семантика начала и конца» Н.Д. Арутюнова рассматривает условия формирования этих понятий. Согласно этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, понятия *начало* и *конец* восходят к общему для них корню **ken-*, обозначающему предел, и *куна* ‘угол, острие, край’ [Арутюнова, с. 5]. Также автор приводит пример из церковно-славянского словаря Г. Дьяченко, где слово *конь* имеет несколько значений: ‘начало, ряд, порядок, предел’. Г. Дьяченко объясняет семантический синкретизм слова *конь* идеей рубежа или «предельного пункта» [Словарь синонимов..., с. 262]. Таким образом, общность этимологии свидетельствует о первичности одного нерасчленимого понятия *начало-конец* или *концов* [Арутюнова, с. 4]. Несмотря на то, что единое значение «концов» разделилось на два соотносительных понятия – *конец* и *начало*, их явная концептуальная взаимосвязь позволяет осмыслять их в рамках единой области. Лексема *конец*, как и бессуффиксная *кон*, в отношении протяженных пространственных предметов употребляется в значении ‘край, граница’.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что в основании концепта лежит идея линейности. Линия – простейшее в идеале одномерное геометрическое понятие – маркирует переход из мира природы к его геометризованной модели [Арутюнова, с. 6].

Проблема пространственного предела затрагивается в статье В.Г. Гака «Семантическое поле конца», где автор описывает план выражения и план содержания семантического поля *конца* в русском и французском языках. В описываемых языках понятие *конец* выражается лексическими, словообразовательными, фразеологическими и грамматическими средствами, к которым могут добавляться и интонационные. Автор классифицирует терминативные слова на общие и специальные. К общим относятся слова, обозначающие конец в общем плане, способные выражать границы большинства объектов окружающего мира. Специальные слова соотносятся с определенными субъектами или объектами. Автор рассматривает *причину конца*, *интенцию/спонтанность*, *качественную оценку*, *линию движения* как основные оппозиции понятия *конец*. У многих русских глаголов понятие *кончат* передается префиксами, среди которых наиболее употребительными являются *от-*, *до-*, *вы-* [Гак, с. 52-53].

Н.Б. Мечковская, рассматривая тождество, антонимию и асимметричность концептов *начало* и *конец*, замечает, что субстантивы со значением ‘конец’ более частотны, чем слова со значением *начало*. Филиация новых значений у слов со значением ‘конец’ происходила главным образом на метонимической основе: *конец* как *предел*, *граница* и *конец* как «нечто отграниченное, полученное путем разделения». В современном языке количество значений у слова *конец* сокращается, уменьшается асимметрия концептов *начало* и *конец*, что связано с возрастанием значимости данной оппозиции в сфере времени, которое в современной обыденной жизни постоянно и все более точно измеряется. Кроме того, в отличие от древнегреческого языка и латыни, в которых *конец в пространстве* и *конец во времени*

обозначались разными словами, в современном французском, немецком, английском, в славянских языках эти понятия обозначены одним основным словом [Мечковская, с. 117].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что предел в контексте времени и предел в пространстве существенно различны. Конец, или граница, пространственных объектов не имплицитно с необходимостью непосредственного перехода к другому объекту [Арутюнова, с. 5].

Вслед за Н.Д. Арутюновой, Л.Б. Лебедева предлагает рассматривать для обозначения разного рода пределов не слово *конец*, а *граница*, *грань*, *предел*, *черта*. Именно такие «изначально пространственные слова применимы во всех случаях, когда предмет получает пространственную интерпретацию...» [Лебедева, с. 93]. Рассматривая слова *граница*, *грань*, *предел*, *черта* в статье «Семантика ограничивающих слов» [Лебедева, с. 93-97], автор наделяет их не только семантикой ограничения, но и разграничения. Другими словами, эти понятия не абсолютны, они предполагают существование какого-то пространства и по другую сторону и возможность выхода в это пространство. Рассматривая различия между формами единственного и множественного числа, Л.Б. Лебедева выявляет тенденцию к лексикализации формы множественного числа. К примеру, *предел* имплицитно предполагает досягаемость границы объекта в каком-то одном направлении, а *пределы* предполагает досягаемость во всех направлениях; *границы* предполагает не множество границ, а замкнутую линию, для идеального пространства границы – это окружность, *граница* же – это отрезок линии, чаще всего он осмысливается как отрезок прямой [Лебедева, с. 93-96]. Автор полагает, что такая тенденция является особенностью «ограничивающих» слов с их тесно связанными между собой импликациями отделения и выделения. Из приведенных «ограничивающих» слов граница определяется автором как универсальное понятие. Так, самые разнообразные действия и положения, связанные с разделением и выделением участков и объектов, описываются глаголами, производными от существительного *граница*. Именно русское слово *граница* обладает как семантикой *ограничения*, так и *разделения*.

В свою очередь, лексические репрезентации концепта *граница* рассмотрены в работе Т.М. Ворониной «Образная схема граница и ее лексические репрезентации в русском языке: модификация пространства» [Воронина, с. 54-59], в которой выявлены основные когнитивные признаки слов с семантикой пространственного предела. Основными лексическими репрезентациями данного концепта являются имена существительные в составе синонимических рядов:

1) *граница*, *грань*, *линия*, *межа*, *рубеж*, *черта* – ‘разграничительная линия между земельными участками’;

2) *граница*, *предел*, *рубеж* – ‘разграничительная черта, разделяющая земли, государства, пространство’; ‘линия, разделяющая территории соседних государств; черта раздела смежных пространств, поверхностей или отграничения их от чего-л. другого’ [Словарь синонимов..., с. 109]. Выде-

ление синонимических рядов и формулировка семантической идеи каждого из них в словарях различны, однако безусловным является выделение, в первую очередь, собственно пространственного значения их сем ‘линия’, ‘разделять’, ‘территория’, ‘соседние объекты’.

Автором выявлены следующие смысловые составляющие анализируемых существительных: линейное расположение и незначительная ширина, разделение двух объектов, отделение (а не только разделение), указание на предел, конечную часть пространства [Воронина, с. 56].

Языковые средства выражения семантики предела в бурятском языке подробно описаны Е.А. Бардамовой. Анализируя языковой материал репрезентации пространственных идей *начала* и *конца* в бурятском языке, автор приходит к выводу о том, что семантика *конца* гораздо более продуктивна, чем *начала*. Ментальная сущность данных понятий определила специфику его метафорических моделей представления. Идея конца актуализирует значение предела, намного отдаленного от участников коммуникации или прилегающего к этому месту пространства, выражается при помощи продуктивных метафорических моделей результата, тупика, вершины или бездны, предела, зооморфизмов [Бардамова, с.127].

Итак, пространство – одно из первых реалий бытия, которое воспринимается и дифференцируется человеком. Человек не может мысленно представить бесконечность, поэтому в обыденном восприятии пространства важно существование границ. По мнению Л.Б. Лебедевой, в отношении с пространством человеку требуется как минимум две психологические опоры: субъект познания – «Я» и противостоящая субъекту граница [Лебедева, с. 93].

Учитывая результаты анализируемых работ, можно утверждать, что для наивного понимания пространства характерна антропоцентричность, которая выражается, с одной стороны, в выборе человека в качестве пространственного ориентира и точки отсчета, а с другой – в ориентировании объектов по аналогии с ориентированием тела человека.

Ученые считают, что основополагающим критерием объективации предела является геометрический образ. Кроме того, для обозначения пространственного предела большим значением обладает образ линии.

В целом пространство мыслится как плоскость, т.е. имеет горизонтальную ориентацию. В связи с этим, при обозначении предела вертикальных поверхностей возникают некоторые трудности. Для вертикальных объектов есть специальные слова, обозначающие их границу – *макушка*, *горловина* и т.д. Примеры «очеловечивания» пространства через его связи с частями тела встречаются в разных языках. В.Н. Топоров, приводя такие примеры, отмечает, что язык описывает «обжитое» человеком пространство [Топоров, с. 244]. Таким образом, заметим, что так называемая Human body part model является довольно распространенной моделью, по которой строится ориентирование объектов в пространстве [Борисова, с. 31].

В современном языкознании некоторые лингвисты склонны определять

концепт *конец* как временным, так и пространственным. Однако слово *конец* очень часто используется именно для обозначения пространственного предела. Несмотря на то, что *конец* сочетается только с названиями протяженных, вытянутых невертикальных объектов, это слово является универсальным для обозначения границ пространства: ни *край*, ни *кромка* не могут обозначать такого рода границу, поскольку они связаны с обозначением поверхности.

Следует отметить, что представленные в отдельных статьях сведения о пространственном пределе не передают в полной мере специфику данного концепта. Таким образом, пространственный предел представляет большой интерес и нуждается в детальном лингвистическом исследовании.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002.
2. Бардамова Е.А. Пространство в языковой картине мира бурят. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
3. Борисова С.А. Пространство – Человек – Текст. – Ульяновск, 2003.
4. Воронина Т.М. Образная схема «граница» и ее лексические репрезентации в русском языке: модификации пространства // Вестн. Балтийск. федеральн. ун-та им. И. Канта. Сер. «Филологические науки». – 2012. – № 8.
5. Гак В.Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002.
6. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002.
7. Мечковская Н.Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002.
8. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: «Русские словари», 2008.
9. Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983.

Гашинова Юлия Сергеевна, аспирант кафедры русского языка Бурятского государственного университета.

Gashinova Yulia Sergeevna, postgraduate student, department of Russian language, Buryat State University. Тел.: +7-9834359872; e-mail: us_gashinova@mail.ru

УДК 81.23

© А.А. Артюнина

О речевых манифестациях восприятия времени через сферу личного опыта

Исследуется выражение ретроспективного восприятия времени в речи носителей английского языка. Опираясь на положения Дж. Лакоффа о классификации сферы личного опыта, автор утверждает, что вехи внутреннего времени индивидуума связаны с другими людьми и именно люди, социальное окружение являются маркерами внутреннего времени.

Ключевые слова: пространственно-временная структура внутреннего мира, феноменологический опыт, воплощенные концепты в сфере личного опыта, внутреннее время, эго, ретроспективный обзор событий во времени, социальные контакты.

A.A. Artyunina

On speech manifestation of time perception through the personal experience sphere

The article deals with reflection of retrospective time perception in authentic English speech. Based on George Lakoff's classification of personal experience sphere, the author reveals that the inner time manifestations of individuals are connected to other people and it is people, social environment plays role of markers of individual's inner time.

Keywords: spatiotemporal structure of inner life, phenomenological experience, embodied concepts in the sphere of personal experience, inner time, ego, retrospective review of events, social contacts.

Процесс проживания и переживания человеком событий внешнего и внутреннего характера является той основой и материалом, из которых складывается пространственно-временная структура индивидуального мира [Потаенко, с. 68]. Известный американский лингвист, профессор Калифорнийского университета в Беркли Дж. Лакофф в монографии «Философия во плоти» излагает свою концепцию «воплощенного разума», в рамках которой изучается зависимость человеческих мыслительных способностей и представлений о мире, в том числе философских систем, от особенностей устройства человеческого тела. Он выделяет три уровня воплощенности концептов, т.е. зависимости концептов от строения человеческого тела: нейробиологический, опыт феноменологического сознания и когнитивное бессознательное. Для данной статьи наибольший интерес представляет уровень феноменологического сознания, который состоит из всего, что мы можем осознать: наши умственные способности, тело, окружение, физические и социальные контакты. Это уровень «ощущения» опыта, того, как вещи представляются нам, наши первичные ощущения, т.е. отличительные черты нашего опыта [Lakoff, Johnson, p. 53].

Для мышления, восприятия, действий и речи базовым понятием является категоризация. Дж. Лакофф отмечает, что основным принципом, по ко-

тому осуществляется категоризация, является принцип сферы опыта. Он относит к данной сфере само бытие человека (being): чувственный опыт, знания, разум, мораль. Сфера опыта модифицирует принадлежность объекта к категории. Сфера опыта – это поле непосредственных переживаний, сенсорных и внутренних, куда входит все, что переживается индивидом. Это подвижная и изменяющаяся сфера [Роджерс]. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют четыре источника повседневного феноменологического опыта, на которых базируются основы внутреннего мира человека: 1) манипулирование объектами, 2) расположение в пространстве, 3) вступление в социальные отношения, 4) представление себя в роли другого [Lakoff, Johnson, p. 113].

В связи с этими положениями интерес представляет анализ ретроспективного обзора событий во времени, т.е. воспоминаний, как относящегося к феноменологическому опыту явлению. Мы считаем, что в процессе воспоминания, когда задействовано внутреннее время-эго, человек в качестве опор времени позиционирует других людей.

Мы обратились к пользователям социальных сетей, родившихся в США, для которых английский язык является родным, с просьбой поделиться с нами воспоминаниями о своем школьном опыте. В общей сложности было проанализировано примерно 60 развернутых ответов. Для данной статьи было отобрано четыре сообщения.

(1)

*Besides the academics of high school the strongest memories are of a **chemistry prof** that also taught us photography on the side. I became the chief photographer and used the lens to appease the curiosity of that age.*

*The Vietnam war was polarizing us even at that age: **jocks and peace freaks** were the terms back then.*

В данном тексте наряду с изучаемыми предметами, т.е. тем, что составляет суть и основу обучения в школе, приводятся воспоминания о преподавателе химии. Интересно, что это одно из очень немногих сообщений о школьной жизни, в которых упоминается личность учителя. Далее в сообщении рядом с важнейшим в США политическим событием того времени – войной во Вьетнаме идет рассказ о внутришкольных группировках – **jocks** и **peace freaks**. Таким образом, во внутреннем мире человека соседствуют и общественно значимые события и события, представляющие интерес только для самого индивидуума. В сообщении затрагивается одна из сфер феноменологического опыта – социальные контакты, т.е. контакты с другими людьми.

Следующий текст разбит на шесть абзацев, из которых приводим первый абзац.

(2)

*Oh wow, how do I talk about my high school experience? Like any normal person I have my regrets and things I'd like to change. For one, I wish I had enjoyed my **skinny body** that I will never get back instead of obsessing about*

*my fat... I joined the choir my Sophomore year, and I found this niche that I fit into perfectly. I was good at it, **I was surrounded by people** with my same passions, and it made my high school experience. A big part of the fun was **the opportunity to identify with other teens** that were as quirky and dramatic as I was.*

В данном фрагменте затрагивается объект базового уровня личного опыта – тело человека. Поскольку первой сферой человеческого опыта является собственное тело, в психике присутствуют образно-схематические понятия, которые осознаются как некоторые понятные и хорошо знакомые структуры, исходя из телесного опыта. И только потом они применяются к абстрактным понятиям. В своих научных исследованиях Дж. Лакофф огромное внимание уделяет тому, что он называет *embodied mind*. По выражению Дж. Лакоффа, мышление воплощено (*embodied*), иными словами, понятийная система человека обусловлена его «телесным опытом» (*bodily experience*) и имеет смысл лишь в терминах этого опыта. Ядро понятийной системы непосредственно определяется перцептивным и моторным опытом человека, а также его социальными контактами. Поэтому физическая природа мыслящего существа и способ его функционирования в среде обитания имеют огромное значение для изучения человеческого мышления. Таким образом, «наше тело определяет совокупность фундаментальных пространственных отношений, которые мы используем не только для самоориентации, но и при восприятии отношения одного объекта к другому» [Lakoff, Johnson, p. 69]. Таким образом, в данном тексте при воспоминании о годах, проведенных в старшей школе, первым вспоминается собственное тело, а потом – те, с кем автор вместе обучался хоровому пению, те, кто разделял это увлечение автора. Выстраивается цепочка воспоминаний – от телесного опыта (*skinny body*) к социальным контактам (*I was surrounded by people, the opportunity to identify with other teen*).

(3)

*High school was unique for me. My experience was different from any of my friends' or siblings' experiences. **My sister** was the social butterfly who went to every social event, but was also a popular athlete. **My brother** was the popular class clown who was social and coasted through school without a care in the world. I was the grade-obsessed over-achiever. ... I played many sports with the so-called popular **crowd**, so I got along with them. We spoke in the halls and sat by each other in classes. ... Movies always depict high school as a battle between social classes. ... I have a hard time watching movies that show high school the way described earlier because, according to my own experiences, that's not what it is like in real life.*

Начало данного текста – всегда информативно сильная позиция, поэтому упоминание сестры и брата в первых строках сообщения говорит о значительной роли этих людей во внутреннем мире информанта. Данная часть сообщения относится, согласно классификации Дж. Лакоффа, ко второму уровню личного опыта – положение в пространстве. Под этим понимается нахождение в знакомом окружении, т.е. там, где обычно находится человек

– дома, на работе и т.д. Семья входит в так называемый второй круг концептуальных метафор и находится по значимости на втором месте в системе личного опыта человека после собственного тела. Вехи времени в воспоминаниях индивидуума связаны с реальными людьми. Это позволяет оценить роль людей в языковом образе внутреннего мира человека. При воспоминании о школьных годах информант противопоставляет себя сестре и брату, а реальные взаимоотношения учащихся в своей школе – стереотипам из многочисленных американских кинофильмов о старшей школе. Семья в лице сестры и брата важна, но при этом личность сохраняет свою индивидуальность. Однако учеба в школе – это всегда взаимодействие внутри коллектива даже при ярко выраженном приоритете отдельной личности, характерном для мировоззрения американцев. Поэтому вслед за упоминанием брата и сестры идут воспоминания об одноклассниках, но как о чем-то обобщенно-обезличенном – *crowd*. Социальные контакты – это третий уровень личного опыта, по классификации Дж. Лакоффа. Без социальных контактов невозможно существование в обществе. С самого рождения мы вступаем в межличностные и социальные отношения с другими людьми. Мы учимся оценивать свое внутреннее отношение в себе на базе оценки межличностных и социальных отношений между людьми, окружающими нас.

В данном сообщении прослеживается также большое влияние кино, в частности Голливуда, на мировоззрение американцев. Выражается это влияние, в частности, в том, что несоответствие между образами и реальностью оказалось очень заметным, вызвало определенные эмоции и, как результат, осталось в памяти автора.

(4)

I went to school in a movie, at least that's what it felt like. If you can imagine every stereotype from a Hollywood production then you would have a bird's eye view of my high school. There were the athletes (not called jocks, which included the six Polynesians), the drama freaks, future business leaders, the agriculture kids (who everyone ignored), the smart kids (they had a bunch of sub-categories: cool, angry, nerdy, popular, rich, techy, and religious), the druggies, the cowboys (which included the two Latinos), the artists, the writers (still hate them), the Goths (still love them), the dancers (who were also the cheerleaders, the student body officers, the Sterling Scholars, the prom royalty, and the contest winners), the organized music kids (choir, band, and orchestra – very respected) and the musicians (garage rockers and park playing freelancers – never respected), the goodie goodies, the bad kids, the popular kids, the environmentalists (not to be confused with Granolas or hard core Straight-edgers – whom, by the way, usually ended up dating each other and morphed into happy hippie couples – I really liked them), the fashion queens, the hot preppy guys (always wanted to date one, never did), the gang bangers, the service clubbers (usually forced into it by their parents – I went to a meeting once, it was weird), and about fifty other categories.

В данном тексте идет подробное перечисление молодежных группировок и представителей молодежных субкультур, с которыми автор вместе учился в школе. Автор выражает свое личное отношение к представителям некоторых группировок, однако вполне очевидно, что он не входил ни в одну из них. Как и в примере (3), имеется ссылка на стереотипы кино. Примечателен тот факт, насколько детально и четко отложилось в памяти информанта такое количество и разнообразие окружавших его типажей. Мы допускаем, что это стало возможно благодаря так называемой эпизодической памяти. Эпизодическая память касается событий, непосредственным участником которых человек являлся. Согласно Э. Тулвингу, эпизодическая память помогает нам вспоминать события, которые мы лично пережили или свидетелями которых мы являлись, в то время как семантическая память содержит разного рода знания. По мнению Э. Тулвинга, эпизодическая память является источником самопознания и по своему характеру она аутоноэтична (от греч. νόησις – «мышление») [Tulving]. Эпизодическая память отличается от семантической своим рефлексивным характером.

Эпизодическое же воспоминание можно сравнить с формой мысленного путешествия по субъективному времени. Эпизодическую память можно, таким образом, рассматривать как основу психологического времени личности, т.е. внутреннего времени-эго в силу того, что особенности психического отражения человеком времени, его скорости, насыщенности и продолжительности «зависят от числа и интенсивности происходящих в жизни событий – изменений во внешней среде (природной и социальной), во внутреннем мире человека (мыслях и чувствах), в его действиях и поступках» [Головаха, Кроник, с.14]

В связи с частым упоминанием стереотипов кино можно сослаться на известного американского социолога Д. Рисмана, который разработал типологию социальных характеров, соответствующих трем типам общества. Текущему этапу развития американского общества соответствует третий тип из классификации Д. Рисмана. Третий тип характера рождается в условиях перехода к потребительскому, т.е. развитому индустриальному, обществу и получает название «извне ориентированная личность» – «внутренний наблюдатель». Поведение личности с таким типом характера обусловлено влиянием бюрократии, СМИ, моды, господствующей системы связей и отношений. Иными словами, влияние киноиндустрии на стереотипы поведения людей и на формирование внутреннего мира человека в современном западном мире огромно. Поэтому так часто и встречается в сообщениях информантов ссылки на кино- и телефильмы, в том числе и про американскую школу [Рисман, 1992].

Как уже упоминалось, одним из источников феноменологического опыта являются социальные отношения, т.е. отношения людей друг с другом. Принцип сферы опыта, сформулированный Р. Диксоном и приведенный Дж. Лакоффом в книге «Метафоры, которыми мы живем», звучит следующим образом: если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы, естественно, принадлежат той же категории, что и А. [Лакофф, Джонсон, с. 14]. Следовательно, согласно этому принципу, люди как основа социальных отношений тоже являются частью сферы личного опыта.

Темпоральная составляющая индивидуальной картины мира формируется во многом на основе личного временного опыта. Время индивидуума как его личное достояние ассоциируется с разного рода переживаниями, с багажом памяти. Анализируя полученные нами сообщения, мы приходим к выводу, что на формирование внутреннего времени оказывают влияние другие люди. Вспоминая какое-либо значимое событие, мы в первую очередь вспоминаем людей. Люди – самый сильный маркер времени, который, как показывают проанализированные выше примеры, имеет характерные речевые манифестации.

Литература

1. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. – Киев: Наукова думка, 1984.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
3. Потаенко Н.А. Время в индивидуальной картине мира // Проблема времени в культуре, философии и науке: сб. статей. – Шахты: ЮРГУЭС, 2006.
4. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Общественные науки за рубежом. Сер. 11: Социология. – 1992. – № 2.
5. Роджерс К. Клиент-центрированная терапия. – М.: Рефл-бук, 1997.
6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to Western thought. – New York: Basic Books, 1999.
7. Tulving E. Episodic vs Semantic Memory // Encyclopaedia of the Cognitive Sciences / R.Wilson, F.Keil (eds.). – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1999.

Артюнина Алина Анатольевна, аспирант кафедры перевода и переводоведения ИГЛУ; старший преподаватель филиала ИрГУПС (Улан-Удэ).

Artyunina Alina Anatolyevna, post-graduate student, department of translation and theory of translation of Irkutsk State Linguistic University; senior lecturer at Irkutsk State Railway University (Ulan-Ude) Tel: +7-9025629350; e-mail: artyunina@mail.ru

УДК 81'372

© *Е.Ю. Дамбаева*

Функционально-семантические особенности вербализации жанра *бренд-история*: модель *хроника*

В статье рассматриваются основные функционально-семантические особенности вербализации одного из жанров веб-дискурса корпоративного бренда – *бренд-истории* (на примере модели *хроника*).

Ключевые слова: бренд-история, хроника, хронотоп, глагольность.

E. Yu. Dambayeva

Functional-semantic features of *brand-story* genre verbalization:
chronicle model

The article deals with the basic functional-semantic features of brand story, one of the genres of corporate brand web-discourse (through the example of ‘‘Chronicles’’ model).

Keywords: brand story, chronicle, chronotope, verb.

В текстах веб-дискурса корпоративного бренда существует определенная жанровая общность, логически отвечающая интересам корпоративного бренда, определенная нами как *бренд-история*. В результате исследования принципа сюжетно-композиционной организации, концептуального хронотопа и типа повествования в жанре *бренд-история* мы можем выделить несколько форм ее существования – моделей, дифференцируемых нами по типу протожанра: 1) хроника; 2) биография; 3) интервью; 4) короткий рассказ; 5) легенда; 6) воспоминания; 7) очерк; 8) статья.

Самым распространенным способом передачи *бренд-истории*, используемый ее авторами, является обращение к протожанру *хроник*. *Хроники* принято относить как к художественно-публицистическому жанру, представляющему собой последовательное изложение событий на определенном отрезке времени, так и к жанрам новостной журналистики, определяемым как краткое сообщение о факте. Существует мнение В.Е. Петрова о хронике как жанре однозначно художественно-публицистическом. Он считает, что «хроника – <...> это подборка информации о хронологической череде важнейших событий за определенный промежуток времени на определенной территории. И – вполне законное дополнение – это ещё и определенным образом составленная и оформленная подборка», в то время как «оперативное сообщение – это сугубо информационный жанр, чуждый публицистичности и художественности» [Петров].

Тем не менее, целям нашего описания *бренд-истории-хроники* соответствуют оба определения протожанра *хроники*, поскольку каждый из них может быть взят за ее основу по функциональному основанию.

Составляя бренд-историю – хронику, авторы, главным образом руководствуются целью информировать заинтересованное лицо об основных событиях в истории функционирования компании с момента ее образования и до современного ее состояния, реализуя, таким образом, просветительскую или информирующую стратегию.

Хроникальное сообщение как жанр журналистики – текст объемом от одного до трех-четырёх предложений с общим смыслом «где, когда, какое событие произошло». *Бренд-история-хроника* – это всегда хронологическая цепочка из подобных текстов, которые могут состоять как из нескольких предложений, так и из одного.

Тексты хроники представляет собой микротексты с развивающейся главной мыслью, которые обязательно основываются на реальных фактах и

содержат новую, актуальную информацию. Частью свойств *бренд-истории-хроника* может быть сопоставима с жанром заметки. Отличаясь небольшим объемом, она так же, как и заметка, требует лаконичного, четкого изложения материала.

Экстралингвистическими стилеобразующими признаками *бренд-истории-хроники* являются наличие факта, новизна информации, социальная значимость сообщаемого.

Факт – это единичное событие (явление), для которого характерны определенные время, место, конкретный предмет речи. Поэтому любая *бренд-история-хроника* отвечает на 3 вопроса: что? где? когда? При этом в каждом таком микротексте фиксируется единичность события.

На особенности коммуникативной ситуации, в которой автор реализует свое намерение, влияют экстралингвистические факторы: 1) содержание сообщения является центральным компонентом коммуникативной ситуации; 2) частая повторяемость ситуации обуславливает однотипность структуры заметки; 3) автор выступает как официальное лицо; 4) адресат мыслится предельно обобщенно; 5) авторская оценка отсутствует.

Говоря о *бренд-истории*, нельзя не затронуть такое понятие, как хронотоп. «Всякое вступление и сферу смыслов, – замечает М.М. Бахтин, – совершается только через ворота хронотопа» [Бахтин, с. 406]. Несколько ранее он аргументирует свой хронотопический подход: «Хронотоп определяет единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности и включает ценностный момент, выделяемый в ходе абстрактного анализа» [Бахтин, с. 391]. В хронотопическом единстве М.М. Бахтин выделяет как ведущую сторону *время*.

В.Е. Петров характеризует сегодняшнее состояние хроник как «хорошо темперированного прошлого» [Петров]. Хронотопность в хрониках воплощена в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений и осуществляется в основном через глаголы и наречия.

Основные показатели времени – числительные, позволяющие соотнести событие с датой сообщения о нем, а также такие наречия, как *тогда, затем, после, отныне*. Чаще всего дата вынесена в начало сообщения, являясь своеобразным заголовком.

1. **1919** – *Выход в мир*

Владельцами The Coca-Cola Company становятся банкир Эрнест Вудрафф и его партнеры. Предприятие перерегистрировано в штате Делавэр, и его акции поступают в обращение на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Тогда же *Coca-Cola* *начинает делать первые успехи на зарубежных рынках: заводы по розливу напитка появляются на Кубе, в Пуэрто-Рико, на Гауме, Филиппинах и во Франции* [cocacolarussia.ru].

*Хорст Даслер наживает капитал, пользуясь теми возможностями, которые существуют в спортивной рекламе. <...> **Теперь** компания adidas производит 45 миллионов пар обуви в год* [adidas.com/ru].

2. **2008** – *Линейка продуктов детского питания «Агуша» дополнена сухими молочными кашами и сухими молочными смесями для грудных детей. **Отныне** бренд «Агуша» представлен во всех категориях детского питания [company.wbd.ru/about/history].*

Временной сигнал и его точное указание задается самим жанром, его констатирующим содержанием. Указание места же, напротив, может быть имплицитным, так, в хронике событий, происходивших в одном и том же месте, нет необходимости в каждом сообщении упоминать название их локализации.

Тексты хроник могут изменяться и варьироваться по своим композиционным, стилистическим и содержательным признакам, в которых отчетливо проявляются некоторые черты официально-делового стиля.

Наличие события фиксируется бытийным глаголом в разных формах (*является, состоялось, состоится, открыт, начат, началось, запланировано, происходит, собирается, работает* и т.д.). Само сообщение часто имеет типичную формулу страдательного залога: сказуемые выражаются возвратными глаголами, страдательными причастиями в краткой форме:

1. *1989 – Министерство газовой промышленности СССР **преобразовано** в Государственный газовый концерн «Газпром».*

*1992 – 5 ноября **подписан** Указ Президента РФ «О преобразовании ГГК „Газпром“ в Российское акционерное общество „Газпром“». 17 февраля 1993 года выходит соответствующее Постановление Правительства РФ.*

2. *9 июня на Годовом собрании акционеров **избран** новый состав Совета директоров и **одобрено** решение о выплате дивидендов.*

*17 июня «Атомэнергпром» **подключается** к связи «Билайн» [about.beeline.ru/history].*

Рассмотрим употребление форм времени в бренд-истории-хронике. В ней возможно использование как настоящего, так и прошедшего грамматического времени. Характерной чертой хроники является то, что категориальные грамматические значения форм времени реализуются во взаимодействии с контекстом и речевой ситуацией. На устойчивых типах этого взаимодействия основаны выделяемые в грамматическом описании типы употребления каждой из форм. В. В. Лопатин различает прямое и переносное употребление форм времени. При этом он выделяет следующие типы переносного употребления форм настоящего времени: настоящее историческое и настоящее при обозначении будущих действий [Лопатин].

В настоящем историческом форма настоящего времени используется в рассказе о прошлом как средство образной актуализации прошедших событий:

*1955 – Трансформация упаковки. *Coca-Cola* **осваивает** новые виды упаковки: **появляются** 300-, 350- и 780-граммовые семейные бутылки, которые сразу же **получают** признание потребителей. Позже напиток **выходит** в алюминиевых банках, а затем и в легких пластиковых бутылках большого объема [cocacolarussia.ru].*

Настоящее историческое как живой и непосредственный прием актуализации прошедших событий (когда действия изображаются так, как будто они протекают перед глазами говорящего) используется в авторской речи, в исторических трудах, биографиях. В условиях литературного авторского повествования настоящее историческое обычно перестает быть непосредственным актом метафорического представления прошлого как происходящего перед глазами говорящего (пишущего).

В отличие от настоящего исторического в живой разговорной речи, характеризующегося постоянной и непосредственной связью времени действий со временем высказывания и личностью говорящего, для настоящего исторического в литературном авторском повествовании такая связь не всегда существенна. События, о которых идет речь, и те, кто их производит, не соотносятся непосредственно с личностью говорящего (пишущего) и с моментом его речи. Настоящее историческое в подобных условиях используется лишь как один из возможных временных планов повествования, связанный с экспрессивной образностью [Лопатин].

*На олимпиаде в Токио 80% атлетов **носят** спортивную обувь с Тремя Полосками. Вилли Хольдорф становится первым немцем, завоевавшим золото в десятиборье. Даслер **разрабатывает** для абебе Бикилы беговую обувь, чтобы ее вес соответствовал его стилю бега [adidas.com/ru].*

Употребление в бренд-истории – хронике формы прошедшего времени глаголов совершенного вида встречается гораздо чаще, чем настоящего. Формы прошедшего времени глаголов совершенного вида в аористическом употреблении обозначают прошедший факт без указания на наличный результат прошедшего действия:

*14 июня – Газпром и холдинговая компания «Интеррос» **заключили** генеральное соглашение о сотрудничестве.*

*15 июня – Газпром и компания «Винтерсхалл» **подписали** Меморандум о сотрудничестве в освоении Приразломного месторождения в Баренцевом море.*

*30 июня – **Прошло** очередное годовое Общее собрание акционеров ОАО «Газпром». <...> Собрание **одобрило** решения, связанные с финансированием проекта «Голубой поток» [gazprom.ru/about/history].*

Аористическое употребление обычно при повествовании о сменяющих друг друга фактах:

*В 1994 году **начались** первые приватизационные торги и торговля акциями Компании на вторичном рынке. В этом же году ЛУКОЙЛ **вошел** в свой первый международный проект – **приобрел** 10% участия в разработке крупнейшего в азербайджанском секторе Каспия нефтяного месторождения Азери-Чираг-Гюнешли [lukoil.ru/new/history].*

Будущее грамматическое время в жанре бренд-истории – хроники не употребляется в силу его обращенности в прошлое.

Повествовательный тип изложения информации в бренд-истории-хронике является преобладающим, но зачастую употребление официально-

делового стиля, в котором констатирующий, описательный тип речи преобладает над повествованием, приводит к употреблению отглагольных существительных: *переход к рынку, ломка всех старых связей*.

Глагольные формы, вытесненные отглагольными существительными, или же сами существительные определяют его статичность, однако, наличие временных маркеров позволяет отнести его к хроникальному описанию, подразумевающему динамику:

1999 – **Открытие** кондитерской фабрики и начало производства шоколадных конфет под торговой маркой «А. КОРКУНОВ»®

2003 – **Строительство** нового корпуса фабрики, оснащённого новейшим итальянским оборудованием. **Открытие** уникальной лаборатории инновационных разработок [korkunov.ru/about_history.].

По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, «классы предметов обозначаются в языках достаточно гомогенной категорией имен и именных словосочетаний, кванты событийного потока коррелируют с очень разными и даже резко противопоставленными единицами, такими как предложение (пропозиция), его номинализация, глаголы (их лексическое значение), видо-временные и модальные формы предикатов, имена обще- и конкретно-событийного значения». Вследствие всего этого «концепты, моделирующие кванты происходящего, формулируются на перекрестке именных и глагольных категорий» [Арутюнова, с. 101-102].

Вообще глагольность может стать определяющей чертой того или иного текста, если функционально-смысловой тип речи ориентирует на повествовательный, событийный характер изложения. Однако при иных условиях в газетно-публицистических текстах (особенно если они испытывают сильное влияние официально-делового стиля) глагольность порой сводится до минимума, что в одних случаях вполне закономерно, а в других оценивается как проявление негативного влияния стандарта, снижающего эстетическую сторону речи [Голуб].

Встречается и иная картина соотношения этих частей речи – повествовательному характеру речи здесь соответствует глагольная форма изложения информации.

Публицистический стиль в сравнении с другими книжными стилями обладает значительно большими возможностями использования различных семантических групп глаголов, хотя ограничения жанрового и тематического характера все же сдерживают свободу авторского выбора.

Глагольность как функционально-стилевой параметральный признак выделяет художественную речь. Значительное количество глаголов (в два с половиной раза больше, чем в официально-деловом стиле) – преимущество образной речи; оно свидетельствует о том, что повествование занимает в художественных текстах большое место [Голуб].

Рассказывая историю развития компании, автор бренд-истории-хроники стремится отразить важнейшие события. Отбор материала, однако, особенно для начала работы «предыстории», определяется не только его важно-

стью для компании, но и теми источниками, которые доступны автору. Это касается длительности периода существования компании. При продолжительной истории, не ограничивающейся одним веком, источники о зарождении и первых порах функционирования компании могут быть весьма условными. В этой связи рассказ о первых порах существования компании бывает пополнен отдельными деталями, зачастую вымышленными. Другим источником информации могут послужить рассказы очевидцев или участников событий.

В бренд-историях компаний, чья деятельность насчитывает более сотни лет, ранние события хроники, возможно, бывают воссозданы авторами на основе не только официальных документов, но и устных рассказов и легенд. Часто это отражается в употреблении не характерных для этого жанра выразительных средств именно в начале хроники и более официального стиля в конце ее:

1804 – У истоков фирмы стоит крепостной статской советницы Анны Петровны Левашовой, помещицы села Троицкого Ченбарского округа Пензенской губернии, Степан Николаев. Семья Степана поставляла к столу барыни различные лакомства, сладости. Особенно вкусными получались варенье и пастила из абрикосов. Прошло какое-то время, и помещица отпускает Степана на оброк: ему позволено уехать в Москву (одному, без семьи) и открыть там дело, с тем, чтобы каждый год выплачивать барыне определенную сумму деньгами. Под конец жизни, скопив нужную сумму, Степан смог получить вольную и для себя, и для своих близких.

<...>1998 – В настоящее время успешно торговать продукцией можно только при наличии собственного транспорта. Приобретение контрольного пакета акций крупной автотранспортной компании, специализирующейся на транспортировке готовой продукции по магазинам Москвы, открывает широкие возможности по расширению клиентской базы и улучшению качества обслуживания.

Таким образом, зависимость от официального стиля изложения заставляет автора бренд-истории-хроники употреблять характерные для жанра хроник, как жанра СМИ, языковые средства. Это проявляется, в первую очередь, в употреблении характерных лексических средств – нейтральной, межстилевой лексики, а также терминологической лексики, наличие которой обусловлено темой. Широкое употребление терминов оправдано функционально: они придают нужную точность и ясность изложения. Кроме того, с использованием терминологии связан и определенный стилистический колорит – строгость и точность, выдержанность и лаконизм речи. Тем не менее, при необходимости выражения эмоциональной оценки используется просторечная и разговорная лексика, устойчивые обороты.

Хронотопность в бренд-истории-хронике воплощена в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений и осуществляется в основном через глаголы и наречия.

Широкое использование различных семантических групп глаголов определяет стиль бренд-истории-хроники как публицистический, поскольку по функционально-смысловому признаку она ориентирована на повествовательный, событийный характер изложения, но при этом констатирующий, описательный тип речи иногда преобладает над повествованием. И это приводит, например, к употреблению отглагольных существительных, что бывает характерно для официально-делового стиля.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1988.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 1997 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-023.htm>
4. Лопатин В.В. и др. Русская грамматика [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusgram.narod.ru/1490-1515.html>
5. Петров В.Е. Хроника как художественно-публицистический жанр: хорошо темперированное прошлое // Материалы конференции АРСИИ им. Г.С. Державина «Восьмые пушкинские чтения», 2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.arsii.ru/article.php?id=25>
6. <http://about.beeline.ru/history/2008.wbph><http://www.adidas.com/ru/shared/aboutadidas.asp>
7. <http://www.cocacolarussia.ru/company/worldwide/history.html>
8. <http://company.wbd.ru/about/history/>
9. <http://www.gazprom.ru/about/history/chronicle/1989-1995/>
10. http://www.korkunov.ru/about_history.php#
11. <http://www.lukoil.ru/new/history/1994>

Дамбаева Елена Юрьевна, старший преподаватель кафедры «Английский язык в профессиональной коммуникации» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления; аспирант кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск).

Dambaeva Elena, senior lecturer, “English in professional communication” department, East-Siberian State University of Technologies and Management; post-graduate student at department of foreign languages, Baikal State University of Economy and Law (Irkutsk).

Тел.: +7-9833361061; e-mail: lenachina@yandex.ru

УДК 81`27:004.738.1

© *Е.В. Калёных*

Структурная неоднородность текста веб-сайта

В статье, посвященной анализу структурной неоднородности новой формы текста – веб-текста, рассматриваются особенности взаимодействия вербальных и невербальных компонентов данного вида текста, их функции и значение в процессе восприятия, а также некоторые базовые правила, которые следует учитывать при создании эффективного веб-текста.

Ключевые слова: новые формы текста, веб-сайт, поликодовый текст, Интернет-коммуникация, вербальные и невербальные компоненты.

E. V. Kalyonykh

Structural heterogeneity of web-text

The article is devoted to the analysis of structural heterogeneity of a new form of the text – web-text. It focuses on peculiarities of correlation of verbal and non-verbal components, their functions and significance revealed in the process of perception. Some basic rules to be taken into account while constructing the web-text to make it more effective are also explicated in the article.

Keywords: new forms of the text, web-site, polycode text, Internet-communication, verbal and non-verbal components.

Новейшие исследования в области социолингвистики, психолингвистики, антропологии и других наук свидетельствуют о динамике структуры и содержания текста – о тех изменениях, которые сегодня присущи тексту как таковому: «В современном лингвистическом анализе текста, как в кипящем котле, из разных составных частей образуются новые комбинации научных вкусов и пристрастий, рождаются и развиваются новые концепции описания целых речевых произведений» [Филиппов, с.16].

Не удивительно, что современный текст имеет сложную структуру и функции, обусловленные внедрением достижений технического прогресса в повседневную деятельность индивида. «Интернет-технологии не просто предоставляют новые возможности для коммуникации, но порождают особое культурное пространство, в котором субъект получает в свое распоряжение орудия, опосредствующие процесс формирования образа «Я» [Казнова, с. 152].

Современный человек, которому дали в руки высокие технологии, к сожалению, проявляет мало интереса к развернутому слогу. Ему кажется уже недостаточным чтение «просто текста», он ищет способы «усовершенствования» письменного текста. Для того, чтобы «оживить» текст, к вербальной составляющей он добавляет изображение, тем самым добиваясь улучшенного восприятия посылаемого сообщения. Так появляются новые формы (форматы) текста: креолизованный текст, гибридный текст, супертекст; бимедиальный, полимедиальный, мультимедиальный текст; полимодальный вербально-визуальный текст, поликодовый текст [Чернявская, с. 83].

Обратимся к анализу текста веб-сайта в связи с его структурной неоднородностью.

Понятие «веб-сайт» в России является относительно новым и непонятным для нечастых пользователей сети Интернет. Наряду с понятием «веб-сайт» также используются «электронная страница», «электронный сайт», «электронный ресурс». Поскольку ранее изучение веб-сайтов проводилось вне связи с лингвистикой, имеющиеся определения являются крайне ограниченными и узкоспециализированными. В связи с тем, что понятие «веб-сайт» заимствовано, его определение отсутствует в толковых словарях русского языка. В справочной статье Википедии «веб-сайт» определяют как

«совокупность электронных документов (файлов) частного лица или организации в компьютерной сети, объединённых под одним адресом (доменным именем или IP-адресом)» [Википедия].

Для лингвистического исследования данное определение не представляет интерес, в связи с чем назревает необходимость толкования анализируемого объекта в пределах научной парадигмы. Мы предлагаем следующее определение текста веб-сайта: это разновидность структурно-неоднородного текста из элементов вербального и невербального кодов, представляющего «визитную карточку» компании или физического лица.

Как следует из определения, основным признаком текста веб-сайта является его поликодовость. В понимании последней мы идем вслед за В.Е. Чернявской и А.Г. Сониным: «Поликодовый текст – «многоуровневый полимедиаальный продукт коммуникативной деятельности, вербальное и невербальное – пара- и экстравербальное знаковое множество» [Чернявская, с. 89]; это «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, с. 117].

Текст веб-сайта, представляя собой полимедиаальный продукт, в котором сочетаются текст, изображение и аудиосообщение обоснованно относится к группе поликодовых текстов (ПКТ). Соотношение ПКТ и текста веб-сайта, таким образом, может быть представлено типом связи, который определяется многими исследователями как «тип текста» и «экземпляр текста» [Филиппов, с. 195-198], где ПКТ – тип текста, а текст веб-сайта – экземпляр текста – как пример, или образец, конкретного единичного текста.

Многими исследователями высказывается мысль о том, что один язык не способен выразить всю «гамму» чувств и эмоций говорящего: «язык не представляет другие модели, так как он их в свое время не «заготовил» [Дашинимаева 2011, с.76]. Другими словами, невербальная часть текста в определенной степени эксплицирует ту часть мысли, которая осталась вне вербальной манифестации по тем или иным причинам. Здесь начинается взаимодействие, а иногда и борьба этих двух кодовых систем за право лидерства. Г. Крейдлин отмечает: «Вербальные и невербальные единицы взаимодействуют очень сложным образом, но почти во всех случаях <...> невербальные коды важны сами по себе хотя бы потому, что они существенно меняют качество информации, передаваемой вербально» [Крейдлин, с. 15].

Любой текст воспринимается на уровне разума и эмоций, т.е. рационально и иррационально. Принято считать, что вербальные компоненты апеллируют к разуму, в то время как невербальные – к эмоциям. Отметим, что создатели веб-сайтов наделяют свои тексты эмоциональной функцией, в то время как критики призывают к наделению их большим рациональным акцентом. Любопытно то, что каждый по-своему прав: критики диктуют, на какую область *нужно* воздействовать, рекламные специалисты делают ставку на то, на что воздействовать *легче*.

Тем не менее требования к использованию вербальных и невербальных средств при составлении веб-текстов все-таки существуют. Так, Е. Горошко, вслед за исследователями Интернет-коммуникации, формулирует данные требования в виде сочетания четырех базовых принципов коммуникации: простота, ясность, выразительность, уникальность. Поясняя эти принципы, исследователь отмечает нижеследующие аспекты, которые нужно учитывать при разработке *вербальной* составляющей текста веб-сайта [Горошко, с. 272-273].

Организация лексического оформления веб-текста. Приветствуется терминологическое однообразие по принципу «одно понятие – один термин». Следует избегать использования жаргонной и просторечной лексики.

Организация грамматического оформления веб-текста. Не рекомендуется использование разных частей речи при названии рубрик одного типа (напр., глаголов – «Показать все» и существительных – «Подробности»).

Смысловая организация текста. Лучше воспринимаются тексты, составленные в форме перевернутой пирамиды – «стиль написания веб-текста, при котором основная мысль подается в начале текста, т.е. статья начинается с вывода, за которым следуют ключевые моменты, а завершается наименее важной информацией» [там же].

Синтаксическая организация веб-текста. Объем веб-текста не должен превышать 15 слов в предложении и 5 строчек в абзаце. Максимальная длина веб-страницы – около 500 лингвистических единиц.

Последние два требования напрямую связаны с психофизиологическим аспектом восприятия: сначала индивид зрительно воспринимает организацию текста (длину предложений, строк, всего текста) и только потом переходит к его чтению. Конфигурация и структурный дизайн вербального текста – это также сфера невербального.

Основные рекомендации специалистов относительно непосредственно *невербального* оформления текста веб-сайта сводятся к следующим:

- 1) рекламное объявление должно быть эстетичным, функциональным и технологичным одновременно;
- 2) обязательным иллюстрационным элементом макета должен быть товарный знак и/или логотип фирмы.
- 3) эффективность рекламы повышается путем введения в макет дополнительной цветности или увеличением размера.
- 4) введение яркого образа (например, фото артиста) сделает макет замечательным и запоминающимся» [Гольман, с. 89].

Проведем компонентный анализ текста веб-сайта с учетом требований, изложенных выше. В качестве примера нами выбран ПКТ веб-сайта «Телешкола» (рис.).

Оформление веб-сайта мгновенно «приковывает взгляд». На ярко голубом фоне с бликами компьютерной клавиатуры и матричных систем располагается основное поле ПКТ. Верхнюю часть текста обрамляет иллюстрация с изображением заинтересованных школьников, дружно располо-

жившихся перед монитором компьютера. В левом верхнем углу находится логотип компании, оформленный в круге в виде гербовой марки. На логотипе изображен компьютер и геометрическая фигура, вероятно, отсылающие нас к образу индивида, вовлеченного в образовательный процесс. Подпись к логотипу, представляющая собой название компании, выполнена на тоне, соответствующим основному фону веб-сайта.

Рис. ПКТ веб-сайта образовательной организации «Телешкола»

Отметим, что вербальный текст ПКТ имеет форму «перевернутой пирамиды». Речь идет о смысловой организации текста: заголовок – «Новому поколению – новое образование!» – отражает основную идею ПКТ, которая проходит красной нитью через все подтексты и рубрики. Своеобразный призыв, выраженный одной репликой, призван, после ознакомления со всем вербальным текстом ПКТ, убедить читателя в следующем: современному подростку, живущему в век компьютерных технологий, необходимы новые формы образования. Заголовок, расположенный по центру и оформленный курсивом, предваряет четыре микротекста, посвященных основным направлениям деятельности организации (то, что Е.И. Горошко называет «ключевыми моментами»). Все микротексты имеют одинаковую конфигурацию и оформление: на голубом фоне сверху даны названия рубрик, сопровождающиеся цветными иллюстрациями и перечнем частных подрубрик снизу. Отметим единообразное грамматическое оформление подзаголовков ПКТ: 1) интернет-школа «Просвещение» (существительное + существительное); 2) «Телешкола» в системе общего образования (существительное + предлог + существительное + прилагательное + существительное); 3) региональные проекты (прилагательное + существительное); 4) социальные проекты (прилагательное + существительное).

Интересно то, что на главной странице ПКТ веб-сайта полностью отсутствуют предложения, основной текст представлен словосочетаниями. Вероятно, подобная лаконичность текста обусловлена следующими убеждениями: 1) наибольшая точность и емкость смыслов достигается совокупностью вербальных и невербальных компонентов; 2) в век особой ценности времени текст также должен конструироваться на принципе экономии; 3) релевантность восприятия сообщаемого не зависит от нормативности горизонтального целого, поскольку психонейрофизиология восприятия устроена так, что читатель мгновенно и в «пакетном режиме» [Дашина-маева 2009, с. 200] додумывает недостающие звенья.

Основные невербальные компоненты ПКТ анализируемого веб-сайта:

1. *Выбор цвета.* Выбор голубого цвета в качестве концептуального цвета компании. Голубой цвет в русской культуре традиционно ассоциируют с цветом глаз, неба, незабудки [Толковый словарь русского языка]. Голубым цветом оформлены основной фон ПКТ веб-сайта, фон подрубрик текста, заголовок и название компании на логотипе. Перечень частных подрубрик оформлен цветом на несколько тонов темнее, чем основной цвет. Прочая информация представлена другой цветовой палитрой: номер телефона компании – серым и красным, названия подрубрик – белым – на сером и голубом фоне.

2. *Выбор шрифта.* Вербальный текст веб-сайта оформлен гарнитурой¹ *Arial*. Применяются курсивное и полужирное начертания, подчеркивание, набор слов в режиме Caps Lock (заглавными буквами). Помимо выбора гарнитуры и видов начертаний, рассмотрим критерий «размер шрифта». Важная информация отмечена увеличением шрифта (заголовки, рубрики), в то время как менее важная – его уменьшением (информация о номере лицензии и аккредитации компании).

3. *Выбор иллюстративного оформления.* В макете ПКТ веб-сайта использованы иллюстрации с изображением реальных людей и рисунок логотипа. Не секрет, что иллюстрация несет значительную функциональную нагрузку. Выбор функции и подбор иллюстрации обусловлены типом компании и предоставляемых услуг.

4. *Расположение вербальных и невербальных компонентов.* Основной текст ПКТ веб-сайта выровнен по центру. Главная иллюстрация занимает 1/2 площади текста, иллюстрации к подрубрикам – 1/3 площади текста. Равнение вербальных компонентов (заголовка, рубрик, подрубрик) – по центру.

5. *Фигурное оформление текста.* Информация, представленная в частных разделах, оформлена в виде четырех равных по размеру прямоугольников. Логотип имеет форму круга.

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, соблюдение основных правил компоновки материала ПКТ веб-

¹ Гарнитура - набор из одного или нескольких шрифтов в одном или нескольких размерах и начертаниях, имеющих стилистическое единство рисунка и состоящих из определённого набора типографских знаков [Википедия].

сайта гарантирует структурную оформленность текста. Во-вторых, восприятие невербальных компонентов осуществляется посредством одновременной активизации всех сенсорных каналов. Таким образом, ПКТ веб-сайта представляет собой «раздражитель», на который должна последовать незамедлительная физиологическая реакция организма, сопровождающаяся определенной эмоциональной реакцией. В-третьих, выводы исследователей структурно-неоднородных текстов дают основание полагать, что первично индивид воспринимает внешнюю организацию текста веб-сайта, т.е. форму письменного сообщения (объем текста, длину строк, количество абзацев, выбор цвета шрифта, расположение иллюстрации относительно вербального текста и т.д.). И лишь затем он переходит к скринингу и сканированию информации, закодированной вербальной кодовой системой. Таким образом, мы склонны полагать, что невербальный код является рецептивно-приоритетным, так как при получении раздражения в виде текста веб-сайта сначала «откликается» сенсорная система, отвечающая за невербалику, и только потом в когнитивное действие вступает вербальная система.

С точки зрения классической теории текста, конечно, можно трактовать признак «поликодовость», «разнородность» как креолизованность или ненормативность текстового полотна. Однако современный ПКТ является велением и продуктом стремительно меняющегося времени, с одной стороны, и физиологически обусловленным в плане перцепции конструктом, с другой. В этом смысле вряд ли следует анализировать его с точки зрения традиционных критериев.

Литература

1. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org>
2. Гольман И.А. Рекламное планирование. Рекламные технологии. Организация рекламной деятельности. – М.: Изд-во «Гелла-принт», 2005.
3. Горошко Е.И. Текст эпохи веб 2.0: психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9.
4. Дашинимаева П.П. Нейробиологический аспект порождения и восприятия речи: итоги в первом приближении // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 557.
5. Дашинимаева П.П. Философия языка и теория значения: дис. ... д-ра филол. наук. – Иркутск, 2011.
6. Казнова Н.Н. Сетевые дневники как новый вид реализации личности // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9.
7. Крейдлин Г. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.
8. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6.
9. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд-е, доп. – М.: Оникс, 1999.
10. Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.
11. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Калёных Евгения Владимировна, ассистент кафедры английского языка факультета иностранных языков Бурятского государственного университета.

Kalyonykh Eugenia Vladimirovna, teaching fellow, department of foreign languages, Buryat State University. Тел.: +7-9021652376; e-mail: gwzhenya@mail.ru

УДК 811.512.156

© Ч.С. Цыбенова

**О языковой лояльности носителей тувинского языка
(результаты социолингвистического анкетирования)**

Статья посвящена вопросам языковой лояльности носителей современного тувинского языка, их языковым установкам по отношению к тувинскому и русскому языкам.

Ключевые слова: тувинский язык, языковая лояльность, языковые установки, Республика Тыва.

Ch. S. Tsybenova

**Language loyalty of Tuva people
(The results of sociolinguistic survey)**

The article deals with the problems of language loyalty of Tuva people and their language ideology on using of Tuva and Russian languages.

Keywords: Tuva language, language loyalty, language ideology, Republic of Tuva.

Одним из ключевых понятий социолингвистики как науки, изучающей «широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка» [Словарь социолингвистических терминов, с. 207], считается языковая ситуация (ЯС). Как правило, данное понятие используется для описания языковой жизни той или иной этноязыковой общности и включает в себя различные вопросы, связанные с этнодемографической и социальной структурой общества, дистрибуцией языков, языковой компетенцией, ориентацией и установками носителей языка, распространением различных типов двуязычия и многие др.

Одним из важных компонентов ЯС считаются ценностные и языковые ориентации носителей языка. По мнению специалистов, анализ оценочных признаков необходим для выяснения отношения индивидов или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия [Аюпова, Салихова, с. 17].

В отечественной социолингвистике под оценочными параметрами исследования ЯС подразумевают внешние и внутренние оценки идиомов, т.е. «оценки языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т.д.». Считается, что совокупность внутренних оценок отражает степень «языковой лояльности» данного языкового сообщества, т.е. степень его приверженности к родному языку [Лингвистический энциклопедический словарь, с. 617].

Степень языковой лояльности определяется также с помощью конкретного набора основных характеристик данного языкового сообщества: при-

знание родным своего языка, выбор языка в качестве средства общения и языка обучения, защита языка правовыми актами, стремление к расширению социальных функций родного языка, изучение и сохранение культурного наследия на своем языке, передача языка подрастающим поколениям. Наиболее показательным является признание родным языка своего этноса [Кондрашкина, с. 198].

В рамках комплексного исследования языковой ситуации в Республике Тыва, проведенного в 2009-2010 гг., нами была предпринята попытка изучить степень языковой лояльности носителей тувинского языка, их языковые установки по отношению к тувинскому и русскому языкам. Отношение респондентов к указанным языкам выяснялось при помощи ряда вопросов, включенных в социолингвистический опросник. Всего опросом было охвачено 635 респондентов различных возрастных и социальных групп тувинского населения.

Так, по результатам проведенного нами социолингвистического обследования, 97,8% респондентов указали своим родным языком тувинский язык. По итогам Переписи 2002 г. считали его родным 98,4% [Национальный состав...] (табл. 1).

Таблица 1

Доля тувинцев, считающих родным язык своего народа, русский и другие языки (%)

	Считают родным								
	тувинский язык			русский язык			другие языки		
	1989	1994	2002	1989	1994	2002	1989	1994	2002
Тувинцы	98,6	98,5	98,4	1,4	1,5	1,6	0,0	0,0	0,0

Как видим, проведенный опрос и данные Переписи населения 2002 г. показали, что уровень языковой лояльности тувинцев на современном этапе пока еще достаточно высокий. Кроме статистических показателей степень языковой лояльности тувинцев выяснялась различными вопросами. Например, необходимость знания тувинского и русского языков проверялась вопросом «Насколько важно для Вас знание тувинского и русского языков?». Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Степень значимости знания тувинского и русского языков (%)

Языки \ Показатели	Очень важно	Важно	Необязательно
тувинский	72,8	23,8	2,4
русский	78,0	20,6	0,6

Данные, как видим, практически одинаковые, но суммарное значение показателей «очень важно» и «важно» несколько выше у русского языка: 98,6 против 96,6%. В ходе опроса респонденты сами устно и письменно отмечали: «Если не знать тувинского языка, отделишься от своего народа, если не знать русского, не увидишь светлого будущего» (досл. «*Тыва дылды билбес болза төрээн чондан хоорлур апаар, орус дылды билбес болза от дег чырык көрбес апаар*»).

Для некоторых вопросов, направленных на выявление языковых установок и предпочтений респондентов, были выявлены корреляционные отношения с поколенческими различиями, что связано не только с особенностями речевых характеристик разных возрастных групп, но и их отношением к языку. Данное положение было принято во внимание в связи с тем, что «язык старшего поколения более консервативен, в речи пожилых людей больше слов, выходящих из употребления, грамматические и лексические инновации свойственны детям и молодежи, стандарт – людям среднего возраста» [Вахтин, Головкин, с. 79]. Поэтому чем старше носитель языка, тем бережнее он относится к своему родному языку. Так, корреляция значимости тувинского и русского языков с возрастом респондентов представлена на рис. 1 (к старшему поколению отнесены респонденты от 49 и старше лет, к среднему – от 29 до 48 лет, к младшему – от 28 и моложе).

По значениям показателя «очень важно» видно, что значимость тувинского языка с каждым поколением уменьшается, незначительное снижение характерно и для русского языка. Однако оценка «очень важно» выше у русского языка, т.е. для всех респондентов знание русского является более предпочтительным.

Владение языком молодым поколением является одним из необходимых условий его жизнеспособности. Передача языка и установка на его изучение, как правило, формируется в рамках семьи, в частности родителями. Значение тувинского языка для будущих поколений выяснялось вопросом «*Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети знали тувинский язык?*». Значительная часть респондентов указали, что знать тувинский язык их детям необходимо – 95,0%, а необязательность его изучения детьми отметили – 2,0%. При этом была выявлена положительная корреляция по параметру «возраст», т.е. чем моложе носители языка, тем меньше они желают, чтобы их дети знали тувинский язык (табл. 3).

Таблица 3

Значение тувинского языка для детей в зависимости от возраста (%)

Поколения \ Показатели	Да	Нет	Безразлично
старшее	96,9	1,0	1,0
среднее	95,8	0,8	1,1
младшее	92,3	1,6	4,4

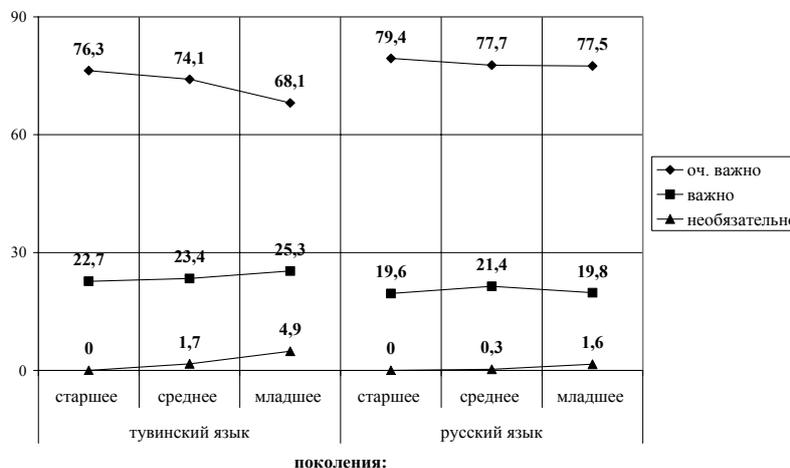

Рис. 1. Значение тувинского и русского языков в зависимости от возраста (%)

Мнение респондентов о том, какие языки необходимо изучать их детям выяснялось вопросом: «Насколько важно, на Ваш взгляд, изучение следующих языков для Ваших детей?». Ответы респондентов показали, что из указанных языков по параметру «очень важно» доминирует русский язык, далее следует тувинский и иностранный языки. Порядок значимости языков при суммарном значении первых двух показателей «очень важно» и «важно» выглядит следующим образом: русский – 99,5; тувинский – 96,5; иностранный – 93,6% (табл. 4).

Таблица 4

Отношение к изучению детьми тувинского, русского и иностранного языков (%)

Языки	Очень важно	Важно	Не обязательно
тувинский	73,7	22,8	2,2
русский	86,6	12,9	0,2
иностраннй	66,8	27,1	4,3

Корреляция данного вопроса с возрастными характеристиками показала, что всем группам очень важно знать русский язык. Сравнение суммарных значений по параметрам «очень важно» и «важно» выявило доминирующую позицию русского языка для всех поколений (старшее – 100 %; среднее – 99,6%; младшее – 99,5%). Далее следуют тувинский (95,8%, 97,2%, 95,6% соответственно поколениям) и иностранный (89,7%, 95,2%, 93,4% соответственно поколениям) языки (рис. 2).

Общий анализ данных, представленных в табл. 2, 3, 4 и рис. 1 и 2, позволил сделать вывод о том, что необходимость владения русским языком очевидна почти для всех респондентов. Это дает основание полагать, что социальная потребность в русском языке у тувинцев выше, чем в тувинском. Востребованность русского языка, главным образом, связана с возможностью получить высшее и специальное среднее образование. Многие родители предпочитают отдавать своих детей именно в русские классы или переезжают в г. Кызыл. Поэтому для современных тувинцев престиж русского языка продиктован его прагматической ценностью.

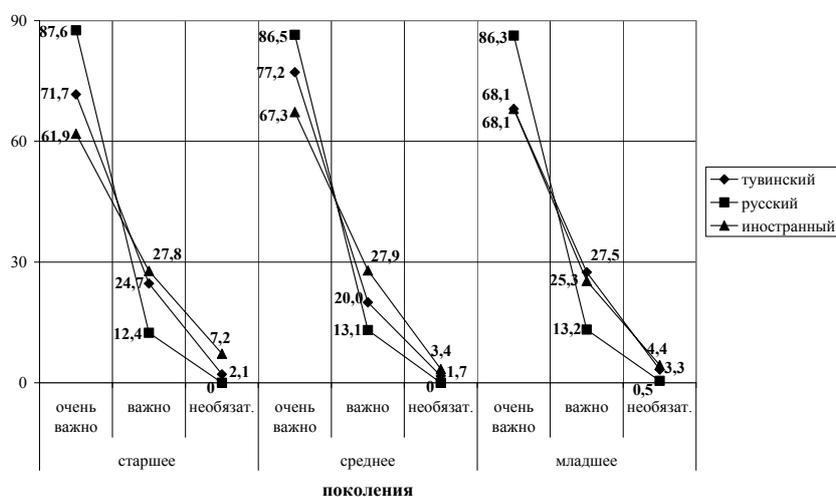

Рис. 2. Отношение к изучению детьми тувинского, русского и иностранного языков в зависимости от возраста (%)

Свое желание изучать русский язык из 635 респондентов выразили 82,0%. При относительно низком владении русским языком в жизни большинства тувинцев не редки ситуации, когда возникают коммуникативные неудачи из-за плохого знания языка или его незнания. В связи с этим был задан вопрос «Если Вы не знаете или плохо знаете русский язык, были ли в Вашей жизни случаи, когда Вы жалели об этом и когда?». Ответы респондентов показали, что такие ситуации в большинстве возникают в государственном учреждении, учебном заведении – 25,1%, а также в общественных местах (на улице, в транспорте, в магазине) – 15,2%, в городе – 14,6% и при чтении (газеты, журналы, литература) – 10,4%. При общении с друзьями (большинство респондентов говорили о друзьях русской национальности) и при просмотре и прослушивании теле- и радиопрограмм затрудняются 5,4% опрошенных. Из других случаев были указаны прохождение воинской службы и нахождение за пределами Тувы – 1,9%.

При выяснении ситуаций, когда именно респонденты переходят на русский язык, подавляющее большинство указали учебные заведения и работу

– 33,9%. В общественных местах, в магазине на русский язык переходят 27,0% респондентов, когда собеседник не понимает его используют 25,2%. Также говорят на русском, когда он более престижен, и постоянно говорят по-русски 7,4 и 4,3% респондентов, соответственно.

Вопросы о случаях перехода на русский язык общения и ситуациях, когда респонденты сожалели, что плохо знают русский язык, выявили, что такими местами в основном являются государственные учреждения и учебные заведения. Затруднения, очевидно, вызваны тем, что особенности научного и официально-делового стиля языка требуют соответствующих навыков и уровня владения русским языком, знания терминологии и других специфических регистров. Кроме этого, предпочтение русского языка связано со специализацией данных учреждений: в сферах высшего образования и делопроизводства и управления доминирует русский язык.

Вопрос, направленный на выявление степени использования русских слов в речи на тувинском языке, показал, что иногда их используют 50,5%, довольно часто – 30,7%, очень редко – 15,1% и никогда их не используют – 3,6% респондентов. Суммарный показатель потенциально использующих русские слова при разговоре на тувинском языке составил 81,2%, т.е. практически у большей части респондентов речь на тувинском можно назвать смешанной, с вкраплениями русских слов.

Корреляционный анализ по параметру «возраст» показал, что частое использование вкраплений на русском языке характерно для младшей возрастной группы (табл. 5).

Таблица 5

Использование русских слов в зависимости от возраста (%)

Поколения \ Показатели	Довольно часто	Иногда	Очень редко	Никогда
старшее	29,9	53,6	13,4	4,1
среднее	28,2	51,0	16,3	3,9
младшее	36,3	42,8	14,3	1,6

Использование русских слов респонденты объяснили, прежде всего, необходимостью точнее выразить свои мысли – 50,9%, присутствием лиц, не знающих тувинского языка – 23,3%, недостаточным знанием тувинского языка – 13,2%. Из других случаев респондентами назывались привычка использовать русские слова, отсутствие эквивалента русского слова в тувинском языке. Однако наблюдения за обыденной речью говорят, что тувинцы довольно часто используют некоторые русские слова, даже если эквиваленты данных слов в тувинском языке существуют, например: *кредит* вместо *чээли*, *авария* вместо *озал-ондак*, *сахар* вместо *чигир* и многие др.

Данные следующей таблицы отражают причины использования русских слов разными поколениями. Исключительно все респонденты указали, что

основной причиной использования русских слов является необходимость точной передачи смысла высказывания. Доля тех, кто не может выразиться на тувинском языке без русских слов, преобладает у младшей возрастной группы, а доля тех, кто использует их из-за недостаточного знания тувинского языка почти у всех одинаковая. Языковому окружению больше всего подвержено старшее поколение (табл. 6).

Таблица 6

Причины использования русских слов в зависимости от возраста (%)

Причины Поколения	Точнее выразить мысли	Недостаточное знание тувин- ского языка	В присутствии лиц, не знающих тувинского языка	Другие случаи
Старшее	48,5	13,4	28,9	3,1
Среднее	49,9	13,2	23,7	4,2
Младшее	53,8	13,2	19,8	4,4

Исходя из рассмотренного анализа, можно сказать, что представители старшего и среднего поколений более лояльны к своему языку. Младшее поколение больше ориентировано в сторону русского языка, поэтому его ответы можно оценивать как индикаторы начала изменений языковых установок.

Ответы респондентов также говорят о том, что использование языков зависит от определенной сферы. Например, в государственных учреждениях и учебных заведениях тувинцы более склонны переходить на русский язык. Стереотипность взглядов к использованию конкретного языка и позиция респондентов по отношению к введению тувинского языка в сферы, где он софункционирует с русским языком, проверялась при помощи вопроса: «Как Вы относитесь к введению государственного тувинского языка?» (табл. 7):

Таблица 7

Отношение респондентов к введению тувинского языка в следующие сферы (%)

Область применения	Положительно	Отрицательно	Безразлично
Образование	79,8	12,9	6,0
Делопроизводство	59,5	26,5	11,8
Общественные места	68,2	13,4	15,4
Средства массовой информации	79,1	9,8	9,0

Как видим, ответы, в целом, отражают реальную картину функционирования тувинского языка: в сферах образования, средств массовой информации и личного общения он применяется, поэтому значительная

часть респондентов поддерживает введение тувинского языка в данные сферы. При этом большинство отметили, что в делопроизводстве его применение весьма затруднительно, т.к. может возникнуть «путаница в делах»: 26,5% дали ответ «отрицательно».

Думается, доминирование русского языка в некоторых регламентируемых сферах связано не только с необходимостью вести документацию на нем, для дальнейшей трансляции в федеральные органы, но и недостаточной развитостью официально-делового и научного стилей тувинского языка, что, в свою очередь, влияет на языковые установки населения употреблять в данных сферах именно русский язык. Таким образом, анализ ценностных ориентаций показал, что тувинцы владеют своим родным языком как кодом достаточно хорошо, но социально престижным язык ими не осознается. Поэтому социальный статус русского языка выше, а тувинский язык в основном рассматривается как средство повседневного общения.

Литература

1. Аюпова Л.Л., Салихова Э. Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 29-30.
2. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: учеб. пособие. – СПб.: Гуманитарная Академия; Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004.
3. Кондрашкина Е.А. Динамика языковой лояльности у финно-угорских народов России // Язык и общество в современной России и других странах: докл. и сообщ. междунар. конф. – М., 2010.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: Статистика России, 2004 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т.4. Кн.1).
6. Словарь социоллингвистических терминов. – М., 2006.

Цыбенкова Чечек Сергеевна, преподаватель Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г.Улан-Удэ

Tsybenova Chechek Sergeevna, lecturer at East-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude. Тел.: +7-9140582418; e-mail: tschechek@mail.ru

УДК 81:39

© *Р.В. Бухаева*

Этноспецифические стереотипы языкового сознания бурят (на примере концепта *хөөрэлдөөн*)

В статье раскрывается содержание этноспецифических стереотипов бурятского языкового сознания, которые рассматриваются через концепт «*хөөрэлдөөн*» (общение).

Ключевые слова: языковое сознание, стереотипы языкового сознания, концепт, концепт «общение», ассоциативный эксперимент.

R.V. Buhayeva

Ethno specific stereotypes of linguistic consciousness of Buryat people
(Through the example of a «*хөөрэлдөөн*» (*communication*) concept)

The article deals with ethno specific stereotypes of the Buryat language consciousness, which are examined through the example of the «*хөөрэлдөөн*» (*communication*) concept.

Keywords: linguistic consciousness, stereotypes of linguistic consciousness, concept, *communication* concept, associative experiment.

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес к проблемам языковой материализации национально-специфичных образов сознания, отражающих ценностные доминанты культуры того или иного этноса, возрастающее внимание к изучению ценностных доминант культур, необходимость разработки методики междисциплинарного анализа ценностного компонента культурных концептов вообще, их содержания и структуры, осуществляемых на материале ассоциативного эксперимента.

Языковое сознание коммуникантов реализуется в виде системы исторически сложившихся и социально закрепленных языковых средств, обеспечивающих свободную коммуникацию. В языковое сознание коммуникантов можно заложить стереотипную модель речевого поведения, которая будет осознаваться в качестве инвариантной. Формирование этнокультурной идентичности связано не столько с развитием языковой компетенции, сколько со способностью ориентироваться в культурном контексте. Освоение культурной традиции выражается в формировании некоторых стереотипов как на уровне образов и концептов, так и на уровне моделей вербального и невербального поведения [Береснева и др., с. 173].

Своеобразные условия формирования бурятского этноса: природный ландшафт, тип хозяйственной деятельности, специфика этнической структуры и особенности восприятия окружающего мира, особый тип мышления – предопределили универсальность и специфичность языкового сознания бурят. В связи с этим оно как психолингвистическое и когнитивное явление имеет своеобразную структуру, функции и средства выражения, структурируется концептосферой, которая в разных социально-коммуникативных пространствах может иметь как сходства, так и различия.

Для выявления содержания этноспецифичных стереотипов бурятского языкового сознания автором анализируются экспериментальные данные, полученные в результате анализа концепта *хөөрэлдөөн* (общение). Экспериментальное исследование этноспецифичных стереотипов бурятского языкового сознания проводится с опорой на свободный ассоциативный эксперимент, который состоит в предъявлении слов-стимулов, интуитивно определяемых самими носителями языка как типичные стереотипные характеристики речевого общения бурят. По итогам анализа ассоциативного материала автор выявляет стереотипы языкового сознания русскоязычных

бурят и бурят-билингвов, проживающих в г. Улан-Удэ, а также проводит сравнительное исследование. В эксперименте приняли участие студенты 2-5-го курсов Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (100 чел.), Бурятского государственного университета (50 чел.) и государственные служащие (47 чел.). По владению языком среди них русскоязычных 197 чел. (100%); бурятскоязычных – 96 (48,7%).

В нашем исследовании единицей изучения этноспецифичных стереотипов языкового сознания стал концепт *хөөрэлдөөн* (общение). По определению А. Зализняк, общаться – это «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта». При этом разговор не обязательно должен быть «о главном» – речь может идти, в том числе, и о пустяках; суть в ощущении общности [Зализняк и др., с. 25]. Между людьми, которые общаются, имеются определенные отношения.

При изучении русского коммуникативного сознания выявлено, что установки и правила не всегда реализуются в силу коммуникативных традиций. Например, русские люди стремятся преодолеть формальную процедуру знакомства и перейти к эмоциональному общению. Как утверждает И.А. Стернин, русский человек часто стремится скорее перейти на «ты» с новым знакомым, что сближает и свидетельствует о подлинных дружеских чувствах, которые демонстрируются людьми таким обращением; близко подходит к партнеру общения, может коснуться собеседника, вмешаться в разговор незнакомых людей, высказать свою точку зрения, любит изливать, «выворачивать» наизнанку душу собеседнику, задавать собеседнику интимные вопросы (о зарплате, о возрасте, семейном положении и т.д.) [Стернин, Быкова, с. 57-59].

Как показало проведенное бурятскими учеными исследование, среди бурят доминируют люди с коллективистским типом восприятия группы и ее членов. Поэтому стереотипными могут считаться такие бурятские коммуникативные категории, как стремление не допускать дискомфортность в межличностном общении, обходить острые углы, «сценарий сдержанности чувств» (умение владеть собой, контролировать свое поведение и эмоции). К этнокультурным особенностям речевого общения бурят можно отнести следующие: плавный неторопливый ход беседы, сдержанность в речи (*ама бариха* – ‘держать язык за зубами, много не болтать’), а также недопустимо перебивать старших, браниться и разговаривать громко в присутствии старших, обычай *хадма* – почтительное иносказание и др.

Становясь участниками межэтнических контактов, люди оказываются в ситуации соприкосновения разных языковых картин, взаимодействия разных языковых сознаний. Несовпадение этнических стереотипов, моделей поведения, в том числе – речевого, порой ведет к непониманию представителями разных национальностей друг друга. Материалом для анализа межнационального, межкультурного общения могут служить данные ассоциативного эксперимента. Они позволяют выявить общее и различное в сознании представителей разных культур.

Ниже представлены первые 5 реакций на слово-стимул *хөөрэлдөөн*, расположенных от большего к меньшему числу испытуемых.

Распределение ответов русскоязычных бурят на слово-стимул *общение*:

1. *друзья (11), дружеское, дружба (2)*;
2. *разговор (4), диалог (2)*;
3. *смех(4), обмен информацией (4), новости (4)*;
4. *беседа (3), радость (3), родственники (3), с глазу на глаз, тет-а-тет (3)*;
5. *Интернет (2), сплетни (2)*.

Распределение ответов бурят-билинггов на слово-стимул *хөөрэлдөөн* (*общение*):

1. *нүхэдууд (6) (друзья)*;
2. *хөөрэлдөөн, хөөрэлдөөн басагадай (5) (разговор, болтать с подругами)*;
3. *һонин, һонин юмэн тухай хөөрэлдэхэ, зууга (4) (интересный разговор, болтать)*;
4. *хүхие хүхюутэй (3) (веселый, радостный)*;
5. *хэрэг, хэрэг бүтэжэ (2) (дело)*.

Заслуживает внимания факт совпадения реакций русскоязычных бурят и бурят-билинггов под порядковыми номерами 1, 2, 3: *друг (друзья), разговор, радость (веселье)*. Реакция *друг (друзья, дружба) (13)* у русскоязычных бурят, также как и реакция *нүхэдууд (6)* у бурят-билинггов находится на первом месте. Слово *разговор (6)* и *хөөрэлдөөн (5)* в обеих группах располагается на втором месте. Реакция *хүхие хүхюутэй (3)* (*радость, веселье*) на третьем месте у бурят-билинггов, а лексема *радость (веселье) (3)* на четвертом месте у русскоязычных бурят. Данные ассоциативного эксперимента подтверждают высокий уровень владения русским языком бурят, для которых родным является бурятский язык, фиксируют общие модусы в языковом сознании представителей разных этнокультур.

Ассоциации русскоязычных бурят на слово-стимул *общение* были разделены на следующие семантические группы:

1) Характеристика: *вербальное, речевое (2), социализация, социально-значимый процесс взаимодействия людей, оно бывает разным: ролевым, деловым, духовным, внутренний мир, буряты общительные, новый год, праздники, общество, человек, живое, поддерживать связь, дела решать, средство выражения мыслей, дом*.

2) Кто общается: *подружки (2), друзья (9), коллеги, с детьми (2), родственники (3), близкие, без них никак*.

3) Типы общения: *обмен информацией (4), коммуникация, контакт, разговоры, обсуждение, юмор, посиделки, беседа (3), новости (3), с глазу на глаз, тет-а-тет, сплетни (2), свободное время, телефон (2), разговор (3), диалог (2), Интернет (2), ВКонтакте*.

4) Как общаются: *удовольствие, общение согревает душу (2), хихиканье, смех (4), необходимость, сближает, сведено к минимуму, самое глав-*

ное в жизни, разумное, не надо быть скрытным, общаться со всеми, раскрыть душу, сострадание, подъем, познание другого человека, ожидание общения, желание общаться, непонимание, дела, позитив, взаимопонимание, интерес, радость (3).

Как мы видим, русскоязычные буряты под общением понимают обмен информацией (4), беседу (3), разговор (3), обмен новостями (3), диалог (2), сплетни (2). Общение может быть с глазу на глаз или тет-а-тет (2), по телефону (2), Интернету (2). Чаще всего буряты общаются с друзьями (11), затем с родственниками и близкими (4), меньше всего – с детьми и коллегами (2). Достаточно разнообразны эмоциональные характеристики общения: общение согревает душу (2), интерес, радость (3), раскрыть душу, удовольствие, сближает, ожидание общения, желание общаться, сострадание, подъем, хихиканье, смех (4), интерес, радость (3). Эти характеристики подчеркивают, что для данной группы бурят важным является поддержание душевного контакта, ощущение эмоциональной близости с собеседником. И в то же время в связи с убыстрением темпа жизни в городе общение может быть: 1) сведено к минимуму и 2) часто возникает непонимание.

Ассоциации бурят-билингвов на слово-стимул *хөөрэлдөөн* (общение) были разделены на следующие семантические группы:

1) Типы общения: *зугаалха, хөөрэлдэхэ, хүнтэй хөөрэлдэжэ шадаха юундээр ямаршые юумэндээр, хамтаа нурадаг хүнүүдтээ* (общий разговор), *телефон, интернет (2), танилсаха, багшатай хөөрэлдөөн* (общение с учителем), *шанга хөөрэлдөөн* (серьезный разговор), *холын бурханһаа ойрын шутхэр дээрэ юм* (ближний черт лучше далекого бога), *олон хүнэй хөөрэлдөөн, хүнүүдэр зугалхаа* (общение с людьми), *ута хөөрэлдөөн* (долгий разговор), *залуушуулай хөөрэлдөөн, олон яһатанай хөөрэлдөөн*.

2) Виды общения: *хөөрэлдөөн басагадай (2)* (общение с подругами), *хани нухэдэй хөөрэлдөөн (нухэдүүд), нухэдүүд (6)* (общение с друзьями), *аханар хүнтэй “таанар” гэжэ хандагты* (общаться на «Вы» со старшими); *буряад хэлээрээ хөөрөлдэхэ* (разговаривать по-бурятски), *эгэишэ хөөрэлдөөндө дууратай* (нравится разговаривать со старшей сестрой), *бэгһээ аха хүнтэй хүндэлэ хөөрэлдэ,эбтэй этэй* (дружно).

3) Как общаются: *хаихаралдаан, мухай хөөрэлдөөн, шашалалдаан* (болтать, пустословить), *энеэлдээн, бушуу, удаан, интересное, һонин (2), һонин юумэн тухай хөөрэлдэхэ, зууга (2), гүндэ улам угы, гүнэртэ үгэ угы, хөөрөөгоо дэлгэе* (пообщаемся), *хухие хухюутэй* (веселый, радостный) (2), *хэниие хөөтохо, хушуугаа холбохо* (сплетничать), *юрын(обычный), һонирхолтой (интересное), зурхэнэй хөөрэлдөөн* (душевное общение), *хөөрэлдөөн хүнүүдые холбодог, холбохо* (объединяет людей), *хэрэг (2) хэрэг бутэжэ* (дело, дело удаётся), *энэ суглаанда буряад хэлээ хугжөөхэ тухай хөөрэлдөөн унгэрөө*.

Буряты-билингвы отмечают, что разговор может быть *һонирхолтой һонин* (2) (интересный), *хүхюутэй* (веселый, радостный) (2), *юрын* (обычный), *зурхэнэй хөөрэлдөөн* (душевный), *хэрэг, хэрэг бутэжэ* (2) (по делу, деловой). Также они считают, что “*хөөрэлдөөн хүнүүдые холбодог*” (общение объединяет людей), *тэрээнгүйгөөр яажашье болохогүй* (без него никак нельзя), *хөөрэлдөөн хүнүүдтэ туһалдаг* (помогает людям).

К этнокультурным особенностям речевой культуры бурят можно отнести то, что они в общении соблюдают субординацию, проявляют традиционное уважительное отношение к старшим: *аханар хүнтэй “таанар” гэжэ хандагты, буряад хэлээрээ хөөрөлдэхэ, эгэшиэ хөөрэлдөөндө дууратай, бэһээ аха хүнтэй хүндэлэ хөөрөлдэ*. Значимы и такие национально-специфичные характеристики, как немногословие, сдержанность, терпеливость, что нашло отражение в традиционных пожеланиях, напутствиях, бытующих в языковом сознании изучаемой этногруппы: *олон үгэ олзо угы, ганса үгэ гарза үгы, олон үгэ олзогүй (нет пользы от многословия), эрэ хүнэй зосоо эмээлтэ морин багтаха* (мужчина должен быть терпеливым, досл. *в своем характере мужчина может вместить и целого коня*).

В результате проведенного исследования были выявлены следующие разговорные речевые стереотипы бурят-билингвов, входящие в активную семантическую зону концепта *хөөрэлдөөн*:

Призыв, приглашение к разговору: – *Эй, хүбүүн, ерыш наша хөөрэлдые! – Ерэнэ! Ерэнэ!; Танихашни? гэжэ байжа; Шишни нэрэ хэн бэ?; Ши хаантши? – Би Яруунын, ши? – Баргажанайб.*

Начало разговора, приветствие: – *Сайн байна!, Мэндэ амар! – Мэндэ, хайн! (2).*

Этикетные фразы, служащие для побуждения к разговору: *Хэр байнабта? (2); Хайн гүү? Хайн байна гүт? (2); Юу хэнэ?, Хэр байна, юу һонин?; Танай һонин?; Ямар гоёб, хайн, хайхан гүт? – Бидэнэр ху хайн байнабди; – Юун болооб? – Юун һонин? (2) Ямар һонин? Хулисэгты! Намда хэлээд үгыт!*

Обмен новостями:

1. Расспросы о делах, работе: – *Юу хэнэи? Та хаана хүдэллэнэбта? Ажалатнай ямар бэ?; – Угы, тшигээд лэ байнабди даа. Ажалдаа ябаад ла, ухэр малаа ажаллаад ла байнабди. Усэгэлдэр Могойто ошожо хубсаһа хунар, эдэе хоол абажа ерээһэмди.*

2. Расспросы о здоровье, детях: – *Бэе сайн?, Бэе бараг гу?, Бээтнай хэр бэ? Хэды ухибууд?, Танай бэе хэрэб? Нэрэтнай хэн бэ?*

Фразы, служащие для прекращения разговора: – *Аа, зай, болоол даа.*

Заа, би яаралтай ябанаб, һуулдэн хайнаар уулзажа хөөрөлдүүжэбди даа.

Прощание: – *Баяртай! Улзатараа баяртай!*

Литература

1. Береснева Н.И., Дубровская И.А., Овчинникова И.Г. Стереотип и индивидуальные стратегии речевого поведения в онтогенезе // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1994.
2. Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М: Языки славянской культуры, 2005.
3. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998.

Бухаева Раджана Владимировна, доцент кафедры восточных и европейских языков Восточно-Сибирского государственного технологического университета, кандидат социологических наук.

Buhaeva Radzhana Vladimirovna, associate professor, department of oriental and european languages, East Siberian State Technological University, candidate of sociology.

E-mail: lotos7205@mail.ru

УДК 811.512.31'37+811.58'37

© *А.А. Шахаева*

**Семантика глаголов со значением ‘приходить’
в бурятском и китайском языках**

В статье освещаются некоторые вопросы семантики глаголов направления движения бурятского и китайского языков со значением ‘приходить’.

Ключевые слова: семантика, глаголы направления движения, бурятский язык, китайский язык.

A.A. Shakhaeva

**Semantics of the verbs with ‘come’ meaning in Buryat
and Chinese languages**

The article is devoted to some questions of Buryat and Chinese direction motion verbs semantics with «come» meaning.

Keywords: semantics, direction motion verbs, Buryat language, Chinese language.

Типологическое изучение систем языковых значений в современном языкознании понимается в первую очередь как изучение грамматической типологии, т.е. описание принципов распределения и совмещения в языках мира грамматических значений. Тогда как «о лексических системах в связи с типологической проблематикой говорить пока, в общем, не принято» [Майсак, Рахилина, с. 9]. Такая ситуация объясняется тем, что современная типология базируется на данных морфологии и синтаксиса, если лексика и становится ее объектом, то только как исходная точка в процессе грамматикализации. Противопоставления отдельных семантических компонентов лексического значения или сем в отличие, например, от грамматических показателей не имеют специальных формальных выражений, так что обнаружить их в языке довольно сложно.

Для определения семного состава лексической единицы в языкознании применяется метод компонентного анализа, который «представляет собой аналитический подход к значению слова, то есть расчленение его на отдельные элементы» [Новицкая, с. 83]. Данный метод применяется, в основном, для описания семантических полей или лексико-семантических полей, «материал такого типа дает возможность исследователю выявить характерные особенности и различия в семантике разных языков» [Бессонова, с. 63].

В статье предпринята попытка сопоставления сем, выявляемых в сигнификативном значении слов *epэхэ* и 来 [*lai*], обозначающих одно и то же понятие – на основании дефиниций словарей это направленное передвижение в бурятском и китайском языках.

Движение – это универсальная категория, охватывающая все сферы бытия. Соответственно глаголы движения, вне всякого сомнения, входят в ядро системы языковых средств, обозначающих пространственные отношения, и принадлежат к числу наиболее значимых лексических единиц любого естественного языка. Лексико-семантическая группа глаголов движения имеется во всех языках. Психолингвисты Г. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд называют их «самыми глагольными среди глаголов». Для человека, наблюдающего за окружающим миром, движение связано с перемещением предметов и живых существ в пространстве, то есть основной участник движения последовательно на протяжении определенного отрезка времени меняет свое местоположение.

Движение, являясь неотъемлемой составляющей пространственных отношений, может быть охарактеризовано такими признаками как способ, среда, направленность и характер движения.

Как отмечает Т.А. Майсак, «типологическое исследование семантики глаголов движения связано в первую очередь с работами Леонардо Талми, в которых рассматриваются, так называемые, «модели лексикализации» (*lexicalization patterns*) – основные способы языкового выражения компонентов ситуации движения» [Майсак, с. 104]. Л. Талми считает, что имеется абстрактная ситуация движения (*motion event*), которой свойствен определенный набор параметров: это сама фигура, т.е. субъект движения; фон, то, относительно чего осуществляется движение; путь, включающий начальную и конечную точку, и т.п. [Talmy]. Согласно Л. Талми, эти параметры характеризуют любую ситуацию движения, но с разной степенью акцентируются и по-разному выражаются (лексически, морфологически) в конкретных глагольных лексемах различных языков [Майсак, Рахилина, с. 9].

Опираясь на указанные параметры, выделенные Л. Талми, можно охарактеризовать глаголы направления движения как лексемы, обозначающие ситуацию движения, в которой обязательно наличие говорящего и субъекта движения – фигуры (иногда говорящий может совпадать с фигурой). Фигура в какой-то момент времени занимает местоположение L1, а в некоторый следующий момент – местоположение L2. При этом L1 является на-

чальной точкой движения, а L2 – его конечной точкой, ориентиром движения, т.е. фоном. Данная ситуация показывает местонахождение говорящего по отношению к фону. Важно заметить, что говорящий может являться как сторонним наблюдателем за ситуацией движения, так и выступать участником ситуации движения. В случае, когда говорящий выступает участником ситуации, его местонахождение может совпадать с фоном, а может и не совпадать.

Рассматриваемые глаголы *ерэхэ* и 来 [*lai*] принадлежат к полю глаголов направления движения бурятского и китайского языков соответственно и относятся к простым глаголам направления движения. Следует отметить, что нами уже были рассмотрены отличия в семантике выражения направленности движения глаголов 来 [*lai*] (*приходить*) и 去 [*qu*] (*уходить*) [Шахаева]. Основное отличие данных лексем заключается в направлении совершаемого движения, с семантической доминантой на направленное перемещение **к** или **от** ориентира движения (фона). Фон, в свою очередь, может быть определен объективно и субъективно. Объективное определение фона – фон четко обозначен в предложении. Если в предложении фон не обозначен, то он определяется субъективно – местоположение говорящего [Шахаева].

Бурятский глагол *ерэхэ* отличается от других простых бурятских глаголов группы направления движения тем, что в значении данной лексической единицы присутствует сема, обозначающая направленность совершаемого движения по направлению к фону.

Ч. Филлмор классифицировал глагольные лексемы в зависимости от ориентированности семантики глагола на начальную или конечную точку движения на следующие два вида: Source-oriented и Goal-oriented [Fillmore, p. 67], т.е. «ориентированными на начальную точку движения» и «ориентированными на конечную точку движения» («глаголы прибытия» и «глаголы удаления»). «Переводя эти термины на язык Московской семантической школы, можно сказать, что глаголы удаления – это глаголы с обязательной семантической валентностью начальной точки, а глаголы прибытия – с конечной», – пишут Т.А. Майсак и Е.В. Рахилина [Майсак, Рахилина, с. 1]. Именно эти две семантические валентности (начальной и конечной точек) являются важнейшими для глаголов движения. Семантическая валентность рассматриваемых глаголов направления движения *ерэхэ* и 来 [*lai*] соотносится с конечной точкой и, соответственно, данные глаголы относятся к классу глаголов прибытия.

Как справедливо отмечают исследователи, «семантически обязательная валентность может быть поверхностно не выражена, именно в силу своей обязательности способ ее заполнения известен говорящему и слушающему, и тогда поверхностное выражение оказывается избыточным» [Майсак, Рахилина, с. 2]. В ситуациях с использованием рассматриваемых глаголов

ерэхэ и 来 [lai] конечной точке движения будет соответствовать фон, при этом, если он известен и говорящему и слушающему, то поверхностно он не выражается. Например:

Ерэжэ байха гүт? (Ч. Цыдендамбаев) – Будете ли приезжать?

燕子去了, 有在来的时候; 杨柳枯了, 有在青的时候...[yanziqule, youzailaideshihou; yangliukule, youzaiqingdeshihou...] (Чжу Цзыцин) – Ласточки улетают, но наступает время снова прилетать; тополя и ивы увядают, но наступает время снова зеленеть...

В рассмотренных предложениях семантическая валентность конечной точки движения, выраженного глаголами ерэхэ (приходить) и 来[lai] приходиться (зд. возвращаться), имплицитно предполагается, так как это было бы излишне, в силу того, что конечная точка вербального движения известна и слушающему, и говорящему.

В семантике рассматриваемых глагольных слов ерэхэ и 来[lai] выделяется набор равнозначных сем, который определяет специфику данных лексических единиц, и тем самым обуславливает своеобразие мировосприятия и членения мира на мельчайшие компоненты носителями бурятского и китайского языков. Сема 'двигаться' образует центр значения рассматриваемых глагольных слов. Сема «направление» конкретизирует центральную сему, указывая направление совершаемого движения.

На основе анализа языкового материала из словарей выделим общие и различительные черты в семантике сопоставляемых лексических единиц бурятского и китайского языков.

Семантическая доминанта 'направленное перемещение' проявляется во всех употреблениях глаголов ерэхэ и 来 [lai], ниже рассмотрим это на примерах. Важно отметить, что в данной статье значения китайских и бурятских глаголов будут представлены на русском языке, используемом в качестве метаязыка.

Значения рассматриваемых глагольных слов имеют следующие интегральные признаки.

Основное значение.

I. Маршрут одушевленных и неодушевленных предметов по направлению приближения к фону – сюда, безотносительно к способу перемещения: *приходить, приезжать, прибывать, являться, направляться, приближаться.*

1) *Та хэзээ ерээбта? – Когда вы пришли (или приехали)?*

2) *Гайндэртэ айлиад ерээ. – На праздник прибыли гости.*

3) *Олон бэйшэг ерээ. – Пришло (или поступило) много писем.*

4) *工人们来了。 [gongrenmenlaile – Рабочие пришли].*

5) *代表团来我国访问。 [daibiaotuanlaiwoguoofangwen] – Делегация при-*

была в нашу страну с визитом.

6) 他来了的一封信。[talaleyifengxin] – От него поступило письмо.

Переносное значение.

II. Параметры, выделенные Л. Талми, такие как «фон», «фигура» и пр., не могут быть применены при описании переносного значения глаголов *ерэхэ* и 来 [lai]. В переносном значении глаголы *ерэхэ* и 来 [lai] приобретают значение абстрагированного, отвлеченного в нашем сознании движения с собой времени, где пространственные ориентиры отсутствуют.

А. Наступление времени, срока или периода времени: *наступать, надвигаться, наставать*.

1) Зунай *хайхан саг ерэхэ*. – Наступило прекрасное летнее время.

2) Ябаха *саг ерээ*. – Настало время уехать.

3) 春天来了。[chuntianlaile] – Наступила весна.

4) 来年 [lainian] – Будущий, наступающий год.

Б. Внезапно становится видимым, возникновение, появление чего-либо или кого-либо: *возникать, появляться, рождаться, случаться*.

1) Хүбүүнэй *ерэхэхээ* хойшо. – После рождения (появления) сына.

2) 新的难题来了。[xindenantilaile] – Возникли (появились) новые проблемы.

3) 问题一来就马上解决。[wentiyilaijiujumashangjiejue] – Возникли вопросы и тут же разрешились.

Как показывают приведенные примеры, бурятский глагол *ерэхэ* и китайский глагол 来 [lai] могут употребляться как тождественные в прямом значении при выражении перемещения предметов по направлению – сюда; в переносных значениях при выражении наступления времени, периода, возникновения, появления кого-либо или чего-либо.

Произведенный семантический анализ показал, что семантика китайского глагола 来 [lai] шире значения соотносимого с ним бурятского глагола *ерэхэ*, поэтому некоторые переносные значения глагола 来 [lai] соответствуют значениям других бурятских глаголов.

Так, значение китайского глагола 来 [lai] ‘приступить к какому-либо делу, начинать, делать какое-либо дело’ в бурятском языке выражается не глаголом *ерэхэ*, а глаголами *захалха* (начинать, начинаться) и *турушаха* (пробовать, испытывать):

1) 现在我来 [xianzai gai wo lai]. (Давай-ка теперь я [начну]). – Мүнөө би захалхаб.

2) 再来一回 [zai lai yi hui]. (Давай-ка еще разок [сделаю]). – Үшөө дахин турушаа.

Значение глагола 来[lai] 'приносить, подавать' в бурятском языке выражается глаголом абаад ерэхэ (приносить). 你来一碗汤面 [nilaiyiwantangmian]. (Принеси чашку лапши в бульоне). – Аягатай шүлэ абаад ерэ.

Значение рассмотренной ситуации передается на бурятский язык составным глаголом, состоящим из двух отдельно оформленных слов абаад (брать, взять) и ерэхэ (приходить). Понятие «составной глагол» введено В.М. Егодуровой для обозначения бурятских глагольных слов, с морфологической точки зрения представляющих собой структурно-семантическое единство двух отдельно оформленных слов [Егодурова, с. 9]. Составной глагол абаад ерэхэ состоит из деепричастия абаад (взяв) и лексемы ерэхэ, обозначающей перемещение в пространстве по направлению – сюда, выступающей в качестве вспомогательного глагола.

Следует отметить, что в китайском языке также можно использовать составной глагол 拿来 [nalai] для передачи значения 'приносить'. Первым компонентом глагола будет простой глагол 拿 [na] (брать, взять), вторым компонентом – глагол направления движения 来 [lai], указывающий направление движения, выраженного первым компонентом – сюда: 你拿一碗汤面来 [ninalaiyiwantangmian] (Принеси чашку лапши в бульоне). Китайский глагол 拿[na] только в сочетании с простым глаголом направления движения 来 [lai] выражает значение 'приносить'. В бурятском языке выражение смысла 'приносить' тоже не может быть выражено посредством простого глагола направления движения ерэхэ вне составного глагола: *Аягатай шүлэ ерэ.

Значение китайского глагола 来 [lai] 'манить, звать; приглашать, привлекать к себе' в бурятском языке выражается глаголом дуудаха (звать, вызывать).

1) 来百工 , 则财用足 [lai bai gong, ze cai yong zu] (Привлечь к себе ремесленников – и денежных средств [всегда] будет достаточно). – Дархатуулые ажалда дуудабал мунгэн (хода) байха.

Исходя из проведенного анализа языковых ситуаций с использованием бурятской лексемы ерэхэ и китайской лексемы 来[lai], выражающих направленное передвижение, можно сделать следующие выводы:

Семантика рассматриваемых глаголов ерэхэ и 来[lai] характеризуется ориентацией на конечную точку движения. Согласно классификации глагольных лексем Ч. Филлмора, данные глаголы относятся к классу глаголов прибытия. Как было показано, в ситуациях с использованием рассматриваемых глаголов в прямом значении конечной точке движения соответст-

вует фон эксплицитно понимаемый говорящим и слушающим, т.е. очевидным для адресата.

Бурятский глагол *ерэхэ* тождествен китайскому глаголу 来 [lai] в передаче следующих смыслов: *основное значение* – реальное передвижение фигуры по направлению к фону; *переносное значение* – наступление времени или срока; внезапное появление (возникать, появляться, случаться).

Типологическим признаком в семантике китайской лексики 来 [lai] является использование ее для передачи значения ‘приступать к какому-либо делу’, ‘приносить, подавать’ и ‘манить, звать, привлекать кого-либо’.

Таким образом, при рассмотрении значений двух лексем с тождественным основным значением в бурятском и китайском языках выявлено, что основные ситуации, в которых используются рассматриваемые глаголы, совпадают. Однако китайская лексема обладает более широким объемом значения, о чем говорят примеры, в которых некоторые значения китайской лексики передаются не глаголом *ерэхэ* в бурятском языке, а другими бурятскими лексемами.

Исследование способов выражения направленного движения в пространстве интересно в фокусе типологических исследований, так как имеет выражения во всех языках. Выявление общих и различительных черт в обозначении семантики направления движения актуальны для общего языкознания, наряду с изучением других проблем исследования типологии языков.

Литература

1. Бессонова Ю.А. К вопросу о методике компонентного анализа диалектных глаголов речи // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2.
2. Егодурова В.М. Типология глагола в бурятском и русском языках (на материале глаголов движения). – Улан-Удэ, 1995.
3. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М., 2005.
4. Майсак Т.А., Рахилина Е.В. Семантика и статистика: глагол *идти* на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: Языки динамического мира / ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999.
5. Новицкая И.С. Значение глаголов и вопросы компонентного анализа лексики // Слово как предмет изучения: сб. науч. тр. – Л., 1977.
6. Рахилина Е.В., Лемменс М. Семантика русского *сидеть* на фоне нидерландского *zitten* // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. – М.: ИРЯ РАН, 2003.
7. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. О лексической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. – М.: Индрик, 2007.
8. Шахаева А.А. Семантика китайских базовых глаголов направления движения “来” и “去” // Вестник Бурятск. гос. ун-та. Вып. 8. Востоковедение. – Улан-Удэ, 2012.
9. Fillmore Ch. Deictic categories in the semantics of “come” // Foundation of language. 1966. № 3.
10. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon (ed. by T. Shopen.) Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Шахаева Александра Альбертовна, аспирант кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета.

Shakhaeva Aleksandra Albertovna, postgraduate student, department of general and historical linguistics, Buryat State University. E-mail: sashash@yandex.ru

УДК 81`322.5=581

© *Д.Б. Цыбикова*

Модификаторы вида как средство выражения диахронности повествовательного типа речи в текстах на китайском языке

Статья посвящена выявлению роли грамматических показателей вида в формировании контекста повествования на материале китайского языка. Анализ текстов подтверждает тезис о важности видового значения предиката в выражении функционально-смыслового типа речи – повествования.

Ключевые слова: функционально-смысловой тип речи, повествование, описание, диахронность, синхронность, модификатор вида.

D.B. Tsybikova

Aspect modifiers as indicators of diachronicity in Chinese narrative texts

The article is devoted to the question of the role of the usage of aspect indicators for developing narration context in Chinese texts. The author analyzes Chinese narrative texts to establish how narration as a type of speech determines the choice of aspect indicators.

Keywords: functional-semantic type of speech, narration, description, diachronicity, synchronicity, aspect modifier.

Основатель функционально-смысловой типологии речи О.А. Нечаева выделяет среди языковых средств, создающих динамику повествования, вид и время глагола: «Целям создания динамичности речи прежде всего служат предикативные грамматические категории... В контексте видо-временные значения глаголов соотносительны между собой и служат средством выражения одновременности или последовательности обозначаемых действий или состояний». По мнению исследователя, одновременность признаков статичного объекта выражается синхронологемой, последовательность – диахронологемой [Нечаева, с. 111]. Структурно-семантической основой описательного текста служит актантное ядро, повествовательного текста – предикатное: «Если стабильной основой наблюдаемой картины является функция (констатация наличия, существования внеязыкового ряда), то такое «видение» вербализуется описанием. Если в «фокус» внимания говорящего попадает объект, являющийся величиной стабильной, то его функции, действия представляют собой величины неустойчивые в том смысле, что одно действие сменяется другим в поле зрения говорящего. Такой способ «видения» внеязыкового ряда вербализуется текстовой еди-

ницей – повествованием» [Хамаганова, с. 41]. Описание и повествование являются констатирующими текстами.

В китайском языке функцию предиката, помимо глагола, может выполнять качественное прилагательное. И глагол, и качественное прилагательное способны присоединять к себе показатели вида и времени. Несмотря на то, что они имеют схожие функции, оформление их имеет различия. Так, например, к прилагательному не присоединяются так называемые результативные морфемы – показатели результативного вида. В статье попытаемся выявить роль модификаторов вида в выражении функционально-смысловых типов речи описания и повествования в текстах на китайском языке.

Исследователи расходятся во мнении о количестве видов глагола в китайском языке. Самым распространенным мнением является представление о том, что в китайском языке два основных глагольных вида: общий и результативный [Яхонтов, с. 91]. Общий вид обозначает действие как таковое в целом; средством его выражения служат неоформленные глаголы не-действия, глаголы состояния, неопределенные глаголы. Иногда общий вид указывает на действие вместе с его результатом (неоформленные предельные глаголы). К глаголам общего вида, таким образом, относятся все глаголы действия и не-действия, неоформленные грамматическими показателями вида.

Результативный вид обозначает не просто действие как таковое, а определенный переломный момент достижения этим действием какого-либо результата [Яхонтов, с. 8]. Механизм результативной глагольной модели словообразования заключается в том, что к центральной независимой основе присоединяется дополнительный элемент (补语 bǔyǔ) со значением изменения или результата [Хаматова, с. 151-152]. Таким образом, результативные глаголы – это сложные глаголы, состоящие из двух частей, первая из которых обозначает собственно само действие, а вторая – результативная морфема или модификатор вида – указывает на его результат, т.е. на качество или действие, появляющееся в результате первого действия. Своеобразие этой словообразовательной модели, с одной стороны, в том, что модификаторами вида может стать очень обширная группа предикатов – любые прилагательные, непереходные глаголы, глаголы мысли, чувства и речи [Яхонтов, с. 81]. С другой стороны (и это, скорее, типологическая характеристика изолирующего строя китайского языка), почти все результативные морфемы/модификаторы вида даже в самом отвлеченном своем значении сохраняют оттенки собственного, знаменательного значения. По семантическому принципу они объединяются в несколько групп [Яхонтов, с. 83-100]:

1) модификаторы, указывающие на признак действующего лица или объекта действия. В эту группу могут входить, видимо, любые качественные прилагательные. Примеры результативных глаголов, образованных с помощью модификаторов этого типа: 拉长 ‘растянуть’ (拉 ‘тянуть’, 长

‘длинный’); 打听清楚 ‘разузнать’ (打听 ‘разузнавать’, 清楚 ‘ясный’); 擦干净 ‘вытереть’ (擦 ‘тереть’, 干净 ‘чистый’) и др. [Яхонтов, с. 83-84];

2) модификаторы, которые дают оценку действию, указывают на его успешность или неуспешность. Таковыми являются морфемы 好 ‘хороший’, 成 «удастся», 错 ‘неправильный’ и некоторые другие. Примеры результативных глаголов, образованных с помощью этих модификаторов: 办好 ‘сделать хорошо’ (办 ‘сделать’, ‘устроить (что-то)’, 好 ‘хороший’, 准备好 ‘хорошо подготовиться’ (准备 ‘подготовиться’, 好 «хороший»), 写错 ‘написать неправильно’ (写 ‘писать’, 错 ‘неправильный’), 变成 ‘изменить (-ся)’ (变 ‘менять’, 成 ‘удастся’) и др.;

3) модификаторы, указывающие на отношение действующего лица к действию, возникающее в результате совершения действия – относительно небольшая группа морфем, в которую входят 惯 ‘привыкнуть’, 累 ‘устать’ и др. Примеры их использования: 劳动惯 ‘привыкнуть к труду’, (劳动 ‘трудиться’, 惯 ‘привыкнуть’), 担累 ‘устать нести’ (担 ‘нести’, 累 ‘устать’) [Яхонтов, с. 86];

4) модификаторы, указывающие на окончание, завершение действия или на его исчерпывающий характер, т.е. на то, что действие распространяется на весь объем объекта. В эту группу входят морфемы 完 ‘кончиться’, 满 ‘полный’, 到 ‘достичь (до)’ и др. [Яхонтов, с. 86]. Примеры результативных глаголов с этими модификаторами: 看完 ‘досмотреть’ (看 ‘смотреть’, 完 ‘закончить’), 说满 ‘наговориться (вдоволь)’ (说 ‘говорить’, 满 ‘полный, наполнить; удовлетвориться’), 等到 ‘дождаться’ (等 ‘ждать’, 到 ‘достичь (до)’);

5) модификаторы, указывающие на какой-то конкретный результат действия. Примеры результативных глаголов с этими результативными морфемами: 听懂 ‘понять (услышав)’ (听 ‘услышать’, 懂 ‘понять’), 看懂 ‘понять (увидев)’ (看 ‘увидеть’, 懂 ‘понять’), 吃饱 ‘наестся досыта’ (吃 ‘есть’, 饱 ‘сытый’).

Все указанные модификаторы являются морфемами результативных глаголов. Результативный вид также может быть выражен с помощью, так называемых, результативно-направленных глаголов [Горелов, с. 54], модификаторы которых восходят к глаголам направления движения. Назначение таких морфем состоит в уточнении направления действия, обозначенного глаголом, к которому они присоединяются [Яхонтов, с. 88], и в целом делятся на две подгруппы: семь модификаторов, обозначающих движение, ориентированное в пространстве (进 «входить (в)», 出 ‘выходить (из)’, 上 ‘подниматься (на)’, 下 ‘спускаться (с)’, 回 ‘возвращаться’, 过 «проходить (через)», 起 ‘подниматься’), и два модификатора, обозначающих движение, ориентированное по отношению к говорящему (来 ‘приходить’ и 去 ‘ухо-

дить') [Задоевко, Хуан Шуин, с. 246-247]. Сочетание модификаторов и первой и второй подгрупп при глаголах, выражающих идею движения, указывает одновременно на а) ориентацию движения в пространстве, б) направление движения относительно говорящего. Например: 跑上来 'прибегать наверх (сюда)', 跑上去 'прибегать наверх (туда)', 拿回来 'принести обратно (сюда)', 拿回去 'принести обратно (туда)' [Задоевко, Хуан Шуин, с.248].

Однако иногда такие модификаторы могут присоединяться к глаголам, семантика которых несовместима с идеей направления и передвижения в пространстве [Яхонтов, с. 88]. Такое отвлеченное значение способны приобретать не все, а только некоторые модификаторы направления движения, среди которых: 起来, имеющий значение 'приведение объекта в какое-то состояние', 'начало действия' (например, 哭起来 'заплакать'), 下去 – 'продолжение действия' (说下去 'продолжать говорить'), 下来 указывает на то, что результаты действия должны сохраняться долгое время (住下来 'поселиться'), 出来 означает создание, обнаружение или появление чего-то (看出来 'обнаружить').

Отдельно можно отметить, что в отвлеченном значении модификаторы направления движения 起来, 下来 и 下去 способны присоединяться не только к глаголам, но и к прилагательным, образуют от них глаголы со значением постепенного появления качества [Яхонтов, с. 89], создавая, тем самым эффект динамичности речи, например: 重起来 'отяжелеть', 'стать тяжелым'; 小下去 'уменьшиться', 穷下来 'обеднеть'.

Наконец, к показателям результативного вида, безусловно, относятся морфемы 见, 住 (от глаголов 见 'смотреть', 住 'жить'), которые потеряли свое знаменательное значение и превратились в служебные элементы [Яхонтов, с. 87], например: 遇见 'встретить' (遇 'встречаться, попадаться', 见 'увидеть'), 记住 'запомнить' (记 'помнить', 住 'жить').

Из сказанного выше следует, что показатели результативного вида – модификаторы результативных глаголов и результативно-направленных глаголов, а также морфемы, восходящие к глаголам направления движения, используемые в отвлеченном значении – употребляются в констатирующих текстах для реализации логемы диахронности и оформления контекста повествования. Рассмотрим данный тезис на примерах.

(1) 那天, 刚考完英语, 我们几个朋友去食堂吃饭, 忽然一个个子不太高的男孩拦住了我, 说: “我是伟。”

В тот день, как только закончился экзамен по английскому языку, мы с

друзьями пошли в столовую поест. Вдруг (какой-то) невысокий молодой человек потянул меня (за руку) и сказал: «(Это) я – Вэй».

В данном контексте неразвернутое повествование, предваряющее прямую речь, сообщает о расчлененных, хронологически последовательных действиях. На динамику повествования указывает семантика включенных в данный контекст предикатов – результативных глаголов 考完 ‘сдать (экзамен)’ (考 ‘сдавать’, 完 ‘закончить’) и 拦住 ‘потянуть (за руку)’, (拦 ‘тянуть за руку’, 住 ‘жить’); третий предикат – 去 ‘идти, уходить’ – является предельным глаголом (т.е. обозначает действие, неотделимое от представления о переломном моменте, после которого действие не может продолжаться [Яхонтов, с. 81]). Таким образом, семантика всех трех предикатов указывает на поступательное движение и развитие действий.

(2) 古时候，有个姑娘叫祝英台，又聪明又美丽。十七岁那年，
女扮男装到杭州去读书。

В древние времена жила-была девушка, которую звали Чжу Иньтай. Она (была) красивая и умная. В год, когда ей исполнилось 17 лет, она, переодевшись мужчиной, отправилась в Ханчжоу учиться.

В данном микротематическом контексте роль введения отведена описанию, основой которого служит синхронологема: 古时候，有个姑娘叫祝英台，又聪明又美丽。(«В древние времена жила-была девушка, которую звали Чжу Иньтай. Она (была) красивая и умная.»). Один из предикатов повествовательной части микротемы оформлен результативной морфемой – 女扮男装到 ‘переодеться в мужчину’ (女扮男装 ‘переодеваться в мужчину’ + 到 ‘достигать(до)’); второй предикат является предельным глаголом – 去 ‘уходить’.

(3)
上，她遇见了一个青年叫梁山伯，也是去杭州读书的，于是，
他们很快就成了好朋友。到杭州，他们就在一个学校上学。

По дороге она встретила молодого человека по имени Лян Шаньбо, который тоже направлялся в Ханчжоу учиться. Они очень быстро стали хорошими друзьями. В Ханчжоу они поступили в одну школу.

В контексте три предиката, два из которых – предельные глаголы 成 ‘стать’ и 上 ‘поступить’, один – результативный глагол 遇见 ‘повстречать’(遇 ‘встретить’, 见 – служебная морфема результативного вида от глагола 见 «видеть»). Все три предиката указывают на динамику событий и изменение состояния объектов; они реализуют логему диахронности.

(4) 结婚那天非常热闹，花轿走到梁山伯的墓前时，

祝英台从轿上走下了，跪在墓前痛哭起来，这时，天一下子暗了下来，刮起了狂风，下起了大雨。忽然一声巨响了，墓裂开了，祝英台立刻扑了进去，墓一下子又合上了。

В день свадьбы было очень шумно. Когда паланкин был поднесен к могиле Лян Шаньбо, Чжу Иньтай вышла из него, опустилась на колени и горько заплакала. В это время небо вдруг потемнело, поднялся вихрь, начался ливень. Вдруг раздался страшный гром, могила разверзлась, Чжу Иньтай упала в нее, и земля сомкнулась над ней.

Повествование предваряется описательным высказыванием: **结婚那天非常热闹** («В день свадьбы было очень шумно»). В самом повествовании вербализован переход одного действия к другому в хронологической последовательности, что передается грамматическими формами десяти предикатов, которые обозначают десять хронологически последовательных действий и изменений состояний нескольких объектов:

- 1) 走到 ‘подойти’ (走 ‘идти’, 到 ‘достичь, дойти (до)'),
- 2) 走下 ‘выйти (из)’ (走 «идти», 下 ‘вниз’),
- 3) 痛哭起来 ‘начать горько плакать’ (痛哭 ‘горько плакать’, 起来 модификатор результативного вида со значением начала действия),
- 4) 暗(了)下来 ‘потемнеть’ (暗 ‘темный’, 下来 модификатор результативного вида со значением начала или продолжения действия),
- 5) 刮起 (风) ‘подуть (о ветре)’ (刮 ‘дуть’, 起 модификатор результативного вида со значением начала действия),
- 6) 下起 (大雨) ‘начаться (о ливне)’ (下 ‘идти (о дожде)’, 起 модификатор результативного вида со значением начала действия),
- 7) 巨响了 ‘громыхнуть, раздаться (о треске)’ (巨响 ‘громыхать’, 了 модальная частица перехода из одного состояния в другое),
- 8) 开 ‘открыть’,
- 9) 扑(了)进去 ‘упасть (внутри)’ (扑 ‘упасть’, 进去 модификатор направления движения ‘-в, -внутри’),
- 10) 合上 ‘закрыть(-ся)’ (合 ‘закрывать’, 上 модификатор результативного вида).

11) Приведенные примеры иллюстрируют выдвинутый нами тезис о том, что в констатирующих типах речи результативный вид глаголов, наряду с их семантикой, играет важную роль в формировании повествовательного контекста. Более того, с большой долей уверенности можно утверждать, что в констатирующих текстах использование модификаторов результативного вида будет ограничиваться функционально-смысловым типом речи – повествованием. Обусловлено это семантикой самой грамматической формы вида, всегда связанной с идеей о каком-то переломном моменте в ходе обозначенного действия, а значит, указывающей на логему диахронности, свойственную повествовательному типу речи.

Литература

1. Горелов В.И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1989.
2. Задоев Т.П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка. Ч.П. – М.: Муравей, 2003.
3. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.
4. Хамаганова В.М. О некоторых онтологических свойствах констатирующих текстов // Вестник Бурятск. гос. ун-та. Серия 6: Филология. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1999.
5. Хаматова А.А. Словообразование китайского языка. – М.: Муравей, 2003.
6. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

Источники

7. 汉语听说教程（上）。北京语言大学出版社，2008。
8. 聊斋志异。北京出版社，2007。

Цыбикова Дарима Бадмажаповна, ассистент кафедры восточных языков Бурятского государственного университета, аспирант кафедры русского языка.

Tsybikova Darima Badmazhapovna, assistant lecturer, department of oriental languages, Buryat State University, post-graduate student, department of Russian language. Тел.: +7-9243901499; e-mail: EZHIK-DOLLY@mail.ru.

УДК 81`322.5+81`282(571.54)

© *Т.Ю. Игнатович*

**Особенности употребления служебных частей речи
в восточнозбайкальских говорах севернорусского происхождения***

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления служебных частей речи в восточнозбайкальских говорах севернорусского происхождения. Предлоги, частицы и союзы анализируются с учетом структурно-системного и коммуникативного аспектов.

Ключевые слова: восточнозбайкальские говоры, предлоги, частицы, союзы, диалектные различия.

T.Ju. Ignatovich

**Features of function words usage in the speech of East Transbaikalian dialects
of Russian North origin**

Article is devoted to the features of function words usage in speech of East Transbaikalian dialects of the Russian North origin. Prepositions, particles and conjunctions are analyzed in light of system-structural and communicative aspects.

Keywords: East Transbaikalian dialects, prepositions, particles, conjunctions, dialect distinctions.

* Работа выполнена в рамках государственного задания вузу Министерства образования и науки РФ, № 6.3620.2011. Тема проекта: Исследование региональной разновидности русского национального языка на территории Восточного Забайкалья в синхронном и диахронном аспектах.

При рассмотрении особенностей употребления служебных частей речи читаются аспект выявления строевых синтаксических различий и по возможности аспект исследования способов линейно-динамической организации фразы [Лаптева, с. 94]. Принимается во внимание разрабатываемый В.Е. Гольдиным, О.Б. Сиротининой, Т.Н. Медведевой, Т.А. Демешкиной, О.Ю. Крючковой и другими учеными коммуникативный аспект исследования диалектной речи, которому присуща характеристика диалектных текстов как коммуникативных единиц, отличающихся от литературно-разговорной речи и просторечия характером текстообразования [Гольдин 2001, с 66; Гольдин 2004, с. 40-41].

В диалектных различиях – диалектных узуальных нормах – выделяются *относительно устойчивые и неустойчивые черты*. Определение устойчивости / неустойчивости диалектных различий, присущих забайкальским говорам, осуществляется на основе сравнения частотности спонтанного употребления диалектного варианта с частотностью спонтанного употребления наддиалектного варианта. Относительно устойчивое диалектное различие характеризуется большей частотностью употребления в спонтанной диалектной речи по сравнению с наддиалектным вариантом. Кроме того, критерием устойчивости / неустойчивости диалектной черты является ограниченность / неограниченность употребления диалектного варианта диалектоносителями разных возрастных категорий.

Региональные особенности в употреблении предлогов. Предлоги участвуют в структуре синтаксических единиц, так как оформляют падежные формы имен и выражают синтаксическую подчинительную связь управления в словосочетании.

В исследуемых говорах ряд предлогов характеризуется большей употребительностью и расширенным спектром значений по сравнению с литературным языком. Встречается вариантность в сочетаемости определённых предлогов с падежными формами имён (общерусская модель сочетаемости / архаическая диалектная модель). Диалектные особенности наблюдаются также в вариантной оформленности некоторых предлогов, в употреблении в диалектном дискурсе.

В ряду повсеместно употребляющихся в исследуемых говорах предлогов **из** и **с** с обстоятельственным значением места большей употребительностью отличается предлог **с**. Ср.: *вернулся ис Сретенска* (Ш), *вышли мы из вагзала* (ПН) – *приехал с города (-у)*, *принёс с леса (-у)* (УБ, УКар КБ, УБ, БГЗ, НЦО, УКар, СОЧ), *приехал с Нерчинска*, *приехал с Утана* (СОЧ), *сама с Анон-Борзи*; *мать привизёна была с Урульги* (УПБ); *дочь приедет з Брацка* (КБор). С другим значением, например со значением материала, употребителен предлог **из**: *унты ис тилятины*, *из ыргэн шили* (УПБ); *карчаги из глины делали* (КБор), *куртки таки из ваты* (ПН), *йирушники-то из гречневой муки делали*, *а солоники из ржаной*; *мыла хазяйсвенае варили ис прапастины* (ЗарН). Предлог **с** с объектным значением употребляется вместо предлога **от**: *я ушла с тилят* (ПН). Предлог **от** часто употребляется

с донативным значением: *малаком питамся ат сына* (ПН), *молочишко от коровы* (БКБ).

Предпочтительнее предлога **в** с пространственным значением нахождения в населённом пункте предлог **по** с формой Д.п. имени: *сколько на Паселю Лизаф? пално* (УПБ). Предлог **по** употребителен также в конструкциях типа *хадила по людям* (УПБ), *васпитывалась на заимкам* (ПН). Вариантно, даже в речи одного диалектоносителя употребляются предлоги **по** и **в** с временным значением: *на моладасти хадил* (муж) *на ахоту – в моладасти-то пряла* (ПН).

Предлоги **за** и **по** с объектно-целевым значением с формой В.п. имени употребляются повсеместно. В конструкциях со значением «сходить, чтобы позвать» обычно употребляется предлог **за**: *сходи за бабушкой, сбегай за отцом* (повсеместно), в конструкциях со значением «сходить, чтобы забрать, принести» большая употребительность присуща предлогу **по**: *пошли по ягоду, съездить по дрова* (повсеместно), *пайдёшь на кони* (НААЗ), *на карову хадила* (УАШ), *по черёмку ездили* (МитШ), *по карову хадила, хадила по ваду* (ЧААЗ), *ездила по брусницу* (БКБ), *приижжали по малачко* (САЗ). В этом значении предлог **по** употребляется с существительными как неодушевленными, так и одушевленными. Данная диалектная черта распространена в Северо-Восточной диалектной зоне, известна псковским, новгородским говорам [Захарова, Орлова, с. 93; Диалектологический атлас русского языка, вып III, ч. 2, карта 9], встречается в русских говорах Приамурья [Краткая характеристика говоров... Приамурья 2007, с. 8].

В исследуемых забайкальских говорах наблюдается вариантность в сочетаемости предлогов **возле**, **подле**, **мимо** с падежными формами имён. Наряду с повсеместно употребляющейся общерусской моделью сочетаемости предлогов **возле**, **подле**, **мимо** с формой Р.п. имени: *возле леса, мимо дома, подле дороги* (повсеместно), *выпас был зделан возли лесу* (УПБ) и др., в речи пожилых диалектоносителей встречается архаическая диалектная модель сочетаемости с формой В.п.: *подле дорогу* (СОЧ), *подле речку* (УБ, БГЗ), *целый день подли землю* (ОН), *возли речку агарот был, цоп ийё подли гóлову* (ЗнН), *возли гóру дама* (САЗ), *возле десну* (НААЗ).

Данная диалектная особенность в исследуемых говорах является неустойчивой, утрачивающейся чертой, когда-то характерной для всего русского языка, а сейчас свойственной ряду говоров Северного наречия [Русская диалектология 2005, с. 180], в частности говорам Вологодской группы [Захарова, Орлова, с. 111], откуда, возможно, в конце XVII в. и попала в забайкальские идиомы. На территории соседних регионов это диалектное различие наблюдается в речи старшего поколения в говорах Приамурья [Краткая характеристика говоров... Приамурья, с. 8].

Вариантность наблюдается и в оформленности ряда предлогов. Употребляются варианты предлогов **около** – **коло**: *кала школы живёт* (ЗН), *кала клубу лижит* (КШ) и **кроме** – **окромья**: *А тут адали пажилых нету, акрамья Гальшова* (УПБ); *Акрамья дома сваиво нигде ни нравицца* (ЗарН).

Наряду с предлогом **вокруг** зафиксирован вариант *вкруг, круг*: *Раньша лифтики ис сицца насили фкрук туши* (МП), *круг йиво водят* (ЗнН). Вариант **об** может употребляться вместо варианта **о**: *ап Сени печалось* (МакШ), *оп скота она толкует* (БКБ).

Двойные предлоги употребляются редко, словосочетания с ними выражают пространственные значения. Предлог **по-над** оформляет форму Тв. п. имени: *пройти по-над речкой* (ЗН), предлог **по-под** употребляется с Д.п.: *волк идёт по-под яру* (МакШ), предлог **по-за** – с Д.п.: *по-за доске прихадилась идти* (ЗН). Употребляющийся предлог **из-под**, например: *ис-под крыльца еле дастали* (КШ), имеет вариант **с-под**, например: *с-под дому пишиыт* (ВТШ) и др. Зафиксировано употребление рядом двух предлогов: *делали на подвиг кастрюли* (КБор).

Характерно повторение предлогов в конструкциях сущ. + сущ., мест. + сущ., сущ. + прил. при втором дополняющем члене: *с деткой са стареньким расли*; *у нас у саседей было два Василя, аднаво Малкай звали*; *шуба, если на валачугу, на вос сена забросят, шуба фсю любиму траву сабират*; *пат малако пад забел туиски были, за сваей за юртой ухаживаю, фазендой называю, фсё па сухому шли, па дароге* (УПБ), *спали на патниках на палу* (ЗарН) и др. Данное явление встречается во многих русских говорах, в том числе в говорах Приамурья [Краткая характеристика говоров... Приамурья, с. 8].

Встречаются древние конструкции с пропуском предлога **в**: *ездила Маскву*; *школа была не кирпишном доме* (ВЦО), *Адна дефка далёко только у меня, Красноярским* (в Красноярске); *школу не хадила сафсем* (СЧО).

Таким образом, остается относительно устойчивым диалектным различием употребление ряда предлогов с расширенным спектром значений по сравнению с литературным языком: предлога **с** (*приехал с Нерчинска, ушла с тилят*), предлога **по** (*съездить по дрова, сколько на Паселю Лизоф-то, на моладасти хадил на ахоту*), повторение предлогов при втором дополняющем члене (*с деткой са стареньким расли*; *у нас у саседей*; *пат малако пад*).

Неустойчивыми, утрачивающимися диалектными чертами являются унаследованная из материнских севернорусских говоров диалектная модель сочетаемости определённых предлогов с падежными формами имён (*возли речку, подли голову*), древние конструкции с пропуском предлога **в** (*ездила Маскву*). Редко употребляются двойные предлоги, словосочетания с ними выражают пространственные значения (*по-над речкой, по-под яру, по-за доске, с-под дому*).

Употребление частиц и союзов в диалектной речи. Многие частицы привносят в предложение дополнительные смысловые оттенки или участвуют в формообразовании, на структуру предложения и синтаксические связи не влияют. Но ряд частиц выполняют функции связи фрагментов высказывания, представляют собой частицы-союзы.

В исследуемых забайкальских говорах активно употребляются монофункциональные и полифункциональные частицы, унаследованные из материнских севернорусских говоров.

Монофункциональной является постпозитивная частица **-то**, которая приносит дополнительный усилительный оттенок.

В исследуемых говорах широко распространено употребление данной заударной частицы **-то** в вариантах:

-[то] в говорах со следами заударного оканья	<i>село-[то], вина-[то]</i> (УБ), <i>Воло́тька-[то], Юрка-[то], кана́ва-[то], дож:а-[то], война-[то], по корову-[то]</i> (ДжБ) и др.
-[тъ] при редукции в заударном слоге:	<i>село-[тъ], дом-[тъ]</i> (УПБ), <i>Лена-[тъ]</i> (ДжБ), <i>здоровье-[тъ]</i> (СОЧ), <i>я-[т]ъ, доброу-[тъ]</i> (УПБ), <i>наши-[тъ]</i> (АЗ) и др.
-[та] при проявлении аканья:	<i>Гриха-[та], зимой-[та]</i> (УБ), <i>на лавачкам-[та], тихо-[та], лаит-[та], сафсем-[та]</i> , (ДжБ), <i>диревня-[та], малако-[та], старый-[та]</i> он, <i>нирвишки-[та]</i> (СОЧ) и др.
-[т]:	<i>телка-т, мои дома-т не живут</i> (ЧС)

В современных забайкальских говорах севернорусского происхождения постпозитивная частица **-то** не имеет согласования с предшествующим именем в роде и числе и употребляется как после имен, так и после слов других частей речи (глаголов, наречий) в усилительной функции: *жи́ли-[тъ] плохо; хлеп-[тъ] вручну пяку; ранешну-[тъ] бы жись* (ПН), *русску пёчку-[тъ] разварочили, а ране-[тъ] ана и спасала* (КБор), *исть-[тъ] надо* (УПБ), *а ёть-[тъ]; не магу залёсти-[тъ]* (СЧО); *а мы-[тъ] маленьку иё агрибли* (МП), *Гри́шка-[тъ], в ы́збу-[тъ], соседи-[тъ]* (ЧС) и др.

Остаточное явление согласования в ж. р. и В. п. просматривается в спорадическом употреблении постпозитивной частицы в варианте **-ту**: *каг дядя Пана вышел на улицу-ту* (ЗН), *траву-ту фсю загрибла зимлэй; пүгофку-ту ни можешь пришить* (МП), *саму-ту, вайну-ту* (ЧС). Зафиксированы случаи сочетаемости варианта **-ту** с существительным мужского рода в форме В. п. с окончанием **-у**: *разривели парнишку-ту* (МП) вследствие проявления аналогии.

В говоре с. Будюмкан зафиксированы единичные случаи употребления постпозитивной частицы **-от** при существительных м. р. ед. ч. в Им. п.: *старик-от тот много ходил* (БГЗ). В русских говорах Приамурья сохранилось согласование этой постпозитивной частицы с предшествующим существительным [Краткая характеристика говоров... Приамурья, с. 8].

В исследуемых говорах также встречается употребление смягчительной постпозитивной частицы **-ка**, и не только в глагольных формах повелительного наклонения: *идите-ка, а щас быка запряги-ка – засмуют* (ПН), *неси-ка* (ЗН), *помоги-ка* (КШ), *наливай-ка* (МакШ), но в формах изъявительного наклонения: *приду-ка; застилю-ка пальтушки; сидят галодны, накормю-ка* (СЧО), *на уколы сейчас хожу-ка, много асталось-ка* (ЗН), *схажу-ка, сидю-ка* (МакШ), *шутю-ка* (САЗ), а также при наречиях: *радители тут-ка* (СЧО), *только тама-ка* (ВЦО) и др.

Ряд частиц, наряду с выражением дополнительных смысловых оттенков, усилительной функции, выполняют функции коннекторов, то есть являются средством связи фрагментов высказывания, и представляют собой частицы-союзы.

Исследователь диалектной речи Т.А. Демешкина отмечает, что «в диалекте преобладают модели, отражающие получение информации путем непосредственного восприятия» [Демешкина, с. 46]. Одним из средств наглядно-образного представления событий в речи забайкальцев является употребление указательной частицы **ВОТ (от)**: *Но чё рассказать? вот расскажу, как мы вайну жили; Вот рас мы как-ть кароф пасли* (КН), *и вот ане иму припадниси нидастачу* (СОЧ), *От (вот) был ристант* (арестант), *сут даёт вечное насиление, Сибирь; Я кажнава барашечка вырастю, вон какой ухот требуеца за имя; мы умерли ат смеху, вот смеху было* (УПБ), *от как раньше спали* (СЧО).

Многообразные дискурсивные функции слова **ВОТ** определяет в своих исследованиях О.Ю. Крючкова, при этом отмечает, что «диалектным метаоператорам свойственна полифункциональность и семантическая диффузность» [Крючкова, с. 83]. Действительно, данная частица проявляет функциональную синкретичность: в наших примерах она связывает фрагменты высказывания и указывает на последовательность действий, происходящих как бы перед глазами, тем самым выражая и персуазивность (достоверность высказывания). Часто эта частица встречается в сочетании с указательными местоимениями и наречиями, с относительными местоимениями, при этом усиливает их значение: *Слышу кто-то шарит ф кармане. Погади, вот в этом кармане* (ПН); *А он фсё стаит на маленьком агне. Вот палучаца сливанчик; Закроют заслонкай, и вот хлеп пикёць; На ей картошка-то раишыперилас, да лиситя крупны, вот:аки; цэлый день во так талкёшься, пурхашься на кухне* (МП) и др. Употребляется эта частица для подытоживания ранее сказанного и отсылки к нему: *Фсе спали на палу, на патниках, прастыней-то не было. Вот как раньше спали* (Ш); *Паймал я щуку на блисну: адна галава, два хваста. Вот жадна-то кака рыба* (ЗарН). Указательные частицы активны в употреблении, совмещая функцию оценки, имеют формальные варианты: **ЕВОН / ЭВОН, ЕВО / ЭВО, ЕВОТ / ЭВОТ**.

В речи диалектоносителей часто употребляется усилительная частицы **ВЕДЬ** в огласовках [в'ит'], [ит'], [ыт']: *Работа тижола была. Оно вить сыратым щастя ни биват* (ЗН), *Там ыть кто куды* (СОЧ), *Вот ить какой злакосный кот* (МП), *Она ить не поверила; Наповадились, гляди ить чё, задарма всё хочат, умны каки!* (БГЗ), она может выполнять и функцию союза с причинным значением: *Перестань, Танька, пить, ты ить така баба-то брва. А ты ить можешь не пить, роботяшиша евон кака* (БГЗ).

Активно используется в диалектной речи присоединительно-усилительная частица-союз **Я**: *А его освободили, а тятя так и остался, и умер. Все хотела съездить, где похоронен, а где найдешь? А тятя всех кормил, нишиших, хлеба много было; А чем-то баб-то надо веселить. А я*

была *кака-то*, но *чё-нибудь да сотворяла*, *чё-то чудила их* (БГЗ), что характерно для ряда севернорусских говоров – олонецких, архангельских, вологодских [Русская диалектология 1972, с. 251].

Частица *да* может выполнять функцию усилительную: *О, да ты ишо радня* (УПБ), присоединительную: *Да каг жили? Работали и фсё. Да куды отправят, туды идём* (СЧО); *Есь змеи идавнты, ажалит? Ну да я чё же, сколь фстричал* (УПБ), *Да я чё-то в бане намылась, да как убита спала, никово не слышала; Один раз как-то приехали, а там волчища лежат. Да кто чем долбили* (БГЗ). Постпозитивное употребление частицы *да* после однородных членов встречается редко: *Расскажи лучше про хлибапашество да чо да* (УБ).

Характерны конструкции с повторяющейся частицей-союзом *да*: *Ну раньше не веселились, да некогда было, да и нефчем было ф клуп выйти* (СЧО). *Да я дак с этой дарошки, шары-то закачарила куды-то, да ступнула с этой дарошки мимо, и пакатилась я атуль з гары-то, с палавины гары* (КШ).

Для обозначения завершенности высказывания используется частица *да и*: *Кой-как на силу запрягём коней-то, да и по сено* (БГЗ), *Ни держит этот паром, ни станишь ни даждидашь, переплывёшь да и фсё* (КШ), но не в самом конце высказывания.

С выделительной функцией активно употребляется частица-союз *дак*: *Дифчонка внучка прибижит, спалоцет палы, а где призасирусь, дак ничо* (КБор); *У наз дак ни купишь; дак вы садитьсь ка сталу* (СОЧ), *Дак ты на бизмене свешай, сколь там гричухи* (МП). *Да я дак с этой дарошки, шары-то закачарила куды-то, да ступнула с этой дарошки мимо, и пакатилась я атуль з гары-то, с палавины гары* (КШ). Эта частица-союз полисемантическая, имеет и усилительное значение, и пояснительное: *дак я купила, дак я не смогла* (ЧС), употребляется со значением следствия: *Радители тутка, дак куды денесся* (СЧО), *Анон-то, кагда маленький, дак эта долго бридёшь* (КШ), с противительным значением: *Суп сварить, дак ни хочат ись* (БКБ).

Может использоваться сочетание частиц *дак вот* в варианте *дак от*, например: *дак от бапка сидит* (СОЧ). Активное употребление частицы *дак* характерно для говоров Северного наречия и западных среднерусских говоров [Русская диалектология 1972, с. 252], в исследуемые вторичные байкальские говоры привнесена была из материнских севернорусских говоров. В настоящее время ее употребление является устойчивой диалектной чертой.

В качестве вопросительной частицы активно употребляется повторяющаяся частица *ли* в сочетаниях с вопросительными местоимениями и наречиями *ли чё ли, ли кто ли, ли где ли*: *придёшь ли чё ли?* (КБ, УБ, НЦО, УКар БГЗ), *дак ты с нёба упала ли чо ли?* (АЧ), *мне ить жалко их ли чё ли?* (ЗарН), *там аштрафуют ли чё ли?* (СЧО), *миняли на хлеп, на муку ли хто ли* (ЗН), *ф Чите ли де ли* (УНС), употребляется и вариант *или чё ли*: *придёшь или чё ли?* (СОЧ).

Конструкции типа *хлеб ли чё ли испекчи?* распространены и в русских говорах Приамурья [Краткая характеристика говоров... Приамурья, с. 8].

Сочинительные союзы **а, и, да, или** (вариант *али*) употребляются при однородных членах предложения: *И чистила, и шаришила парники; А щас в видре али ф кастрюле большой* (УПБ), могут связывать предложения при выражении сочинительных отношений, однако большей употребительностью отличается бессоюзная связь. Примеры: *Ф стряпках жила, у аца в нужде жила, сюды вышла замуш. Мужики одне были, свикрофка была ма-чиха. А патом оделились, ф калхос пашли работать* (УПБ); *Бутанов у нас тут много, тарбаганы в бутанах живут. Зимой метра на два туда за-трамбуется и не мерзнет, большие не промерзает, весной выгрёбается оттуда! А гусей, уток пошто-то не стало сейчас, ране-то на нашем озере, ой, много их было, и охотились* (КБор).

Среди подчинительных союзов активны союз **как**, который употребляется в разных значениях – причинном, условном, временном: *Как паужи-нам, так скирдавать едим; Как щёлкнет, живатину убивало* (ЗН), *Атец как ушол на фронт, мы пашли работать* (КБор), условный союз **если, еслиф**: *Если он фсплывёт, рибёнак далговечный, если пагрузнет, скоро умрёт* (ЗарН) *Еслиф калхози дивна робили, то давали ничё же* (ЗН), *Еслиф паедут, купят* (МитШ), частица-союз **только**: *Только даткнуь до падушки, он заревёт* (КБор), союз **когда**: *Мы с млатшим братам прадавали касу, кавды старша систра в замуш выхадил* (ЗарН), *Кагда пратоница печь, заскрибут иё, агонь в загнеду заскрибут ключкой* (КБор), **чтобы**: *Атцель, как начинаца дарошка, скос, ни круто, итобы спускаца, коо вот так дарошка была зделана, па ей хадил* (КШ), относительные слова: *Фсё дела-ли чё, куды атправят* (СЧО), *У каво ни повянет, харошая жись будет* (УПБ). В главной части часто отсутствуют соотносительные слова: *При-глядываюь, итто дали наша пасельска?* (УПБ), сочетание соотносительно-го слова и союза может срастись и получить диалектную огласовку: *Щас люди добры, весёлы, нетомишто* (не то что) *щас у нас – одне стрóки* (БГЗ). Характерно сочетание сочинительных и подчинительных конструкций: *Видать, как ползали, сабирали зимлинику-то, да и выранили картачки-то* (КБор).

Усиливает впечатление от описываемых сопоставляемых явлений использование градационных союзов: *Как ударит учитель, так с линейки сло-маца, каг за ухо вазьмёт, так ухо атарвёт, чирис парту вытаскават* (ВЦО).

Таким образом, в исследуемых современных забайкальских говорах активно употребляются монофункциональные и полифункциональные частицы, унаследованные из материнских севернорусских говоров.

Употребление постпозитивной монофункциональной частицы *-то*, полифункциональных частиц-коннекторов *вот / от / ево / эво / евот / эвот, евон / эвон, ведь / вить / ить, а, да, да и, дак вот / дак от*), повторяющейся вопросительной частицы *ли* в сочетаниях с вопросительными местоимениями и наречиями (*ли чё ли, ли кто ли, ли где ли*) остаётся относительно

устойчивым диалектным различием. Нерегулярность употребления частицы *-то* в согласовательной форме ед. ч. ж. р. и В. п. (*траву-ту загрибла*), единичные случаи употребления формы ед. ч. м. р. Им.п. (*старик-от*) позволяют считать связь согласования неустойчивой диалектной особенностью.

Употребление сочинительных и подчинительных союзов имеет мало отличий от общерусского употребления, характерного для устного дискурса. Отличия затрагивают степени употребительности и формальной вариантности союзов. Активны сочинительные союзы *и, да, или / али*, подчинительные союзы *как, если / еслиф, когда*, частица-союз *только*, сочетание-сращение соотносительного слова и союза (*нетомишто* – не то что). Союзное употребление в целом уступает бессоюзному, что присуще некодифицированным устным коммуникациям.

Устойчивость ряда диалектных различий относительна, так как с ними конкурируют общерусские формы, и лишь немногие из них доминируют над наддиалектными вариантами. Относительно устойчивыми оказываются те черты, которые носят характер языковых законов, неустойчивые вступают в противоречие с общенациональными тенденциями языкового развития [Волкова]. Например, закон аналогии и вызываемый им процесс унификации привели к утрачиванию согласования постпозитивных частиц с предшествующим именем в роде и числе, но особенности диалектной речи, характеризующейся экспрессивностью и широким использованием для ее выражения частиц, сохраняют активное употребление постпозитивной частицы *-то* в исследуемых говорах Восточного Забайкалья. Устойчивостью обладают также унаследованные из материнских говоров языковые средства, способные передавать дополнительные смыслы, например полисемантическая частица-союз *дак*, частица-союз *да*, повторение предлогов при смысловом выделении, дополнении. Относительно устойчивые диалектные различия в настоящее время маркируют восточнозабайкальскую диалектную речь.

Условные сокращения населенных пунктов

Балейский район: КБ – с. Колобово, УБ – с. Унда, УПБ – с. Ундино-Поселье, ЖБ – с. Журавлево, ДжБ – с. Джида, ИБ – с. Ильдикан; Нерчинский район: ЗН – с. Зюльзя, ЗарН – с. Заречное, ЗнН – с. Знаменка, ОН – с. Олекан, ПН – с. Пешково, СН – с. Савватеево; Ононский район: ВЦО – с. Верхний Цасучей, НЦО – с. Нижний Цасучей, СЧО – с. Старый Чиндант, УБО – с. Усть-Борзя, КО – с. Кубухай, ТХО – с. Тут-Халтуй, ИО – с. Искарал; Шилкинский район: КШ – с. Кироча, МакШ – с. Макарово, УАШ – с. Усть-Ага, ЧШ – с. Чирон; Чернышевский район: АЧ – с. Алеур, СОЧ – с. Старый Олов; Карымский район: УКар – с. Урульга; Борзинский район: КБор – с. Ключевское, КурБор – с. Курунзулай; Приаргунский район: МП – п. Молодежный; Газимуро-Заводский район: БГЗ – с. Будюмкан; Александрово-Заводский район: АЗ – с. Александровский Завод, НААЗ – с. Ново-Акатуй, ЧАЗ – с. Чиндагатай.

Литература

1. Волкова Н.А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
2. Гольдин В.Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / под ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. – М.: Изд-во МГУ, 2001.
3. Гольдин В.Е. Textoобразующие факторы диалектной речи // Проблемы современной русской диалектологии: тез. докл. междунар. конф. / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М.: Издательский дом «Март-Медиа», 2004.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: в 3 вып. / под общей ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. Вып. III. Ч. 2. – М.: Наука, 2004.
5. Демешкина Т.А. Диалектное высказывание и его миромоделирующие возможности // Проблемы современной русской диалектологии: тез. докл. междунар. конф. / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М.: Издательский дом «Март-Медиа», 2004.
6. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. Краткая характеристика говоров старожилого русского населения Приамурья // Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007.
8. Крючкова О.Ю. Метатекст в диалектном тексте // Проблемы современной русской диалектологии: тез. докл. междунар. конф. / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М.: Издательский дом «Март-Медиа», 2004.
9. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис / отв. ред. Ф.П. Филин. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
10. Русская диалектология: учебн. для высш. учеб. заведений / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др. / под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
11. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. – М.: Высшая школа, 1972.

Игнатович Татьяна Юрьевна, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическое краеведение Забайкалья» Забайкальского государственного университета, кандидат филологических наук.

Ignatovich Tatiana Jurevna, associate professor, department of Russian language and its teaching methodology, Zabaikalsky State University, candidate of philological sciences.

Тел.: +7-9145258609; e-mail: ignatovich_chita@mail.ru

УДК 81'28

© *Н.Г. Архипова*

Наименования элементов женской одежды в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области

В статье описываются наименования нательной рубахи и сарафана как элементов традиционного комплекса женской одежды конца XIX – середины XX в., рассматриваются системные отношения в названной группе лексики, изучается региональный аспект наименований.

Ключевые слова: старообрядцы, рубаха, сарафан, синонимия, полисемия, вариативность, региональный аспект.

N.G. Arkhipova

Denomination of items of women's apparel in the dialects of Old Believers (Semeiskih) in Amur Region

The article describes the denomination of underwear shirts and sundresses as elements of traditional women's apparel set in late XIX – mid- XX centuries. System relations in stated group of lexicon are considered, regional aspect of denomination is studied.

Keywords: Old Believers, “rubaha” (women’s underwear), “sarafan” (sundress), synonyms, polycemy, variation, regional aspect.

Жизнь староверческих общин на фоне общерусского исторического развития – явление очень сложное. Из амурских старообрядцев наиболее изучены семейские (семейные, сеймские) – этнографическая группа русских староверов-поповцев (по некоторым источникам – беглопоповцев и беспоповцев), переселенных из Польши и прибывших в Амурскую область после почти двухсотлетнего пребывания в Сибири и Забайкалье.

«Известно, что старообрядцы в силу религиозных убеждений, этнической обособленности и преданности старине сохранили много... специфического в своем быту, в своем мировоззрении, в своей культуре» [Болонев, с. 105]. В связи с этим особенно важно изучение духовного наследия старообрядцев как хранителей русской традиционной культуры. Особую значимость подобных исследований определяет и тот факт, что под влиянием современной жизни, включенности старообрядцев в общую жизнь крестьянского социума многие компоненты такой культуры стремительно разрушаются. И задача исследователя – успеть зафиксировать то, «что бытует в их жизни, в их хозяйственном быту, традиционно-бытовых устоях, религиозно-правовых нормах и правилах» [Болонев, с. 106] и, конечно же, в языке и фольклоре. Как отмечает Т.Б. Юмсунова, «староверы лучше, чем другие группы русского крестьянства, сохраняют не только свою веру, обрядность, обычаи, но и язык... Воздействие литературного языка на диалекты старообрядцев не столь велико, как это наблюдается у других русских крестьян. Многие языковые особенности, утраченные другими русскими диалектами, сохраняются в языке старообрядцев. Поэтому исследование диалектов русских старообрядцев имеет большую научную ценность» [Юмсунова, с. 9-10].

Население Амурской области сложилось в результате сложных миграционных движений из разных мест России (Сибири, Забайкалья, южно- и севернорусских губерний), Украины, Беларуси, Польши и др. Это обстоятельство нашло отражение в языке и материальной культуре жителей региона, в частности, сказалось на специфике костюма.

Тематическая группа слов – наименований одежды – представляет значительный интерес в связи с системным изучением диалектной лексики и исследованием соотношения языкового материала с региональными особенностями материальной культуры.

Лексика русских говоров Приамурья включает наименования элементов костюма, характерного для южнорусских, севернорусских территорий. Так, можно говорить, что в Приамурье бытовал общерусский (по происхождению севернорусский) комплекс женской одежды с сарафаном (*круглым, москвичом, дабинником* и др.), длинной рубахой (*станушкой, рукавами*), сложным кичкообразным головным убором (*кичкой*). Зафиксированы наименования женского костюма, типичного для средней полосы и западных районов России: *андарак, клиник, подбор*. Наименования *понёва (понява), кошуля, сорока, запон* встречаются в речи потомков переселенцев из южных губерний России, а также Украины и Беларуси. Вместе с тем, на территории Амурской области зафиксированы локальные комплексы одежды, отличающиеся значительным своеобразием. Так, синтез общерусского и южнорусского типов одежды породил яркий, колоритный, построенный на контрастных сочетаниях цветов костюм старообрядцев (семейских) с сарафаном различных типов (*горбачем, поморником, круглым, московским*), натальной рубахой (*станушкой, становиной, рукавами*), сложным головным убором из нескольких платков, повязанных особым образом, запоном, украшениями из янтаря, разнообразных дутых бус, бисера, янтаря, гаруса, гусиных перьев: *«Это мама, мамини подружки. Были ж! Какие сарафаны носили! С борками. Бористые все, круглые. Станушки беленькие, вышитые. А это всё ленты. Разные ленты. Здесь вот бусы. Янтари. Видишь, сколько бусов. Серьги золотые. И чички. Чички – а так вот: платки красивые заматывают, атласы. С атласа четыре платка. Праздничные только. Еще бисера, кучери накрутют из гумажек, перьев гусиных...»* (Новоандреевка, 2006).

Задача настоящего исследования – описать наименования натальной рубахи и сарафана в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области как элементов традиционного комплекса женской одежды конца XIX – середины XX в.

Наименования одежды в говорах семейских Амурской области ранее не являлись предметом лингвистического описания и практически не представлялись в региональных лексикографических источниках [Словарь русских говоров Приамурья; Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского].

В 2001-2007 гг. были совершены фольклорно-диалектологические экспедиции в некоторые старообрядческие села Архаринского, Свободненского и Белогорского районов Амурской области: Грибовку, Заган, Желтоярово, Новоандреевку, Ключи, Никольское и др. В конце XXI – начале XX в. все они были основаны старообрядцами – переселенцами из Забайкалья. В ходе экспедиций собран значительный диалектный материал, представляющий наименования мужской и женской одежды, украшений, головных уборов и обуви (более 240 лексем), в том числе женских натальных рубаш (более 20 лексем) и сарафана (более 25 лексем).

История наиболее ярких старообрядческих групп Забайкалья изучена достаточно хорошо. Их переселение на Восток происходило в 60-е гг.

XVIII в., когда по указам Екатерины II произошла вторая «раскольничья выгонка» из Ветки (1764 г.) и, по некоторым предположениям, из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую Империю беглых, по отдельным данным, достигало 20–40 тысяч человек, называвших местом своего прежнего жительства Московскую, Новгородскую, Смоленскую, Воронежскую, Нижегородскую, Архангельскую губернии. Одна часть «польских выведенцев» попала в Забайкалье, другая была размещена на Алтае [Погодные ведомости состояния и учета..., с. 12-25]. Как писали «Иркутские епархиальные ведомости», «семейские в Забайкалье – староверы из Дорогобужа и Гомеля, сосланные при Анне Иоанновне и Екатерине в 1767 г. в количестве 40 000 человек» [Иркутские епархиальные ведомости, с. 15].

Одна из таких компактных групп старообрядцев впоследствии переселилась в Амурскую область. «Старообрядцы... сумели лучше других локальных конфессиональных образований приспособиться к местным природно-климатическим условиям и оказать существенное влияние на успешность хозяйственного освоения восточной окраины России» [Аргудяева, с. 3].

Переселение старообрядцев в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской Империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. После установления морского сообщения с Камчаткой торговые сообщения были закрыты. Часть крестьян вернулась на прежнюю территорию проживания, другая осталась на Дальнем Востоке. Старообрядцы селились отдельными деревнями, преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми поселенцами стали семейские, прибывшие из близлежащего Забайкалья, хотя исконным местом жительства старообрядцев, заселявших Амурскую область, являлось не только оно, но и Енисейская, Пермская, Саратовская и Томская губернии [Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области, с. 1-9].

В литературе старообрядчество Амурской области обычно именуется только как «семейщина». Под семейских подводятся разнообразные согласия (как поповского, так и беспоповского толков), существовавшие в Амурской области к моменту завершения освоения старообрядцами дальневосточных территорий. По архивным источникам и воспоминаниям потомков первых старообрядцев, большинство староверов, переселившихся в Амурскую область из Забайкалья, принадлежало к поповскому толку (выходцы из сел Тарбагатай, Куналей, Бичура, Новая Брянь, Никольское, Архангельское, Андреевка и др.). Некоторые информанты называют себя беглопоповцами, так как еще в Забайкалье из-за нехватки собственных священников их прадеды приглашали попов, желающих перейти из никонианской веры в старообрядческую. Полевые исследования свидетельствуют о достаточно пестрой картине в среде амурского старообрядчества. Так, из

Забайкалья и Сибири, помимо семейских, переселялись австрийцы, нырки, средники, самокрестцы, поморцы, песочники, кержаки; из Пермской губернии – единоверцы и беспоповцы; из Саратовской губернии – дырники и темноверы. В настоящее время потомки первых старообрядцев отождествляют себя только с семейскими, не обнаруживая знаний о значительной разнице в религиозной культуре их предков, но противопоставляя себя «никонианцам», что говорит об этноконфессиональной общности амурского старообрядчества. Однако анализ лексики говоров семейских не позволяет рассматривать их материальную культуру как целостное явление, что обнаруживается при анализе лексико-семантических групп поля «Быт», в частности, наименований элементов женской одежды.

Сопоставление наименований одежды в говорах семейских Амурской области с данными говоров европейской России, Сибири и Забайкалья позволяет выявить региональную специфику этой группы лексики и ее место в общем лексическом фонде русских говоров. Ареальное сравнительно-сопоставительное исследование дает возможность изучить внутренние и внешние миграции старообрядческого населения, особенности бытового взаимодействия с представителями других этнических групп, отражение религиозного мировоззрения в некоторых наименованиях одежды и др. Подобный подход связан с рассмотрением процессов языковой интеграции между говорами, сформировавшимися на территориях позднего славянского освоения, а также изучением тенденций культурного взаимодействия различных в этнографическом отношении групп русского населения.

Одежда семейских всегда обрисовывалась как добротная и яркая. Декабрист И.Д. Якушкин оставил воспоминания о старообрядческом забайкальском селе Тарбагатай, где, в частности, описал праздничную одежду семейских: «Жители староверческого этого селения вышли к нам навстречу в праздничных своих нарядах. Мужчины были в синих кафтанах и женщины в шелковых сарафанах и кокошниках, шитых золотом. Это были уже не сибиряки, а похожие на подмосковных и ярославских поселян» (датовано сентябрем 1830 г.) [Якушкин, с. 1613-1614]. «Одежда женщин старинная: сарафан всегда ярких цветов и кичка, повязанная платком в виде чалмы», – так писал о старообрядках И.Г. Прыжов, посетивший семейские села в 70-е гг. XIX в. [Прыжов, с. 351]. Семейские женщины «общительны, щеголеваты и красивы», – вспоминал М.Н. Галкин-Враской в 1882 г. [Галкин-Враской, с. 188].

Семейские рассматривали красоту как соединение духовного и физического здоровья. «Семейская женщина работяща, а потому и нравственна и нисколько не развращена, как сибирячка. Она благородна и горда... Песня и пляска старинные, каких, пожалуй, не сыщешь теперь и на Руси. Она необыкновенно деятельна, оттого и хозяйство у нее идет отлично, косит траву не хуже мужчины. Опираясь на свою женщину, домовитую, энергичную, деятельную и дома, и в поле, и в торговле, семейские производят громадное количество хлеба» [Прыжов, с. 351]. Здоровье женщины ассо-

цировалось с дородной фигурой, полнокровным румяным лицом, что подчеркивалось и костюмом семейских женщин: объемные сборчатые рубахи, «борчатые» сарафаны, запоны, двойные пояса, сложные головные уборы с шашмурой, кичкой и несколькими головными платками, шальями или полущалками, скрепленными под подбородком булавками или сложно обернутыми вокруг головы. Костюм отличался яркостью, красочностью, что обнаруживалось в подборе тканей, обилии украшений, прежде всего у девушек и молодых женщин. Пожилые старообрядки носили более строгие уборы, что свидетельствует о присущем крестьянам чувстве меры и вкуса.

В старообрядческих селах Амурской области традиции старины сохранялись достаточно долго: пожилые жители помнят, что хранилось в сундуках их матерей и бабушек, какую одежду те носили. По воспоминаниям информантов, еще до середины 50-х гг. XX в. основой традиционного комплекса женской одежды у семейских женщин был *сарафан*. Повседневно крестьянки носили *домовники*, *дубасы* (*дубасики*), *поморники*, *горбуны*, сшитые из ситца, реже изо льна. Сарафаны могли именоваться по типу использованной при шитье ткани: *дабинники*, *ситники*, *атласники*. Рубаха обычно шилась составной из двух частей: *рукавов* (*чехлика*) и *стана*. Она подпоясывалась тонким домотканым пояском, поверх сарафана тоже завязывался пояс, но более широкий и яркий. Сверху надевался фартук – *запон*. Старообрядки очень любили украшения, особенно янтарные бусы: *Оне носили сарафаны ранешние, тут с борками. А мы теперь видишь, как... Сарафан еще поморник называли. Такой поморки носили. А еще в Бирме было жили самокрестцы, нырки. А потом всё едино – семейские. Так вот и сарафаны разные: чаще горбуны, еще дубасы были. Их для работы из дабы шили. С атласу атласники редко, чаще как старинные, праздничные* (Заган, 2004); *Сарафан должен длинный быть. Ну, рукава должны сшиты, ну, с рукавами, рукава чтоб длинные были. Рубаха, рубашка так называется. Пояс обязательно. Потом запон. Еще янтари были, ниток шесть-семь сразу одевали...* (Грибовка, 2004).

В Амурской области сохранились единичные села (например, с. Грибовка Архаринского района), где до сих пор в молельню идут в одежде, сшитой по старинным образцам, а в повседневной жизни замужние женщины под платок надевают *шашмуру*, носят нательный пояс и *станушку* с глухим воротом и длинными рукавами, а мужчины одеваются в косоворотки, шаровары, подпоясываются, не стригут бород и носят картузы.

В семейских селах женщины практически не занимались ткачеством. Ткани, используемые для изготовления одежды, в конце XIX – начале XX в. были в основном покупными: *гарнитур* (*гродетур*), *далимба*, *бурс*, *даба*, *камка*, *мелестин* (*молескин*), *камлота*, *канфа*, *канча*, *коленкор*, *нанка*, *шалон*, *репс* (*рипис*): «Сарафаны шили из магазинской ткани. Из гарнитура, бурсы, дабы. Синеи такой» (Новоандреевка, 2006). Одни виды ткани доставлялись из Китая как продукт обмена (*даба*, *канфа*, *канча*), другие вырабатывались на отечественных фабриках (*бурс*, *камка*, *камлота*, *коленкор*):

«Самотканную у нас не ткали. Это у белорусов лен. У нас все дома шили. У нас камфель называется. Камфа. Шелк такой. Ткань. Китайский. Камфель, такой крепкий» (Заган, 2004). Относительная дешевизна китайских тканей и развитие отечественного текстильного производства способствовали раннему переходу к покупным тканям при изготовлении одежды.

Кросны (ткацкий станок) обычно использовались для изготовления грубой ткани из конопли (*дерюги*) для портянок (*онуч*), рабочей одежды, половиков. На кроснах ткали шерстяные *пояса*, которые могли быть *повседневными, именными, крестильными, смертными*: «Были кросна. На них половики, дерюги ткали. Еще можно пояски делать. Я делала крестильный, именной. Уже смертный на смертное приготовила» (Грибовка, 2004).

Было зафиксировано около двадцати наименований женской рубахи, надеваемой под сарафан, а позднее носимой с юбкой: *становина (станушка, становинка, стануха), рукава (рукавки, рукавчики), пропускнушка (пропускнуха, пропускнушечка), полячка, польская (поляцкая) рубашка, польская сорочка, польские рукава, боренная рубаха, кулёма (кулёмка, кулёмочка, кулемуха), приставка (приставина, приставинка)*.

Самыми употребительными в говоре оказались лексемы *станушка* и *рукава*, которые часто выступают как синонимы при обозначении любых рубах, надеваемых под сарафан.

Станушкой (или *рукавами*) именовался древний тип туникообразной рубахи, сшитой обычно из двух половин: верхней части (*рукавов, рукавчиков*), горловина которой обшивалась тонкой, сложенной пополам полоской ткани – *ошейником (шейкой)*. В этом значении *станушка* и *рукава* выступают полными синонимами лексеме *пропускнушка*. Несмотря на название, *пропускнушка* шилась из двух половин: верхней и нижней. Так же *рукава* и *станушка* могут обозначать верхнюю и нижнюю часть рубахи соответственно.

Погребальные женские рубахи обычно именовались *становинами*. Они шились из белой хлопчатобумажной ткани (покупной, но постиранной перед шитьем), состояли из цельного стана и рукавов, могли иметь воротник-*ошейник* или шились *голошейкой* (без воротника). Наименования погребальной рубахи, включенные в контекст обряда, приобретали символическую семантику, которая актуализируется в ситуативных употреблениях слова и является отражением символического значения самого предмета: *Будет время становину надевать* (с. Заган), *Всем становина своя достанется* (с. Ключи), *От домовины да становины не ускачешь* (с. Заган), *Всем становину надевать* (с. Новоандреевка). Отметим, что погребальные рубахи шились из цельного полотна и не имели боковых вставок, что указывает на ранний отказ старообрядцев от домашнего ткачества (изготовленная на кроснах ткань более узкая, чем фабричная).

Рубахи, сшитые из двух половин, у старообрядцев фиксируются повсеместно. Так, например, Т.А. Агафонова отмечает, что у русских липован, проживающих в южной части дельты Дуная, наряду с цельнокроеными рубахами, носили рубахи с поперечным швом, делившим стан на две час-

ти: верхнюю (*чехлик*) и нижнюю (*станушка*) [Агафонова]. Е.И. Яскеляйнен, описывая народный костюм старообрядцев Кемского Поморья, указывает, что у поморок женская рубаха составлялась из двух частей, соединенных поперечным швом чуть выше линии пояса. Нижняя часть рубахи (*стан*) меньше изнашивалась, поэтому с ней могли использовать несколько верхних частей (*рукавов*), заменяя их одну за другой по мере старения [Яскеляйнен, с. 12].

Полячками и *боренными рубахами* именовались поликовые рубахи, которые носили с ляпочными сарафанами. В плечи поликовой рубахи вшивались продолговатые лоскуты (*полики*). Такие рубахи всегда составлялись из верхней части (*рукавов* – с. Заган, Грибовка, Новоандреевка или *чехлика* – с. Заган) и нижней (*стана, станушки*). В этом значении наименование верхней части рубахи (*рукава*) употребляется во всех обследованных старообрядческих селах, а слово *чехлик* зафиксировано только в с. Заган Свободненского района, заселенного в начале XX в. переселенцами из с. Новый Заган Забайкалья.

Кулёмой (*кулёмкой, кулёмочкой, кулемухой*) называлась боренная рубаха с широкими рукавами (*кулями*), сшитыми из двух полотнищ. Такие рукава были короче, чем у *станушек*, имеющих прямые рукава. По вороту и плечам *кулёмы* делалась яркая вышивка обычно красного цвета.

В синонимичном значении употребляются наименования *польская сорочка, польская (поляцкая) рубашка, польские (поляцкие) рукава*. В отличие от других типов женских рубах, эти рубашки имели широкие короткие рукава, едва прикрывавшие локоть или доходившие до середины предплечья. По воспоминаниям информантов, такие рубашки рано вышли из употребления, так как не подходили к суровым условиям Дальневосточного края: *Я только раз видала поляцкие рукава. Едва локоть прикрывали. У нас почти не носили такие поляцкие рубашки. Слепни, комары, да и холодно* (Новоандреевка, 2006).

Еще одним наименованием женской рубахи является *приставка*, шившаяся с *перелинкой* – кокеткой и обязательно состоявшая из двух частей – верхней и нижней. Можно предположить, что название рубаха получила потому, что при носке составных рубах верхнюю, быстрее изнашиваемую часть, можно было менять быстрее, чем нижнюю и к *стану* «приставлять» *рукава*.

Зафиксированные в говорах семейских Амурской области наименования женской рубахи распространены в русских говорах различных типов, но, главным образом, севернорусских (северо-восточных, новгородских, пермских), а также во многих говорах вторичного образования. Так, в Словаре В.И. Даля *становина* имеет помету «пермское», *станушка* – «новгородское». В Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья представлены дефиниции лексем *станушка, станина, стануха* в значениях '1) женская нижняя рубаха с пришивной к ней юбкой'; 2) юбка, пришиваемая к женской нижней рубахе'. В Словаре областного архангельского наречия слово *рукава* употребляется в значении 'женская, вроде обтяжной

кофты одежда'. Словарь русских говоров Приамурья более чем из двадцати, зафиксированных нами лексем – наименований женской рубахи, надеваемой под сарафан, отмечает только три: *становина*, *становинка*, *станушка*.

Эти лексемы известны жителям сел Черняево Магдагачинского района, Албазино Сковородинского района, Поярково Михайловского района. Все села были основаны казаками, переселявшимися в середине XIX в. в Амурскую область из Забайкалья – прежнего места жительства амурских старообрядцев. Возможно, наименования женских рубах с корнем *стан-* появились в говоре семейских под влиянием старожильческих говоров Забайкалья, имеющих севернорусскую основу, или к тому времени данные лексемы уже стали общерусскими. Интересны в этом отношении наблюдения Т. Шарабариной, которая отмечает лексему *становина*, говоря о наименовании элемента фартука-нарукавников у кержачек Восточного Казахстана: «Если фартук предохранял от загрязнения только переднюю часть юбки, то нарукавники берегли все платье целиком. Они состояли из «становины» – собственно передника, к которой пришивалась кокетка с длинными рукавами...» [Шарабарина, с. 23].

Во второй половине XIX – начале XX в. безрукавной одеждой, надеваемой поверх рубах, у старообрядок (*семейских*, *кержачек*, *полячек*) Амурской области были сарафаны: *перемитники*, *дубасы*, *горбачи* (*горбуны*), *атласники*, *шалонники*, *моркашники*, *клиники*, *двоечастники*, *кузовики*, *кумачники*, *шелковники* и др. : «Оне одевались так. Домовник одеют – сарафан такой круглый. Еще потом московский. Разные были. Уже не помню. Как ткань – кумачники бордовые, атласники. Еще с дабы были сарафаны (Заган, 2004). Носили сарафаны с раннего детства до глубокой старости: надевали их и по будням, и в праздники. В старообрядческих селах Амурской области сарафаны довольно широко бытовали вплоть до 30-40-х гг. XX в. Позже для молодых девушек и женщин среднего возраста этот вид одежды уже не шили, но старинные сарафаны (*материны*, *бабушкины*) хранили в сундуках (*ящиках*): «У нас круглые сарафаны были. Потом парочки – юбка и кофта с одной ткани. А старики все в горбачах, дубасах таких ходили. В них хоронили» (Новоандреевка, 2006).

Отмечены разнообразные наименования сарафанов.

Перемитник. По мнению информантов, наименование этого сарафана обозначало способ его кроя – «переметом через голову», т.е. без швов на плечах. В бока вшивали кошеные полотна. Широкие проймы, вырезную горловину обрабатывали рубчиком – узкой полоской ткани, которую пришивали окантовочным швом; разрез на груди застегивали на 3-5 пуговиц. Перемитники окрашивали в черный или коричневый цвет. Таковую, из окрашенного холста, одежду носили в качестве рабочей поверх туникообразных рубах (позднее – рубах на кокетке). Если же перемитник шили из «хороших материалов», то надевали его в церковь. Перемитники, как наиболее старинный тип сарафанов, были зафиксированы у той части населения, ко-

торая относит себя к «коренным, заколдонным кержачкам»: «*Перемитник – это рабочая одежда. Шили перемётом через голову, без швов на плечах. Сейчас такую не носят. Это всё старинная*» (Заган, 2004).

В некоторых семейских селах глухие сарафаны на лямках, как вспоминают старожилы, в старину называли *дубасами* (*дубовыми, дубленниками, дубасятами, бубасиками, дубасинами*). Они служили повседневной рабочей одеждой и изготовлялись первоначально из льна или конопли, а позднее – из грубой покупной ткани. По внешнему виду дубасы были похожи на перемитники, имели разрез-застежку посередине груди. Наименование сарафанов *дубасы* отражает, вероятно, название дубящего вещества – коры дуба или ольхи, которыми окрашивали эти сарафаны, а также способ окрашивания ткани – дубление.

Зафиксированы названия сарафанов *горбачи*, называвшиеся еще *горбунами*. Эти сарафаны по покрою относят к глухим, туникообразным и носят с рубашками-станушками. До настоящего времени у жительниц с. Грибовки Архаринского района сохранились «моленные горбачи», стан у которых сшит из цельного, перегнутого пополам полотна, застроченного на плечах поперечными складками-защипами – по три-пять с каждой стороны. В бока вставлены кошенные полотна, которые вместе со спинкой удлиняются и образуют шлейф – *хвост*. Ворот обшивают ошейником и застегивают на несколько пуговиц: «*В горбачах службу ведут. И хоронят, и на праздник тоже. Сшит он темный, без лент. Раньше дубом красили, дубасили. Клинья вшивали, хвост. Косоклинный*» (Грибовка, 2004).

В первой четверти XX в. горбачи, следуя традиции, носили в основном пожилые женщины, молодые же стремились надевать более новые для семейских сарафаны на лямках (*клинники*) или вообще отказывались от такого типа одежды, отдавая предпочтение юбкам и блузам из одинаковой ткани (*парочкам*). (Парочкой также называли сарафан с рубахой и нарукавниками из одного материала). Однако старообрядческие традиции были еще достаточно сильны: если семейский брал в жены «россейскую», то настаивал на том, чтобы она перешла на их «дедовскую одежду». Так, в с. Новоандреевке рассказывали, что, когда мать – переселенка из Вятской губернии – вышла замуж за кержача из Уксунайской волости, то он демонстративно, у всех на глазах, разрезал лямки ее сарафана со словами: «*У нас такой моды нету*».

Самым распространенным в старые времена, по рассказам жительниц с. Заган Свободненского района, был *косоклинник* – косоклинный сарафан, имеющий шов посередине переднего полотнища, косые клинья и подклинники по бокам, лямки и цельнокроеную спинку. Края подола, лямок и верха сарафана обшивали в тон ткани тонкой тесьмой, лентой или бейкой. Но так как уже в конце XIX в. в Амурской области косоклинники являлись элементом комплекса одежды пожилых женщин, то они не имели богатых и ярких украшений. В начале XX в. повсеместно в семейских селах Амурской области белый или черный косоклинный сарафан без пуговиц и украшений служил элементом смертного комплекса одежды.

Свадебные или праздничные (в том числе *моленные*) сарафаны шили из ситцев, сатинов, китайского шелка и кашемира. Кашемир был настолько тонок, что, как подчеркивают информанты, «без подоплёки из них не сошьешь». По-видимому, подкладку (*подоплеку, оподолье*) подшивали и с целью продлить срок носки: «*Без подоплёки сарафан не сошьешь. Ткань китайская дорогая, так дольше носится*» (Заган, 2004).

Появление сарафанов прямого покрова связывается информантами с приездом российских переселенков, которые и завезли «такие моды»: «*Круглый сарафан – какой же это сарафан! Юбка на лямках!*» (Грибовка, 2004). В некоторых селах, если молодые женщины и носили в это время такие сарафаны в качестве повседневных, то, отправляясь в молельню, все равно передевались в старинные кошение.

Особенности сарафанов различных по зажиточности групп семейских выражались не столько в покрое и типе этого вида одежды, сколько в качестве тканей и употреблении ценных украшений. По типу использованных тканей сарафаны назывались *шелковниками, атласниками, штофниками, гарусниками, кумачниками, ситниками, канифасовиками, сатинниками, агличниками*. По воспоминаниям информантов, девушки из зажиточных семей могли иметь по несколько изделий каждого типа.

Подобно тому, как типы и варианты сарафанов нередко имели особые названия, конкретно обозначались и их детали, обладающие территориальной спецификой. Так, обычно лямки назывались *проймами*. Термин, возможно, сохранился как воспоминание о более закрытом покрое сарафанов. Мысок ткани на спине – *спинка* или *задушка*; верхняя, отрезная часть сарафана, к которой прикреплялись лямки или кокетка – *пере(а)линка, оторочек, талия, ре(а)мень*; вставляемые в сарафан клинья – *ластовки, ластовицы, ласточки, приставки, клинушки*.

Таким образом, семантика языковых единиц со значением ‘женская нагательная рубаха’ и ‘сарафан’ в говорах амурских старообрядцев представляет собой сложное явление, отражающее лингвистические закономерности, свойственные говорам переходного типа в целом, и экстралингвистические факты, связанные с особенностями материальной и духовной культуры семейских. Так, большинство наименований рубахи и сарафана зафиксировано в севернорусских материнских говорах, что, возможно, явилось следствием длительного контакта старообрядцев со старожилым населением Забайкалья, говоры которого сформировались преимущественно на севернорусской основе, и тем, что отдельные группы староверов до пребывания на Ветке и в Стародубье были выходцами из севернорусских губерний России. Наличие широкого синонимического ряда наименований рубах говорит об исконной неоднородности самих старообрядческих говоров Амурской области, сформировавшихся на разной основе, а развитие многозначности у слов свидетельствует о живых процессах, происходящих в говорах семейских.

Литература

1. Агафонова Т.А. Традиционная одежда липован южного Подунавья [Электронный ресурс]. – URL: starover.kiev.ua/history.php?article
2. Аргудяева Ю.В. Старообрядчество на Дальнем Востоке России. – М., 2000.
3. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – М.: ДИК, 2004.
4. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 годах // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – СПб., 1901. № 1.
5. Иркутские епархиальные ведомости. – 1878. – № 38.
6. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900-1902 гг. – Благовещенск, 1903.
7. Прыжов И.Г. Очерки. Статьи. Письма. – М.-Л.: ACADEMIA, 1937.
8. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. – Благовещенск, 1910.
9. Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского / под ред. Л.В. Кирпиковой. – Благовещенск, 2003.
10. Шарабарина Т. Крестьянский костюм – одежда не простая... // Октябрь. – 2002. – №10.
11. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
12. Якушкин И.Д. Из записок декабриста Якушкина // Русский архив. – 1870. – № 1-19.
13. Яскеляйнен Е.И. Народный костюм русских Кемского Поморья XIX в. // Кижский вестник: сб. ст. / под ред. И.В. Мельникова. – Петрозаводск, 2003. № 8.

Архипова Нина Геннадьевна, доцент кафедры русского языка Амурского государственного университета; кандидат филологических наук.

Arkipova Nina Gennadievna, associate professor, department of Russian language, Amur State University, candidate of philological sciences. E-mail: charli71@mail.ru

УДК 81:94(47)

© *С.В. Русанова*

**Доношения XVIII в. сквозь призму
законодательных прескрипций Петра I**

В статье рассматриваются некоторые функционально-семантические и жанрово-стилистические особенности региональных доношений XVIII в. в тесной связи с законодательными актами петровской эпохи, определявшими основные тенденции в систематизации канцелярского делопроизводства.

Ключевые слова: Генеральный регламент, жанр доношения, региональная деловая письменность XVIII в.

S.V. Rusanova

**Donoshenia (reports) of XVIIIth century in the retrospect
of legislative orders of Peter I**

The article describes some functional semantic and stylistic peculiarities of the genre of regional reports (donoshenia) of XVIIIth century in close correlation with legislative acts of Peter I era, which has identified main trends in systematization of secretariat paperwork.

Keywords: General Regulation, a genre of donoshenia (reports), regional business writing of XVIIIth century.

Как известно, реформа государственного управления в первой четверти XVIII в. была обусловлена тем, что формы и методы деятельности органов прежней приказной системы не отвечали условиям экономического и общественно-политического развития страны начала века. Именно этим объясняется создание системы новых учреждений (Сената, Синода, коллегий и местных канцелярий) и нового административно-управленческого аппарата (коллегиального делопроизводства), ориентированного на европейскую модель государственной деятельности.

Среди многообразия аспектов петровских преобразований немаловажным представляется установка на четкое разграничение государственных и частных интересов и, соответственно, деление всех дел, поступающих в делопроизводство, на государственные и частные с закономерной приоритетностью первых, что юридически закрепляется в ряде законодательных актов, и прежде всего в Генеральном регламенте, представляющем основной свод законов, утвержденный Петром I в 1720 г. [Генеральный Регламент].

Данная оппозиция красной нитью проходит через все главы Генерального регламента, определяющего структуру нового государственного управления и состав аппарата, устанавливающего принципы организации и деятельности органов власти, управления, суда, основные права и обязанности граждан. Так, в главе «О исполнении указов», при общем требовании производить все дела без проволочек, дела, имеющие общегосударственное значение, противопоставляются «челобитчиковым всяким делам», возбуждаемым частными лицами, по ряду пунктов, в частности, по времени и порядку исполнения дела, мере наказания за его несвоевременное решение.

«Государственные дела» нельзя «производить в дело без письменного указа», «как возможно оныя скорее исполнить». На исполнение дается неделя, продление производства дела до полутора месяцев возможно лишь в случае необходимости сбора справок из губерний и провинций; «а больше того, а именно: *шти недель отнюдь не продолжать* (здесь и далее курсив в цитируемых текстах наш. – С.Р.), и по получении тех выправок, те дела *вершить* потому ж *в неделю*, под наказанием смертным, или ссылкой на галеры, и лишением всего имения по силе дела и вины» [Генеральный Регламент, с. 76].

«Челобитчиковы всякие дела» следует *вершить* «по реэстру, без всякаго мотчания (промедления. – С.Р.) как возможно, *а далее шти месяцев*, как о том Именным Его Величества указом повелено Декабря 8 дня 1714 года, отнюдь *не продолжать* под наказанием. Ежели далее сего положеннаго срока, кто без законной причины волочить станет, то наказан будет за каждый день по 30 рублей, ежели убытки от того кому не учинилось; а ежели убыток учинился, то оной в двое доправить в первой и в другой раз, а в третий, яко преслушатель указа, наказан быть имеет» [Генеральный Регламент, с. 76].

Та же оппозиция лежит в основе главы V «О докладах в Коллегии», в которой определяется порядок представления дел секретарем и рассмотре-

ния их членами коллегии: «об тех наперед доносить надлежит, которые нужнее», к «челобитчиковым делам» приступать немедленно, но только «окончав Государевы», и докладывать о них по реестру в соответствии с временем подачи прошения [Генеральный Регламент, с. 76-77].

Выстраиваемая антиномия находит отражение в жанровой дифференциации канцелярской документации, основы которой закладываются в этот период. Как показывает исследование законодательных актов Петра I, в кругу юридически закрепленных жанров деловой письменности первой четверти XVIII в. центральное место занимают *доношения* и *челобитные* как базовые, отражающие основную тенденцию в систематизации делопроизводства, в упорядочении потока документов в центральные и местные органы власти от нижестоящих учреждений и частных лиц.

Немалый интерес представляет употребление в петровских документах термина *доношение*. Анализ текста Генерального регламента свидетельствует о семантическом синкретизме данного термина, что позволяет ему функционировать как в родовом, так и в видовом значении.

Функционально-смысловыми и словообразовательными отношениями *доношение* связано с терминами *доносить* и *доноситель*. Обращает на себя внимание синтагматика данных словоупотреблений. Так, термин *доношение* обычно коррелирует с такими терминами, как *письмо* и *челобитная*, *доноситель* – с *челобитчиком*, *доносить* – с *просить*.

В упоминаемой выше главе V «О докладах в Коллегии» указывается, например, что должность секретарского чина состоит среди прочего в том, чтобы «на всех приходящих *письмах* и *доношениях* номера подписывать, и на них числа, когда поданы, приписывать. Далее отмечается, что похожая процедура оформления и представления должна осуществляться и при поступлении в коллегию «челобитчиковых дел» [Генеральный Регламент, с. 76]. В главе XIV «О коллежских корреспонденциях» акцентируется внимание на доношениях к Царскому Величеству и в Сенат как на основной коллежской корреспонденции и излагаются основные требования к их составлению [Генеральный Регламент, с. 82]. Процедуре подания доношений в коллегии посвящена глава XIX «О подании доносителям доношений президентам и прочим членам в Коллегиях с свидетельством» [Генеральный Регламент, с. 84]. «Всяк требующий управы в Коллегии» должен подавать доношение президенту только в коллегии в присутствии других членов, чтобы президент поданное доношение не утаил. В главе XXII «О допущении челобитчиков в Коллегии» все челобитчики делятся на собственно *челобитчиков* и *доносителей*, которые, будучи допущенными в коллегию, в соответствии со своим статусом либо *просят*, либо *доносят*, при этом в протокол записываются только те требования, которые членами коллегии оценены как состоятельные и важные [Генеральный Регламент, с. 86].

Таким образом, в тексте Генерального регламента актуализируются два значения *доношения*: ‘отчет, сообщение отчетного характера’ и ‘прошение, связанное со служебными обстоятельствами’, – имеющие общую сему ‘со-

общение нижестоящего лица, связанное со служебной деятельностью'. Им противопоставлено значение *челобитной* 'прошение частного лица'. Соответственно, *доноситель* и *челобитчик* противопоставляются как податели служебного и частного прошения.

Кроме того, в Генеральном регламенте и других правовых актах у *доношения* и *доносить* эксплицируются также более общие значения 'сообщение, доклад' и 'сообщить, доложить', уходящие корнями к значению древнерусского глагола *доносити / доношати* [Словарь древнерусского языка, с. 54; Срезневский, с. 704.]. Так, секретарь коллегии, за которым закрепляется функция информировать членов коллегии о поступивших на рассмотрение делах, обязан «без всякаго подлога, или пристрастия, по номерам и числам *доносить*»; причем «об тех наперед *доносить* надлежит, которыя нужнее» [Генеральный Регламент, с. 76]. По рассмотрению дела секретарь «припоминает, что к тому потребное, и попечение имеет, дабы дела равным порядком, как *доношение* учинено, отправлены были» [Генеральный Регламент, с. 88-89].

Особого внимания в связи с разграничением служебной и частной сфер жизнедеятельности общества заслуживает именной указ «О форме суда», утвержденный 5 ноября 1723 г., в котором *доношение* и *челобитная* закрепляются как основные формы исковых заявлений [О форме суда, с. 632]. Данная дифференциация является важным шагом в формировании судебно-правовой системы и ее терминологического аппарата. В «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» (1716 г.), предшествующем указу «О форме суда», еще нет подобной дифференциации, здесь используются только термины *челобитная* и *челобитчик*, хотя границы действия закона изначально определяются военным судопроизводством и процессом в военных судах, о чем свидетельствует его включение в Воинский Устав [Устав Воинский].

Все вышесказанное актуально, так как обладает информационным потенциалом: позволяет уточнить картину раннего этапа формирования новой документной системы и понять некоторые особенности дальнейшей ее функциональной и жанрово-стилистической эволюции, степень региональной специфики в связи с территориальным расширением канцелярского делопроизводства.

Исследователи региональной деловой письменности XVIII в. отмечают неоднозначный характер функциональной направленности этого вида документа. Так, О.В. Трофимова, анализируя тюменскую деловую письменность второй половины XVIII в., выделяет несколько видов доношений. Критерием классификации выступают перформативные глаголы, в большинстве жанров соотносительные с самоназваниями документов: *доношения* от присутственных мест, которыми сопровождалась другие пересыльные документы, примыкающие к ним по своим формальным показателям *покорные* и *покорнейшие доношения* (в начальной и заключительной текстовых частях данных документов выступают глаголы *посылается*, *пред-*

ставляется, приобщается, прилагаю, доношу и прошу) и доношения-челобитные, сближающиеся с челобитными наличием в формулярной части показателей *бью челом* и *прошу* [Трофимова, с. 198]. Аналогичная картина представлена в доношениях тобольского архива, в частности, в изданных документах из фонда Знаменского монастыря [Тобольская старина, с. 40-54]. А.П. Майоров, исследующий материалы забайкальской деловой письменности, делает вывод о том, что в первой половине XVIII в. доношения выступали в двух функциях: как отчетно-исполнительные и просительные документы, а во второй половине столетия они применяются исключительно в функции просительного документа [Майоров, с. 41-43]. Н.В. Глухих, опираясь на южно-уральские памятники конца столетия, заключает, что основное содержание доношений и по объёму, и по значимости составляют информативные высказывания отчетного характера, просьбы излагаются всегда после сообщения и в качестве сопутствующего (пусть и очень нужного для адресанта) компонента блока. Это позволяет учёной отнести доношения к эпистолярным жанрам [Глухих, с. 12-13].

Как видим, доношение в региональном делопроизводстве XVIII в., с одной стороны, используется как просительный документ, инициирующий судебное или административное расследование и решение дела, с другой – функционирует как документ отчетно-исполнительного характера.

В забайкальской деловой письменности к середине века доношения отчетно-исполнительного характера выходят из употребления, чему, по всей видимости, способствовало широкое распространение с 30-х гг. в аналогичной функции рапортов [Майоров, с. 43]. Выступая в качестве просительного документа, доношение включается в общую систему просительных жанров, подвергаясь при этом функционально-стилистической трансформации.

Как свидетельствуют архивные материалы, формирование формуляра доношения и челобитной как просительных документов канцелярского делопроизводства происходит параллельно в первой половине столетия, что находит отражение в изоморфизме структур данных документов. В соответствии с указом «О форме суда» 1723 г. и доношения, и челобитные приобретают четко структурированную казусную часть, которая предваряется формулой введения изложения обстоятельств дела *а о чем тому следуют пункты*. Отличия наблюдаются на уровне адресата и языковой репрезентации отдельных формул. В частности, доношение и челобитная подавались в соответствующие инстанции, но если челобитная подавалась на имя императора, то доношение адресовалось непосредственно в тот или иной местный орган. Кроме того, в доношении не *били челом*, а *доносили*, как того требовал Генеральный регламент. Утвержденная указом «О форме суда» в качестве единой для обоих видов документов формула просьбы *Прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить* в доношениях очень рано трансформируется в формулу *Прошу Его императорского величества о сем моем доношении решение учинить*. Соответствующая форму-

ла челобитных преобразуется в конструкцию с обращением *Всемилюстивейший государь (Всемилюстивейшая государыня), прошу Вашего императорского величества о сем моем челобитье (прошении) решение учинить* (подробнее о формуляре местных челобитных XVIII в. см.: [Тобольская старина; Устав воинский]).

Сходство между указанными видами просительных документов обнаруживается и в содержательном плане: оба документа характеризуются достаточно широким кругом причин, лежащих в основе их написания, среди которых значительное место занимает финансовая.

Приведем для сравнения тексты доношения и челобитной, написанных в конце 20-х гг. XVIII в. (цифры в скобках обозначают смену почерка).

Доношение	Челобитная
<p style="text-align: right;"><i>30 января 1729 г.</i></p> <p>(1) Его императорского величества в Селенгинскѣю ратушѣ Доношение Доносить Селенгинской ратушы по^лячей Дмитрей Хай дѣковъ а о чемъ томѣ явствуютъ нижеписанные пун^кты </p> <p style="text-align: center;">..1..</p> <p>В нѣшнѣ^м 729 го^лу генваря 26 дня присланъ Его император^ского величества ѡка^з и^з Иркутской ратѣшы велено доправить в Селенгинской ратѣше с обрѣтающа^хся во оной ратѣше по^лячихъ которые есть нѣтъ во оной ратѣше или Селенгинского ост<ро> (ветхий край листа) гѣ на старостѣ с посацкими людьми всего десять рѣблевъ за неостояте^нство в сочиненіи вѣдомосте^н для о^тдачи Иркутской ратѣшы по^лячемѣ Иванѣ Булатовѣ за пи^сменную работѣ в сочиненіи помя нуты^х вѣдомостей о^бстояте^нно</p> <p style="text-align: center;">..2..</p> <p>А вышепомянуты вѣдомости в Селенгинской ратѣше сочиня^н обрѣтающейся в Селенгинской ратѣше ста^ншей по^лячей Маѡимъ Ѡдин^цовъ понеже онъ прави^н в розыс^кно^мі в розрядномъ повыгяхъ и по^лписыва^нся а я при не^м обрѣта^нся молодымъ а нѣтъ помянутой Одинцо^в обретаецца на Кяхтѣ в тамо^шнѣ по^лячимъ того ради прошѣ что ѡказо^м Его император^ского величества повелѣно было в Селенгинской ратѣше о не правеже с меня</p>	<p style="text-align: right;"><i>1 апреля 1727 г.</i></p> <p>(1) Всепресветлѣшая державнѣшая великая г^дрня імператрица Екатерина Алексѣевна самодержица всеро^сійская В Селенгинскую ратушѣ Бѣть чело^м И^ркуцко^в посацко^в члѣвкѣ Алексѣи Бе^рѣкихъ на промышленного члѣвка Григорья Машихина а ѡ чемъ мнѣ челобитье томѣ слѣдѣють пѣнкты</p> <p style="text-align: center;">1</p> <p>В прошло^м 726 го^лу апрѣля в первы^х чи^слѣхъ по о^бщемѣ догово^ру о^тда^н я вно^му Машихину по^л наемъ двѣхъ свои^х лошадеи с телегами в по^лводы по^л гра^вское сياته^н ство вести о^т Ѡдинска до Селенгинска ежели Его сия те^нство прибѣдетъ іѣ Иркутца чере^з Ба^ка^н море по ^лдѣ а на^мѣ ряди^н я ѡ него Машихина по ^лва рѣбли с лошади а бѣде Его сياته^нство іѣ Иркутца за Ба^ка^н море по ^лдѣ не прибѣдетъ то велѣ^н я емѣ оны^х лошадеи привестъ в Селенгинскѣ про^стыхъ (2) к ти^н пу^нкта^м</p> <p style="text-align: center;">2</p> <p>(1) А по^ллѣ оного договорѣ^нначенно^в Машихи^н дер^жа^н ѡ себя помянуты^х мои^х лошадеи мая съ 1 а^вг^ста до первого числа а в то^м де^ржани^н самово^лствомъ свои^м вози^н на мои^х лошедѣ^н Ѡдинска до Кѣ^тѣнѣ земского камисара Ѡедора Бѣитона томѣ свидѣ^н тели Селенгинские слѣжилые люди Миха^ло Араповъ Ананасеи Бѣшко^в (2) вместо</p>

<p>показанного штраѳ мѣтливо Его императорского величества ѸкаѸчинить дабы мнѣ о^т напра^ного правежѸ оногo штраѳ вконецъ не разорит- ца ПрошѸ Его императорского величества о семѸ доношенїи рѣшение учинить генварѸ дня 1729 го^ю (2) К семѸ доно- шению Дмитре^у Ха^вдѸковѸ рѸкѸ прило- жи^л НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 13 – 13 об.</p>	<p style="text-align: center;">3</p> <p>(1) Да вно же Машихи^н в помянѸто^м дер- жаниї мои^х лошадеи вози на о^лно^у с рѣ^ки Оро^нгоя до Ба^ккала моря в по^лвода^х коляскѸ блѣгор^нного г^сдина агента Лоре^нцѸ Ланга то^{му} свидѣ^л помян^уто^у Арапо^в ї вышеписа^нны^м держание^мї самово^лными ѣ^здами вначенно^у Машихи^н помян^уты^х мои^х лошадеи ї^змѣчи^л а мнѣ о^тда^л в Селе- гинску авгѸста вы шеписа^нного чи^сла при казенно^м работнике Иванѣ Кре^нневѣ кото- ро^у вѣдаетъ ї^в догово^рной ряде мое^у со оны^м Машихины^м а нѣѣ оно^у МашихинѸ по вышеписанно^у ряде денегѸ мнѣ не о^тда- еть не вѣдомо заче^м (2) о^тветчика Григорья Маши хина по егѸ велению са^дать ТобѸлского по^лку первѸ роты Степа^н ЩегѸри^н руку приложилъ (1) Всемлѣтивѣ^лшая г^сдрия імператрица прошѸ Вашего Императорского величе- ства вышеписа^нного Машихина в Селе- гинскую ратѸшѸ сыскать ї о доправке по ря де на^ллежащи^х денегѸ мѣ^твое рѣшение Ѹчинить челобитнѸю писа^л велѣ^ние^м Алеѣѣя Бе^зрѸки^х Селенги^нско^у ратѸшы по^лячи МаѣимѸ Оди^нцо^в на про^сто^у бѸмаги понеже в Селе^н гинску ге^рбово^у ї по^лпис^нно^у бѸмаги в продаже не їмѣет^ся (3) к се^у челобит^ной вмѣсто Алеѣѣя Бѣз^рѸкова прошение^м ево Дми тре^у Ха^вдѸковѸ рѸкѸ приложилъ НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 6, л. 1 – 2</p>
---	--

В то же время структура функционирующих в этот период доношений отчетно-исполнительного характера отличается от доношений-прошений. В них отсутствует формула введения изложения обстоятельств дела, текст документа не подразделяется на пункты, отличается оформление конечной части документа. Вместо традиционной для просительных документов формулы рукоприкладства в качестве формы подтверждения вышеизложенной в документе информации выступает собственноручное указание на должность, фамилию и имя лица, удостоверяющего эту информацию. Ср. фрагменты начальной и конечных частей доношений-отчетов из региональных архивных фондов:

Генера^лного пограничного правления в ка^нцелярию | доношение | Сего 1730 го^ю го^{ду} июня 24 го^ю дня **вбръѣ**таецца у насъ | по^л **в**ѣдениемъ в Троїцко^у крепостце ко^нѸискова^нной | мяхко^у рѸхляди <...> и того ради симѸ доношениемъ Генера^лного пограни | чного правления в ка^нцелярию j пре^лявляю *capiten* | *Trens* [ПЗДП, 67, л. 405, 1730]; В^у Нерчинскую ввевовцкѸю ка^нце-

лярию из' Цѣруха | итуевско' тамо^жни | доношение | Сего 1743 го^{ду} генваря д'ня по ука^{зу} Ея Императорского | Величества из' Нерчинско' воеводско канцеляри' **в**пре | делень я нижеименованныи в Цѣруха' итуе^вскую тамо | жню камисаро^м <...>ками | *са^р А. ѿнасеи Еписа^пцовъ* [ПЗДП, 68, л. 64 об., 1743]; В Селенгинскої Тр^оцкої мн^стрь всесчестномъ **в**ѣдѣ | иермонахъ Лавре^нтию нам^ст^вникъ^и строителю иеромо | нахъ Тихоно | доношение | Сего **а**вгуст^а гвдѣ ма^рта двадесѣ^т ше^стаго дня по силѣ^х при | сланного Ея императорского велич^ства и^з Иркутскої правинцыално' | канцеляриѣ ис Тр^оцкого Селе^нгинского мн^ст^ря **в**ка^з велено Хилоцко' | во^тчины намъ посе^лнымъ управителемъ при то' во^тчинѣ^х в вѣ^до^м | ствѣ^х нашемъ ко^нної табѣ^н **в**свидѣ^тствовать <...> **в** семь доносить Хилоцкого посе^ля посе^лшикъ мона^х | Ивна да белець Спиридонъ Мохс^тевыхъ [НАРБ, ф. 262, оп. 1, д. 13, л. 2, 1737]. Последний документ интересен тем, что конечная часть в нем, оформленная в соответствии с формуляром данной разновидности доношения, дублируется традиционной для просительных документов формулой рукоприкладства, что обусловлено безграмотностью одного из адресантов: к семъ доно | шению **в**мѣ^{ст}в поселщика Спиридона Мос^тевыхъ ег^о прошениемъ | хилоцкой бывшей б^лцкой дьячекъ Прокопей Немчиновъ рѣ^ку приложи^л.

Возвращаясь к разговору о содержательной части региональных доношений просительного характера первой половины XVIII в., следует отметить, что ситуации, мотивирующие написание подобных документов, отличаются вариативностью: они могут быть связаны не только со служебной деятельностью, но и с частной жизнью просителя, причем количество последних к середине XVIII в. увеличивается.

Начинает меняться и структура местных доношений-прошений: они сближаются с доношениями отчетного характера. Сохраняя обязательную для просительных жанров формулу рукоприкладства, данные документы утрачивают членение мотивировочной части на пункты. Видоизменяются некоторые содержательные аспекты доношения, в частности, усиливается мотивировочная часть прошения за счет актуализации отношений между адресантом и адресатом.

Как известно, адресантами отчетно-исполнительных доношений являются нижестоящие, подчиненные служащие, адресатами – вышестоящие должностные лица. Изученные документы позволяют заметить, что подаватель доношения просительного характера также акцентирует внимание на том, что он является частью государственной системы: законопослушным гражданином, прилежным налогоплательщиком, добросовестным служащим. Проситель не просто частное лицо, обращающееся в высшие инстанции с сугубо личными проблемами: вышестоящие должностные лица должны быть заинтересованы, как представители государственной и местной власти, в положительном решении возникшей у него проблемы, в защите его прав.

Таким образом, название *доношение* становится своеобразным маркером в потоке просительных документов, ориентирующим адресата на первостепенное решение вопросов, изложенных просителем. Значимой в данном случае оказывается мотивация, предваряющая просьбу. Так, в доношении пашенного крестьянина Фёдора Шалаева в земскую избу Селенгинского дистрикта с просьбой «исследовать» действия промышленных людей Афанасия Молокова, Ивана Витушкина, Степана Леонтьева, разрушивших сооружённый им «черезовой езь для промыслу рыбь на пропитание своего дому», и «учинить решение», под первым пунктом следует сообщение: С прошлых лет имеюсь я по Селенгинску в пригороде в крестьянскомъ тягле и плачу в казну Ея Императорского Величества отсыпной оброчный правиаптъ» [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, л. 221, 1730]. В доношении разночинца Карпа Зубакина в Удинскую комендантскую канцелярию с просьбой о разрешении найма у тарбагатайских крестьян 9 лошадей для «подводной гоньбы» сообщается: Понеже с начала ннешняго „773,, года нахожѸсь пажмено | ваннии по онои коменданскои канцеляриі в по^дводной во все места | гонбе по наимѸ Ильинского и Кабанского остроговъ ра^ночинцовъ | в пяти почтовы^х лошадахъ кои и о^тправляю без наималеишеи оста | новки или Ѹпущения времени [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 120, л. 208, 1773]. Мещанин Алексей Смирных, подавая доношение в Верхнеудинские городнические дела с просьбой вернуть ему сенные покосы на Конном острове, которыми незаконно завладел кабанский купец Никифор Округин, сообщает, что тридцать одна с половиной десятина числится за ним в оброке и что он взял их во владение по нынешней переоброчке «впре^д ис платежа в казну о^брока с прибавление^м противъ преж^няго» [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 520, л. 1-1 об., 1788].

Как видим, развитие и функционирование доношений в региональном делопроизводстве XVIII в. происходит в рамках изначально заданной законодательством парадигмы и отражает тот внутренний потенциал, который заложен в основных законодательных актах, ориентированных на новую систему государственного управления и делопроизводства. Отсутствие жанровой «чистоты», функциональная полисемия доношения обусловлены изначально понятийным синкретизмом термина, за которым обнаруживается сложная жанрово-прагматическая структура, связанная с такими коммуникативными задачами, как уведомление, отчет и просьба. На протяжении столетия отмечается закономерная тенденция к разрушению терминологического синкретизма, к обособлению двух разновидностей доношения – отчетного и просительного характера. В региональном делопроизводстве второй половины XVIII в. документы под названием *доношение* представлены следующим образом. В активную зону документооборота могут входить оба вида доношений, причем доношение-отчет обычно трансформируется в сопроводительно-уведомительный документ при высылке в высшие инстанции отчетных ведомостей, табелях, реестрах и т.п.; может актуализироваться только доношение-отчет, допускающее в качестве сопутствующего основному сообщению компонента просьбу;

может, как в Забайкалье, сохраняться только доношение-прошение. При этом параллельно с перемещением в периферийную зону документооборота доношения-отчета происходит функционально-семантическая модификация доношений просительного характера. В них актуализируется аспект, нетипичный для других просительных документов – «служебная» маркированность излагаемой просьбы.

Литература

1. Генеральный Регламент или Устав, по которому Государственныя Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних, но и во отправлении своего чина, подданейше поступать имеют // Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры 1961. Вып. 8.
2. Глухих Н. В. Деловой эпистолярный текст конца XVIII – XIX в. в аспекте русской исторической стилистики (по скорописным архивным материалам Южного Урала): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Челябинск, 2008. 48 с.
3. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2006.
4. О форме суда // Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. Вып. 8. – С. 632-641.
5. Русанова С.В. Челобитная в кругу региональных просительных документов XVIII в. // История регионального текста: жанр – стиль – язык: монография / отв. ред. Т.П. Рогожникова. – Омск: Вариант-Омск, 2012.
6. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 3. – М.: Русский язык, 1990.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. – СПб., 1893.
8. Тобольская старина: Материалы делопроизводства г. Тобольска второй половины XVIII века / сост. М.С. Выхрыстюк: в 2 ч. – Челябинск, 2004.
9. Трофимова О. В. Деловая письменность в контексте истории языка и государства // Проблемы лингвистического краеведения. – Пермь, 2002.
10. Устав Воинский. Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб // Памятники русского права / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. Вып. 8. – С. 579-631.

Сокращения

- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.
ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П. Майорова; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. – Улан-Удэ, 2005.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русанова Светлана Владимировна, доцент кафедры общего и исторического языкознания, кандидат филологических наук

Rusanova Svetlana Vladimirovna, associate professor of, department of general and historical linguistics, Buryat State University, candidate of philological sciences.

E-mail: rusanowa_7@mail.ru

УДК 81`367.6(044.4)(571.54)

© *Ю.В. Биктимирова*

**Особенности употребления числительных
в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья
конца XVII – первой половины XVIII в.***

Статья посвящена особенностям употребления числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. Специфика имени числительного в памятниках объясняется длительным сосуществованием архаичных, переходных и новых форм, что явилось следствием удаленности приказного и воеводского делопроизводства за Байкалом от центральных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска.

Ключевые слова: памятники регионального делопроизводства, имя числительное, вариативность.

Ju. V. Biktimirova

**Numerals usage features in the business writing texts
of the East Transbaikal region in the end of XVII – first half of XVIII centuries**

Article is devoted to features of usage of numerals in business writing texts of the East Transbaikal region in the end of XVII – first half of XVIII centuries. Peculiarity of numerals in texts of East Transbaikal region is accounted for long coexistence of archaic, transitive and new forms which was a consequence of remoteness of mandative and provincial clerical duties beyond the Baikal Lake from the central establishments of Moscow, St.-Petersburg and Tobolsk.

Keywords: texts of regional paperwork, a numeral, variability

В последнее десятилетие с возрождением интереса к лингвистическому краеведению возникла новая волна лингвокраеведческих исследований морфологической системы русского языка XVII–XVIII вв., которая задала импульс к изучению имени числительного по материалам памятников регионального делопроизводства [Жолобов; Копосов; Агапова; Галинская]. Ученых интересует употребление форм числительных «в рукописях одного периода, происходящих из одного региона, чтобы выяснить, как могла выглядеть подсистема числительных в определенный момент времени [Галинская, с. 186].

Для такого рода исследований морфологических особенностей числительных как нельзя лучше подходят скорописные тексты делопроизводства Нерчинского воеводства конца XVII – первой половины XVIII в. Синхрон-

* Работа выполнена в рамках государственного задания вузу Министерства образования и науки РФ, № 6.3620.2011. Тема проекта: Исследование региональной разновидности русского национального языка на территории Восточного Забайкалья в синхронном и диахронном аспектах.

ный срез функционирования числительных позволяет сделать строгая локализация корпуса памятников: время существования Нерчинского воеводства и Нерчинской воеводской канцелярии 1655–1764 гг., а также пространство – государственные учреждения острогов, городов и поселений Восточного Забайкалья. Большое количество сохранившихся источников разных жанров, хранящихся в разных архивах России – Российский государственный архив древних актов (РГАДА), архив Санкт-Петербургского отделения института истории РАН (СПбОИИ), Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), дает возможность исследовать употребление форм числительных в полной мере.

Имя числительное в языке деловых документов Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. интересно тем, что именно в эту эпоху исторических изменений в России, повлекших изменение уклада жизни русского народа и его менталитета, происходит становление этой части речи и переоформление падежных парадигм, что отражается в наличии вариантных форм, сохранности старых славянских форм и появлении форм живой разговорной речи.

Одним из рудиментов старославянского языка в документах Нерчинской канцелярии и канцеляриях острогов Восточного Забайкалья рассматриваемого периода является так называемая «буквенная цифирь». Подобные цифровые употребления в буквенном виде повсеместно используются нерчинскими писцами и употребляются до середины XVIII в. при обозначении как количества предметов, так и порядка предметов при счете: «...ту пусты^нку построили и прибрали в т^ѣ пусты^нку •Ѡ• брато^в...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8. 1681 – 1683 гг.]; «...Взято ясаку •ЛГ• соболи цена •Е• рѣбле^в •Л• а^тнѣ споловиною•Е• кѣницѣ•ЛВ• а^тна •Д• лисиц <...>•В• де ро^зсомака...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 1. 1700 г.]; «...всѣ^х на^с деся^т члвкъ поручили^с есми в Не^рчи^нско^м остроге по казна^че^у сне по Ле^пке Лео^нтьеве сѣне Заворохине в том нѣшнѣ^г •РОИ•^г го^ду ма^рта зѣ •КЗ•^г числа...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14. 1670 г.]; «...а по^счету у нево •Ѡ•илипа в Ба^ргузи^нско^м остроге за ра^сходо^м у •РПД• го^ду во РПЕ•м го^ду остало^с хлѣбны^х запасо^в сто два^тца^т оди^н пу^лдеся^т гривено^к да аманачко^г запасу три^тца^т гривено^к муки ржено^н...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 9. Л. 2. 1676 г.].

К середине XVIII в. в документах делопроизводства Восточного Забайкалья старославянские буквы-цифры были постепенно вытеснены арабскими цифрами. В целом исчезновение букв-цифр и долгое привыкание к арабским цифрам послужило катализатором к развитию имени числительного – к ускорению его формирования как части речи, выработке норм правописания. Наглядно этот процесс проявился в языке торговых документов Нерчинской деловой письменности при перечислении товара: «...Пять •Ѡ•у^нто^в антимонии одина^тцать скипидару три •Ѡ•унта калафонии...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 7. Л. 165. 1710 г.]; «...Шесть крюко^в преди^нны^х пя^т багров три ве^рлюга...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 8. Л. 166 об. 1709 г.]; «...ясашной ка^зны: шесть бабровъ на семна^тцать рубле^в оди^н бабрь с ясашных иноверцов

...» [ГАЗК. Ф. 10. д. 21. Л. 105 об. 1732 г.].

В этот же период памятники Восточного Забайкалья свидетельствуют о сформированности разрядов числительных, среди которых – количественные, порядковые, собирательные, дробные.

Количественными числительными писцы активно оперировали при составлении торговых или отчетных документов («Перепись», «Досмотр», «Перечная книга», «Кабальная грамота» и другие), перечисляя количество предметов. В первой половине XVII в. в парадигмах числительных в ряде падежей встречается несколько вариативных форм (от *двух* до *шести*), что отражает процесс вытеснения старой формы новой:

Числительное *одинъ* (*единъ*) – *одна* – *одно* не вызывает у забайкальских писцов затруднения с определением рода: «...у верхнихъ зубовъ вверхъ в середине одинъ зубъ невеликъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 32. Л. 147. 1740 г.]; «...Оди^н бабръ цена шесть ру^блевъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 8. Л. 57 об. 1706 г.]; «...одно огниво <...> одна чет **Ф**унта свинц^Ѹ...» [Христосенко, 1994, с. 34]. Форма *единъ* встречается в исследуемых памятниках в нескольких случаях, что подтверждает активность формы *одинъ* и свидетельствует о господстве в деловом языке этой формы [Фоменко, с. 12]; «...а писаны мы порутчики в сем записе за един члвкъ голова в голову...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 2. Л. 14. 1670 г.].

В склонении числительного *два* (*две*) в исследуемых памятниках наблюдаются формы, не отличающиеся от системы форм современного русского литературного языка: «...в вихреце двѣ раны...» [Христосенко, с. 24]; «...Выняла два креста сере^бренные <...> да два кокошника...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 98. Л. 31. 1701 г.]; «...на каждые на^{вѣ} д^Ѹши по одном^Ѹ брев^Ѹ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 22. 1752 г.]; «...итого два р^Ѹбли...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 215. 1753 г.]. Встречаются и переходные формы, свидетельствующие о модификации системы числительного *два* (*две*) от старого состояния к новому. В этом плане интересен вариант, встретившийся в одном из документов Нерчинской деловой письменности, датированный 1702 г.: «...двѣ треножи^мка...» [Материалы..., с. 37]. Данный пример свидетельствует об архаическом явлении – употреблении существительных среднего рода с формой *двѣ* в винительном падеже. Эта форма совпадает с формой женского рода: *две пугвицы* – *двѣ треножи^мка*.

В древнерусском языке числительное *два* (*две*), благодаря своему значению, принадлежало только к двойственному числу и употреблялось с парными предметами. С утратой двойственного числа оно стало употребляться со словами в форме множественного числа, противопоставляя тем самым множественность и единичность объекта. Этот процесс получил свое отражение в памятниках Нерчинской деловой письменности, например: «...на два годы...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 4. Л. 635. 1705 г.]. Слово *годы* выступает в форме множественного числа. То же встречаем в следующем примере: «...двои стремяны...» [Памятники..., с. 145]; «...два аршины сукна...» [Христосенко, с. 34]. Это подтверждает мысль известного лингвиста В.В.

Колесова о том, что утрата значения двойственного числа отразилась, прежде всего, в употреблении числительного *два* с именами во множественном числе [Колесов, с. 348].

Встречается в памятниках делопроизводства Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. и древняя форма числительного *два* – *дву*, заменившая форму *двою*: «...Принято в дву сумах сыромятны^x семь полотенець...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 7. Л. 167. 1710 г.]. В связи с утратой двойственного числа, вероятно, форма *дву*, употребляясь с существительным множественного числа *сумах*, указывает на два одинаковых предмета. Предположительно, это следы утраты двойственного числа.

Также наряду с архаичными формами в памятниках забайкальской деловой письменности присутствует зарождающаяся живая разговорная форма с добавлением флексии *-хъ* (по аналогии с родительным падежом *трехъ, четырехъ*) – *двухъ*: «...и *штопили* де *двѣх* лошадеи...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 78. Л. 2. 1699 г.].

Фиксируются в более поздних документах современные формы дательного падежа – *двумъ*: «...По *двумъ* отпадкамъ...» [Материалы ... , с. 45], а также творительного *двумя*: «...не должно жалеть бумаги которую между каждыми *двумя* растениями прокладывать...» [Материалы ... , с. 21]. Этот процесс так охарактеризован В. В. Колесовым: «Обратная замена форм мн. ч. на двойств. ч. показывает, что категория двойств. ч. у счетных имен данного типа отсутствует, и *дѣва* в свою очередь начинает использовать окончания мн. ч. (*двухъ, двум* и т.д.)» [Колесов, с. 322].

Числительные *три, четыре* демонстрируют систему форм, практически не отличающуюся от той, что представлена в современном русском литературном языке. Подтвердим примерами из исследуемых документов: «...утр^оцы малые *три* колокола *вѣсо^m* *три* *пѣда*...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8. 1681–1683 гг.]; «...*четыре* *пѣда* *три* *ѣнта* слюды...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1631. Л. 91. 1724 г.].

Счетные имена *пять* – *девять* склонялись как существительные женского рода на **-i* и управляли родительным падежом имени существительного. Приведем примеры из исследуемых документов: «...денги всего *два* *рѣбли* *пять* копеекъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 576 об. 1753 г.] «...по *пяти* *копеекъ*...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 578 об. 1753 г.]; «...на^т*ѣ*на^г*ног* *на*шего *хлѣба* *десяти* с *пять* на *о^тво^дно* наше^е *землѣ* вел^лл *выжат*...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5. Л. 116. 1707 г.]; «...прибрал *девят* *братовъ*...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 450. Л. 8. 1681–1683 гг.].

Исследуемые памятники фиксируют числительное *шесть* в вариантных формах *шести* – *шти*. При этом в одном и том же тексте можно встретить разные варианты: «...ценою по *шти* *десять* копеекъ *ѡ^дна* *шесть* *кѣсковъ* *лентъ* *разны^x* *цветовъ* ценою по *четыре* *рѣбля*...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 101. 1750 г.]; «...да по *новоі* *роскла^д*ке с *тысячи* *восми* *сотъ* *дваци* *шти* *дѣшь* <...> по *пре^жней* *роскла^д*ке со *ста* = *семидесяти* *шти*...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 25. 1753 г.]. Анализ текстов делопроизводства Вос-

точного Забайкалья конца XVII–XVIII вв. показал одинаковую частотность употребления вариантов *шти* и *шестьи*. При этом *шти* часто употребляется в формах родительного, дательного, местного падежей: «...да по новой роскладке с тысячи восьми соть дватцати шти дѣшъ <...> по прежней роскладке со ста = семидесяти шти...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 25. 1753 г.]; «...по шти алтнѣ по четыре деги...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 2. 1702–1704 гг.]; «...отписка патам обогонных мунгалски шти лошада которы снали ваки гурлева холопи...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 119. 1700 г.].

Счетное слово *десять* склоняется как существительное на согласный: «...взято ими кананерами с кшца Ивана Шиловского жѣлеза одинъ пѣшъ десеть фшнто...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 215. 1753 г.]; «...ценою по рѣбль по десѣть копеекъ кипичь...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 109. 1750 г.].

Числительные *сто* и *сорокъ* участвуют в образовании форм сложных и составных числительных в косвенных падежах: «...за выключкою = из роскладки з достаныхъ полежащихъ с тысячи со ста с шестидесяти дѣшъ двѣхъ тысячъ трехъ соть дватцати бревенъ да тысячи ста шестидесяти плахъ прежденаходящемся в городе Нерчинске сотскомъ Кузнецову...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 23. 1753 г.]; «Продай я Филиповы в Прошло 749ом годѣ явленного Своего платежного товарѣ <...> а имѣнно: четыреста пѣтьдесять кипичей чаю кипишного ценою по рѣбль по десѣть...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 109. 1750 г.]; «...сто тритцать восемь плахъ да полисаного по полу третьи сажени сорокъ да пяти сажень двадцатсеми бревенъ новой роскладки...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 24. 1753 г.]; «...по сороку по семи рѣблевъ...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1292. Л. 2. 1694 г.]. Существительное *сто* в древнерусском языке склонялось по древней основе на *-о, но архаичных форм числительного *сто* в косвенных падежах в анализируемых памятниках делопроизводства Восточного Забайкалья не зафиксировано. Древняя форма *сорокъ* – *четыредесять* была зафиксирована в сложных порядковых числительных: «Лѣта тысяща семсо^т четыредесѣ^т пятаго году декабрь 16 дня...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 311. 1745 г.].

Слово *тысяча*, как имя женского рода, склонялось по парадигме основ на *-а. В исследуемых памятниках находим такие примеры: «...По шцѣнке Соболей и пѣпковъ собольихъ на тысячу на три ста на дватцат рѣблевъ...» [РГАДА. Ф. 1142/1. Д. 15. Л. 1. 1679–1681 гг.]; «...в недостатке по прежней роскладке всего с тысячи пяти соть сорока пяти дѣшъ по два бревна з дѣши итого три тысячи девеносто бревенъ да по одной плахѣ итого тысяча пять соть сорокъ девѣть плахъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 25. 1753 г.].

Процесс формирования сложных числительных и их лексикализация, судя по данным Нерчинских документов конца XVII – первой половины XVIII вв., еще продолжался. Сложные числительные со второй частью – *дцать*, *-десять*, *-сти*, *-сот* (такие как *одинадцат*, *шестнатцат* *триста*,

шесдесят, девяносто) активно использовались писцами: «...осталос хлѣбных запасов сто дватцат один пуд десят гривенок...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 9. Л. 2. 1676 г.]; «...со всякаго чина людеі всего с тысени семи соть семидесять девяти дѣшъ по полѣ бревнѣ з дѣши восемь соть восе^мдеся^т деветь бревень с половиною да пла^х на ка^{жд}ю дѣшъ по одной и того тысяча семь соть се^мдеся^т девять пла^х, итого три тысячи пять соть пядесять восемь плахъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 21. 1753 г.]. В ряде приведенных примеров наблюдается разрыв швов сложных числительных, что, возможно, свидетельствует о восприятии писцами каждой части числительного как отдельного слова.

Числительные со второй частью *-десят* образовались из названия единиц от *пяти* до *восьми*, которые, будучи по происхождению существительными, сами изменялись по падежам и управляли формой родительного падежа множественного числа числительного-существительного *десять*. Эти архаические черты сохраняются в текстах исследуемых документов, например: «...По семидесять по два рѣбли...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1292. Л. 4. 1694 г.]; «...цена за сорок по пятидесять по ѡдному рѣблю <...> цена за сорокъ попятыдесять рѣблевъ...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1292. Л. 8. 1694 г.]. В процессе исторического развития вторая часть числительных стала склоняться по образцу других числительных, что фиксируется в поздних документах Восточного Забайкалья: «...з двѣхъ соть пятидесяти восьми дѣшъ пять...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 26. 1753 г.]. Все это подтверждает, с одной стороны, факт неустойчивости написаний сложных числительных, с другой – влияние традиций написаний числительных.

В расспросных и пыточных речах зафиксированы числительные, возможно, отражающие живую разговорную речь: «...и люде^в у него ва^кки с товарищи и^в вса^ки^х чино^в в приборе вто^м бунтѣ есть ста с четыре...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 11. 1700 г.]; «...говори^т <...> про^{бо} ста с три люде^в в не^рчинску...» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 1346. Л. 11. 1700 г.].

В исследуемых памятниках встречаются способы употребления сложных и составных числительных в косвенных падежах с предлогами, не встречающиеся в современном русском языке: «...Цена за сто по дватцати по пяти рублев <...> в продаже товару на чetyреста на пядесят на девят рублев на тритцать алтнѣ...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 5. 1702–1704 гг.]. Вероятно, повторение предлогов перед каждым компонентом составного числительного происходило по аналогии с нормами употребления составных числительных в старославянском языке. Например, число 637 передавалось следующим образом: *шесть съть и тридесять и седьмь*, то есть с повторением союза *и* перед каждым компонентом составного числительного. Историк языка Ю.В. Фоменко считает, что «свидетельством большей, чем сейчас, самостоятельности частей составного числительного является возможность постановки между ними союзов и предлогов» [Фоменко, с. 13]. Другой исследователь, В.В. Колесов видит ту же причину в

переводe букв с числовым значением в счетные слова. Сотни, десятки и единицы, передаваемые буквами, мыслились как отдельные слова, при этом каждое числовое имя склонялось отдельно [Колесов, с. 350]. Остатки этого принципа сохраняют счетные слова в текстах памятников Восточного Забайкалья.

Порядковые числительные не так часты в деловых документах Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв., но регулярность их использования, а также четкое их отличие от количественных числительных писцами, говорят о формировании этого разряда: «...Присланы <...> семь пушек^x медных^x к тебе негодных^x а именно первая мѣра одиⁿ аршинъ с полуаршино^m весо^m три пѣд^d трицать четыре гривенки вторая мѣра два аршина один вершокъ весо^m восе^m пуд^d девѣ^tна^tцать гривенокъ...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 52. Л. 77. 1738 г.]; «...а тѣ^ѣ де кони каурои Са^ѡьяншиков да кон сѣ^ѣрои Егорковъ а третей саврасои...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 3. 1699 г.].

Порядковые числительные произошли из имени прилагательного, сохранив при этом некоторые его грамматические черты – согласование с именами существительными в роде, числе и падеже, что наблюдается в исследуемых памятниках: «...А семово соболя он Васка потерял...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 8. Л. 5. 1675 г.]; «...в <...> том часу или в третемъ...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 23. Л. 62. 1684 г.].

Так же, как и прилагательные, порядковые числительные в старославянском и древнерусском языках могли употребляться в полной (*дѣвѣдѣсѣтый*) и краткой формах (*вѣторь*). Архаическая форма краткого порядкового числительного встречается в памятниках Нерчинской деловой письменности: «...а имяна^{дѣ} тѣ^ѣмъ воромъ туⁿгуси^шка Аⁿдибеⁿко с о^tцо^m свои^m и з бра^tями самъ четве^pть...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 23. Л. 61. 1684 г.], где *четверть* – краткое числительное, от которого образовалось полное – *четвертый*. *Самчетверт* – устойчивое сочетание, которое встречается в современных говорах.

В «Приемной Книге китайскому золоту» зафиксированы трудности употребления писцами Нерчинской таможи порядковых числительных при описании коробок и кусков золота: «...Первая коробка <...> втора коробка <...> третья <...> четвертая <...> пятая <...> шестая <...> седмая <...> осмая <...> девятая <...>десятая <...> первая на десять коробка...»[РГАДА. Ф. 214. Стб. 1292. Л. 251 об. 1694 г.]. Последнее числительное (*первая на десять*) – это образование порядкового числительного больше *десяти* по архаичной модели количественного числительного *один на двѣть* (*одиннадцѣть*) в памятниках. В забайкальском узусе деловой письменности писцами тщательно сохранялась книжно-славянская традиция употребления этих числительных, которая, видимо, была еще актуальна и в литературном языке XVIII в.

В памятниках Восточного Забайкалья фиксируются такие же архаические модели порядковых числительных при обозначении года и числа:

«Лѣта тысяща се^мсо^т четыредеся^т втораго Го^д мая двадеся^т четвертаго...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 301. 1742 г.]. Можно предположить: такое написание дат в виде порядковых числительных является следствием перехода писцов от церковнославянских букв-цифр к арабским цифрам. В какой-то момент писцы уже не записывали традиционные числа, но и к арабской десятичной системе еще не было навыка.

Собирательные числительные в древнерусском языке имели ограниченное употребление: во-первых, они употреблялись в значении 'двойной', 'тройной' (*двои денги дати*), во-вторых, в наречных выражениях типа *растущия вода на двое*, в-третьих, для обозначения числительных количества предметов при именах, употребляющихся в двойственном и множественном числе, например: «...двои ворота...» [Памятники ... , с. 145]; «...у то' избы двои двери...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 293. 1702 г.]; «...двои коты кра^сные...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 53. Л. 17. 1689 г.]; «...двои стремени...» [Памятники ... , 2004, с. 145]; «...А с вершины Шилки реки вниз воды плотами до Не^рчинского острогу пловут су^тки шестеры...» [РГАДА. Ф. 214. Д. 720. Л. 20. 1681 г.]; «...и поб^ѣжали де онѣ <...> всѣ четверо пере^д утряной зоре^н...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 78. Л. 7. 1699 г.]; «...А и^х де воро^в восемь ѿлвк^ь наѣхало <...> и семерых ѿлвк^ь убили...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 74. Л. 54. 1698 г.].

До середины XVIII в. собирательные числительные активно употреблялись писцами и канцеляристами Нерчинского воеводства. Причиной столь долгого употребления архаичной формы является, вероятно, утрата дуалиса: форма двойственного числа ушла из языка, но сознание русских людей XVII – XVIII вв. продолжало выделять наряду с единственностью и множественностью еще и двойственность, отсюда частое употребление собирательных числительных с существительными, обозначающими парные предметы: «...тритцатеры рукавицы уресковые цена по гривне десятеры башмаки четверы чюлки вязены...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 3. 1702–1704 гг.]; «...четы^рнатцатеры се^рги склеены^х...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 1216. Л. 29. 1698 г.].

Как видно из примеров, собирательные числительные выполняли функцию количественных и органично вписывались в ряд количественных перечислений. При этом образование с суффиксом *-ер-* было шире, чем в современном русском языке: подобным образом создавались не только существительные первого десятка, но и числительные *двадцатеры*, *тридцатеры* и т.д. Приведем пример: «Шестеры скобы десятеры сапоги <...> дватцатеры башмаки тритцатеры чарки болших и малых...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 3. 1702–1704 гг.].

О сохранении архаичных форм двойственного числа существительных при собирательных числительных также свидетельствует следующий пример: «...дво^и аршина желѣзные...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 275. 1702 г.]. В данном примере *двои* – архаическая форма мужского рода именительного-винительного падежа собирательного числительного, которая согласовывалась с существительным мужского рода и требовала от него

употребления в форме двойственного числа, чем собственно является форма *аршина*. Безошибочно выбранная писцом архаичная форма стоит в росписном списке в ряду форм количественных числительных: «...два о^рла жел^ѣзные малые <...> два шупа жел^ѣзные <...> два ма^зца...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 275–276. 1702 г.].

При этом названные числительные, близкие по форме собирательным, в рассматриваемых примерах употребляются в одном ряду с количественными числительными.

Кратные и дробные числительные используются писцами документов Восточного Забайкалья при перечислении товара, при передаче дробных физических величин: «...Стены ведены вышины кирпичемъ в аршин без че^тве^рти...» [ГАЗК. Ф. 10. Д. 8. Л. 73. 1709 г.]; «...вспахали де они пол чет^верти десятины...» [Христосенко, 1999, с. 107].

Активно проявляют себя в роли дробных краткие формы порядковых числительных в соединении с *поль-* для обозначения числа, уменьшенного на половину единицы или десятка, сотни: «...по полу осми пуда...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. 1676 г.], где *осмь* – краткое порядковое числительное. Например: «...цена полчетверта рубли...» [РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 335. Л. 6. 1702–1704 гг.]; «...книги в переплете в по^ддесят...» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 473. Л. 277. 1702 г.]; «...глубина рву полчетверта аршина...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 26. Л. 49. 1683 г.], где *четверть* – краткое порядковое числительное.

В связи с использованием мер веса и длины активно употреблялись числительные с добавлением слов *четверть*, *половина*, *полтора*: «Сволина ломаная пол сема пуда шесть ѡунѣтов бѣз четверти ѡута свинцѣ...» [Христосенко, 1994, с. 34]; «азям китаичетой лазоревой цена полтора рубли <...> штаны выбоичетые пестрые цена полполтины...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 53. Л. 17. 1689 г.].

В документах Нерчинского делопроизводства нашли отражение различные способы счисления. Древней формой счета у восточных славян долгое время оставался счет «по пяткам» [Колесов, с. 351]. Это счет давал сложные формы, которые сохранились в памятниках Восточного Забайкалья. Приведем примеры: «...пол третя аршина бѣлого сермяжного сукна...» [РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 53. Л. 17. 1689 г.]; «...а имѣнно з города Нерчинска пре^жней роскла^дки = двести восе^мдесять бревен сто тртцать восемь плахъ да полиса^дного по полу третьи сажени сорокъ да пяти сажень...» [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 23 об. – 34. 1753 г.]. Как видим из примеров, такие счетные имена даже склонялись.

В исследуемых памятниках деловой письменности можно наблюдать простые арифметические действия, выраженные именами числительными: «Укра^д де на Уру^ге тре^х лошаде да жеребе^ка а тѣ^х лоша^м двѣ бѣлы^х кабыла саврасовая да жеребенюкъ вбурѣ...» [РГАДА. Ф. 1142. Д. 33. Л. 41. 1685 г.]; «Да в то же поварне винной четыре тчана два бо^дши^х да два сре^дни^х...» [ГАЗК. Ф. 214. Д. 473. Л. 294. 1702 г.]. Некоторые документы – указы, копии с приговору – содержат более сложные математические подсче-

ты, которые пронизывают весь текст и записываются только при помощи числительных.

Анализируя употребление числительных в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в., можно сделать вывод, что имя числительное как часть речи находится в стадии становления. Специфика имени числительного в памятниках Восточного Забайкалья объясняется сосуществованием архаичных, переходных и новых форм, что явилось импульсом к образованию различных вариантных форм и тенденцией к ослаблению формирования единого косвенного падежа. Наблюдения над текстами памятников Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII в. показывают, что к концу XVII в. числительные в основном уже утратили все характеристики имени (род, число, падеж), а к середине XVIII в. начали образовывать отдельную, самостоятельную часть речи.

Литература

1. Агапова М.А. Функционирование именных частей речи в арзамасской деловой письменности XVI–XVII веков (вероятностно-статистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2009.
2. Галинская Е.А. Склонение количественных числительных в Псковском диалекте первой половины XVII века // Русский язык в научном освещении. – 2011. – № 2 (22).
3. Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Числительные. – М.: Азбуковник, 2006.
4. Колесов В.В. История русского языка: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / филологический факультет СПбГУ. – М.: Академия, 2005.
5. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв.: орфография, фонетика, морфология: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000.
6. Материалы для регионального исторического словаря Нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.» / под ред. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимовой. Вып. V. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999.
7. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А.П. Майорова; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005.
8. Фоменко Ю.В. Язык сибирских летописей XVII века (наблюдения на морфологическом строем): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1963.
9. Христосенко Г.А. Нерчинская деловая письменность XVII–XVIII вв: учеб. пособие. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1994.

Биктимирова Юлия Викторовна, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Забайкальского государственного университета, кандидат филологических наук.

Biktimirova Julia Viktorovna, associate professor, department of Russian language and methods of teaching, Transbaikal State University, candidate of philological sciences.

Тел.: +7-9144859563; e-mail: pravo_chita@mail.ru

УДК 82.9(71)

© М.Б. Башкиров

Проблема акадийской идентичности в текстах Паскаля Пуарье

Затрагивается проблематика, связанная с локальной идентичностью франкоязычного меньшинства в приморских провинциях Канады – акадийцев, особенности которой одним из первых отразил в своих публицистических текстах акадийский политик и общественный деятель Паскаль Пуарье..

Ключевые слова: история акадийцев, Паскаль Пуарье, история франкоязычных меньшинств Северной Америки, локальная идентичность

M.B. Bashkirov

The Problem of Acadian Identity in texts of Pascal Poirier

This article deals with questions related to the local identity of the francophone minority of the maritime regions of Canada, the Acadians. The Acadian politician and public figure Pascal Poirier was among the first to express the particularities of Acadian identity in his work.

Keywords: history of the Acadians, Pascal Poirier, history of the francophone minorities of North America, local identity.

Акадийцы, после квебекцев, представляют собой второе по численности франкоязычное меньшинство в Канаде. Они населяют территорию трех приморских колоний страны – Нью-Брансуик, Новая Шотландия и о. Принца Эдуарда. Сегодня численность акадийцев составляет более 300 тыс. человек [Landry, Lang, p. 312].

Колония Акадия была основана Францией в 1604-1605 гг. на побережье залива Фанди в районе г. Аннаполис-Роял (провинция Новая Шотландия). Длительное время колония носила промысловый характер, связанный с рыболовством и добычей мехов. Важной чертой местного населения стала гомогенность: считается, что многие акадийцы происходят от нескольких семей, приехавших на эту территорию еще в XVII в. Даже сегодня значительная часть акадийцев носит одни и те же фамилии: Аше, Арсено, Терио, Годэ и т.д. Акадийцы традиционно играли важную роль в таких отраслях региональной экономики, как рыболовство, сельское хозяйство, деревообрабатывающая и целлюлозная промышленность.

Вплоть до наших дней французский язык остается для акадийцев важнейшим элементом идентичности. Длительное время считалось, что акадийцы говорят на «смешанном языке», используя значительное количество англицизмов в своей речи. Однако базовый словарь акадийцев и французов совпадает на 95%, а англицизмы употребляются не вместо французских слов, а наряду с ними [Голубева-Монаткина, с. 73]. Также важно отметить, что французский язык среди акадийцев довольно вариативен и имеет ряд локальных разновидностей. Даже применительно к началу XVII в. невозможно говорить о едином субстрате французского языка в Акадии, так как жители этой колонии происходили из разных французских регионов: Пуату, Сэнтонж

и Онис [Голубева-Монаткина, с. 75].

В течение всего периода французского колониального господства Акадия оставалась одной из самых малонаселенных колоний Нового Света, численность жителей которой не превышала и 10 тыс. человек в начале XVIII в. В 1713 г. после заключения Утрехтского мира Акадия перешла под юрисдикцию Великобритании и была переименована в Новую Шотландию. Таким образом, впервые в истории Британской Империи ее составной частью стало владение с гомогенным французским католическим населением. Жители новой территории приобрели уникальный статус «нейтральных французов» (*Neutral French*), сохранявший свободу вероисповедания и освобождавший от ряда обязанностей, таких как военная служба.

Наиболее трагичным событием истории акадийского народа стала депортация 1755-1763 гг. (во франкоканадской историографии принят термин «*Grand Derangement*»), ставшая следствием военных действий между Великобританией и Францией на североамериканском континенте в ходе Семилетней войны. Более 12 тыс. акадийцев, отказавшихся принести клятву верности британскому монарху, было депортировано в британские колонии (Вирджиния, Северная Каролина и др.), часть акадийцев оказалась во Франции, некоторым удалось бежать в Новую Францию [Bernard, p. 20-37]. Депортация стала важнейшим элементом исторической памяти этой этнокультурной группы. Так, спустя более 250 лет, в 2009 г. известнейшая акадийская писательница Антонин Майе писала: «Все было стерто с лица земли, осталась лишь коллективная память, по-прежнему сохранявшая традиции, культуру, язык Франсуа Вийона, Франсуа Рабле, Франсиска I. Акадийцы никогда не переставали ассоциировать себя с наследниками всех Франсуа, которые были родом из Франции...» [Майе, с. 279].

После трагических событий середины XVIII в. акадийцы постепенно возвращаются в регион канадского Приморья, но уже становятся там меньшинством [Griffiths]. В 1749 г. в Новой Шотландии был основан порт Галифакс, вследствие чего приморские колонии (в дальнейшем, провинции) активно заселялись выходцами с Британских островов: англичанами, шотландцами и ирландцами. Акадийцы были вынуждены основать новые поселения в относительной удаленности от административных центров. Постепенно оформляются новые географические контуры акадийской территории, ставшей своего рода «второй Акадией». Нередко акадийские поселения находились на значительном удалении друг от друга, что дало основания называть Акадию той эпохи «страной из кусочков» (*un pays en morceaux*). Франкоязычное меньшинство было частично ограничено в своих политических, лингвистических и экономических правах и находилось на аутсайдерских позициях в условиях доминирования англоязычного большинства. Так, до 1830-х гг. акадийцы не имели своих полномочных представителей в законодательных собраниях приморских колоний, были ограничены в возможностях государственной службы и лишены прав соб-

ственности на земельные участки вследствие депортации.

Период после депортации и до образования Канадской конфедерации (1867 г.) характеризуется канадскими франкоязычными историками, как «период молчания» (*periode de silence*) [Thériault, 1980, p. 49-93], что во многом связано со статусом акадийского сообщества, ограниченного в правах и свободах. В этот период среди акадийцев практически отсутствуют какие-либо социальные и политические инициативы. За «периодом молчания» последовал период «акадийского возрождения» (*renaissance acadienne*) [Thériault, 1993, p. 58-74]. В 1860-1900-х гг. акадийцы заявляют о себе на местной политической сцене, создают ряд общественных организаций, начинают издавать газеты и журналы на французском языке. В ходе двух Национальных акадийских конгрессов в 1881 и 1884 гг. (*Congrès national acadien*) акадийцами были выбраны национальный гимн (*Ave Maris Stella*) и флаг (французский триколор с золотой звездой в левом верхнем углу). Важную роль в процессе «акадийского возрождения» сыграли представители местного католического духовенства, а также ряд общественных и политических деятелей, таких как П.-А. Ландри и П. Пуарье. Личность последнего необходимо обозначить несколькими биографическими штрихами.

Паскаль Пуарье родился в акадийском поселении Шедиак в 1852 г. Учился в знаменитом франкоязычном колледже Сен-Жозеф в Мемрамкуке и в Университете Оттавы. В 1885 г. по рекомендации премьер-министра Канады Д. Макдональда он стал членом Сената Канады и первым представителем акадийцев на федеральном уровне. К слову, одной из самых важных инициатив, проявленных им на посту сенатора, стало предложение о принципе секторального деления Арктики [Максимова, с. 91-92]. Достаточно сказать, что и в наши дни правительство Канады придерживается концепции, предложенной Пуарье в конце XIX в. Пуарье принимал активное участие в организации Национальных акадийских конгрессов в 1881 и 1884 гг. Также Пуарье был президентом и генеральным секретарем Национального акадийского общества (*Société nationale de l'Acadie*). Пуарье известен и как довольно яркий публицист своей эпохи, автор газеты «*Moniteur acadien*» и журнала «*l'Évangeline*». Его перу принадлежит ряд довольно разноплановых произведений: исторический труд «Происхождение акадийцев» (*Origine des Acadiens*) 1874 г.; биография ««Отец Лефебр и Акадия»» (*Père Lefebvre et l'Acadie*) 1898 г.; историко-филологическая работа «Франко-акадийский язык и его происхождение» (*Le parler franco-acadien et ses origines*) 1928 г.; словарь «Акадийский глоссарий» (*Glossaire acadien*) 1927-1933 гг.

Проблематика, связанная с идентичностью акадийцев, присутствует во многих текстах Пуарье. Будучи представителем этнического меньшинства, Пуарье не мог не касаться этой проблемы, ведь рубеж XIX–XX вв. стал временем осмысления акадийскими интеллектуалами места и роли, которую играют акадийцы Канадской конфедерации. Фоном для подобных

рефлексий стали сильнейшие социальные, культурные, политические и экономические метаморфозы, переживаемые молодым канадским обществом в тот период. Этнокультурный облик канадского общества был крайне динамичным, так как практически ежедневно в страну прибывали новые эмигранты из Европы. В этих условиях «старожилы»-акадийцы выстраивали новую систему социальных, культурных, лингвистических, религиозных и этнических маркеров, призванную помочь определить свое место в развивающемся социуме.

Характерно, что в 1847 г. появляется ставшая всемирно известной поэма американского автора Г.У. Лонгфелло «Эванжелина. История Акадии» (*Evangeline, A Tale of Acadie*). Поэма, написанная в духе романтизма, рассказывала о депортации акадийцев 1755-1763 гг. и описывала историю любви юной Эванжелины на фоне трагических событий. Позже, в период «акадийского ренессанса» депортация стала своего рода отправной точкой акадийской истории как среди интеллектуалов, так и в массовом сознании. «Признаком этнической общности является не “общее происхождение”, а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности» [Тишков, э/ресурс]. В случае акадийцев таким мифом стала депортация, притом мифом, подкрепленным семейными воспоминаниями и коллективными преданиями. Сюжеты, связанные с событиями 1755-1763 гг., пользовались неизменным «спросом» среди акадийских политиков и интеллектуалов. «Время гонений прошло... Ограбление 1755 года сделало нас бродягами и рассеяло по свету» [Landry p. 165]. «Акадийская история – это шедевр французского выживания» [Groulx, p. 7]. Подобные утверждения были характерны для множества акадийских авторов, историков и публицистов и создавали ощущение некой исключительности среди акадийцев. Так или иначе, события 1755-1763 гг. мифологизировались в исторической памяти и ставили вопрос о собственной идентичности и месте, занимаемом по отношению к другим этнокультурным группам Канады.

Не последнюю роль в этом процессе «самоопределения» играл и Паскаль Пуарье. В книге «Франко-акадийский язык и его происхождение» Пуарье «через запятую» перечисляет группы франкоязычных жителей Северной Америки: «французы Америки, канадцы, акадийцы и луизианцы» [Poitier, 1928, p. 283], что, очевидно, не позволяет ставить знака равенства между этими группами. Для Пуарье нет такого обобщающего понятия, как «франкофоны» или «американцы французского происхождения», каждую группу он выделяет отдельно. В то же время характерно, что самих акадийцев Пуарье периодически называет «французами Новой Шотландии, Нью-Брансуика и острова Принца Эдуарда» [Poitier, 1928, p. 286]. В наши дни такие понятия, как «франко-акадиец», «франко-акадийский язык», или «француз Новой Шотландии» вытеснены на периферию более нейтральным и в то же время более точным определением – *acadien* (акадиец, акадийский). У Пуарье мы наблюдаем своего рода переходный этап в процессе формирования этнокультурной идентичности. В XVII–XVIII вв. опреде-

ление «акадеиец» больше обозначало географическую ассоциацию с определенной территорией, а этническое происхождение обозначалось словом «француз». Определение «франко-акадеиец» стало своего рода переходной формой, указывающей на происхождение и на географическую принадлежность к определенной территории. Так, в энциклопедии «Акадийский глоссарий», составлению которой Пуарье посвятил последние годы своей жизни, дается такое определение слову «акадеиец»: «*Акадеиец* – это книжное слово, образованное от *Акадии*... До конфедерации провинций, которые образуют сегодня Канадский доминион, слово *акадеиец* в основном не использовалось самими акадейцами; чаще всего это слово используют французы, вплоть до наших дней...» [Poirier, 1993, p. 15]. Выше Пуарье уточняет: «...до Канадской конфедерации провинций акадейцы называли себя французами, а не акадейцами. Только, чтобы различать, они говорили “француз из Канады” (*Français du Canada*) и “француз из Франции” (*Français de France*)» [Poirier, 1993, p. 220].

В работе «Франко-акадийский язык и его происхождение» Пуарье всячески подчеркивает особенности и характерные черты французского языка акадейцев. Так, им был составлен тематический словарь «акадеизмов», смысл многих из которых не был понятен даже жителям Квебека. Важной особенностью акадийской речи стало присутствие заимствований из языка индейцев племени микмак и англицизмов. «Англицизм – это не обязательно враг, – пишет Пуарье, – напротив, возможно сделать его другом, то есть инструментом для обогащения нашей франкоканадской речи, если уподобить его ирригационным резервуарам» [Poirier, 1928, p. 271].

Проблема этнокультурной идентичности акадейцев не ограничивалась исключительно языковым аспектом. Огромное значение для Пуарье приобрела историческая память, отсылавшая к додепартационному периоду. Огромное возмущение Пуарье вызывали планы американских корпораций превратить старинную морскую крепость Луисбур в туристический центр. Луисбур имел огромное значение для истории французской Канады – не меньшее, чем цитадель в Квебеке. Фактически накануне Семилетней войны 1755-1763 гг. Луисбур, расположенный на острове Кейп-Бретон, стал морскими воротами в Новую Францию. Помимо всего прочего, Луисбур – это и одна из крупнейших и старейших цитаделей в Северной Америке. Пуарье писал: «Это то же самое, как если бы индустриальный синдикат хотел бы приобрести крепость Фронтенака и Монкальма, чтобы превратить ее в экзотическую ярмарку. Луисбур как театр военных действий – равен Квебеку... Когда же увидим мы, что наш федеральный Парламент проголосует за подобный закон, какой был принят во Франции 30 марта 1887 года, регламентирующий «сохранение зданий, представляющие с точки зрения истории или искусства национальный интерес?» [Poirier, 1979с, p. 216]. Таким образом Пуарье определял ряд исторических символов для акадейцев, вписывая крепость Луисбур в семантическое поле локальной истории. Проблема, поднятая Пуарье в 1902 г., обозначила курс на сохранение исторического наследия во французской Канаде.

Еще одним важным элементом, подчеркивающим локальную идентичность, стала местная гастрономическая культура и связанная с ней индустрия. Так, на рубеже XIX–XX вв. огромное значение для приморских провинций приобрела индустрия по добыче устриц, ставших важным элементом местной кухни и важной статьей экспорта в Квебек и Онтарио. Практически в любой культуре кухня и продукты питания становятся важной частью не только традиций или образа жизни, но и аспектом идентичности, сопряженным с культурой, религией, местными географическими особенностями и локальной историей. Так, начиная со второй половины XVIII в., важнейшим элементом идентичности франкоязычных метисов Северо-Запада стал пеммикан – брикеты из сушеного и растертого в порошок оленьего или бизоньего мяса, смешанного с жиром и соком лесных ягод, которые хранились в кожаных мешках, а слабоалкогольный напиток сидр стал неотъемлемой частью кухни на Севере Франции еще в эпоху раннего Средневековья. Практически то же самое мы можем наблюдать на рубеже XIX–XX вв. в прибрежных поселениях акадийцев Новой Шотландии и Нью-Брансуика. «Во Франции у вас нет устриц, которые могли бы сравниться с нашими мальпекскими, – пишет Пуарье, – хотя последние, очевидно, хуже татамагушских и малагашских в графстве Колчестер, Новая Шотландия и пигуашских из соседнего графства... Но лучше всех буктушские – настоящая жемчужина среди устриц... но еще лучше каракетские устрицы, подавать которые стоит на золотом блюде олимпийским богам» [Poitier, 1979b, p. 216]. Как мы видим, в этом тексте Пуарье перечисляет целый ряд акадийских поселений: Татамагуш, Каракет, Мальпек и др. Такого рода уточнение является прямым указанием на географическую принадлежность, следовательно, на локальную идентичность акадийцев. Подобные отсылки к локальной идентичности также можно встретить в текстах священника Тома Альберта, описывавшего жителей знаменитого акадийского поселения Мадаваска. Не будем забывать и того обстоятельства, что акадийские поселения были разбросаны на территории приморских провинций, а историческая Акадия была «страной из кусочков», что также способствовало процессу локализации идентичности акадийцев.

Подводя итог, можно сказать, что Паскаль Пуарье стал одним из предвестников консолидационных процессов в акадийском обществе во второй половине XX в. Осознавая довольно тяжелое положение акадийцев, Пуарье писал в 1880 г.: «Новая эра французской Акадии начинается с 1864 г. – даты основания колледжа Сен Жозеф де Мемрамкук. С 1755 по 1864 г. и в политическом смысле и по необходимости акадийцы находились в тени... важно укрепить веру для того, чтобы остаться свободными и немного вздохнуть» [Poitier, 1979a, p. 197]. Тексты Пуарье позволяют понять, какое место занимали акадийцы в молодом канадском государстве и как выстраивались их отношения с другими этнокультурными группами в приморских провинциях. «Важную роль в понимании этничности играет соотношение социальных и культурных границ, внутренних (эмных) и внешних (этных) представлений, что есть та или иная группа, – пишет акад. В.А. Тиш-

ков. – Характерные черты этнических групп не могут сводиться к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а должны определяться прежде всего тем значимым, что для себя считают сами члены группы (или эта значимость навязана извне) и что лежит в основе их самосознания» [Тишков, 2001, р. 230]. Будет логичным предположить, что консолидационные процессы в любом социуме напрямую связаны с формированием этнокультурной идентичности. Акадийцы не стали в этом отношении исключением. Историческая память народа, самоназвание этнокультурной группы, ее культурные, социальные, религиозные установки в значительной мере повлияли на процессы групповой солидарности на политическом, культурном и социальном уровнях, произошедшей в «Акадии» во второй половине XX в. Анализ текстов Пуарье позволяет в какой-то мере пролить свет на этот процесс среди акадийцев.

Литература

1. Голубева-Монаткина Н.И. Французский язык в Канаде и США. Социоллингвистические очерки. – М.: КомКнига, 2010.
2. Майе А. (На вопросы "ИЛ" отвечают квебекские писатели) // Иностранная литература. – 2008. – № 11.
3. Максимова Д.Д. Проблемы освоения северных регионов и Арктики во внешней политике Канады: дис. ... канд. полит. наук. – М.: ИСК РАН, 2011.
4. Тишков В.А. Конструирование этнической идентичности [Электронный ресурс]. – URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/konstruiro.html>
5. Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001.
6. Bernard A. Histoire de la survivance acadienne, 1755-1935. Montréal: Les Clercs de Saint-Viateur, 1935.
7. Griffiths N. The Acadians: Creation of a people. Montréal: Éditions Leméac, 1973.
8. Groulx L. l'Histoire acadienne. Montréal, 1917.
9. Landry N., Lang N. Histoire de l'Acadie. Québec: Les éditions du Septentrion, 2001. Landry P.-A. L'Acadie et les Acadiens en 1881 // Anthologie de texts litteraires acadiens 1606-1975. Moncton: Editions d'Acadie, 1979.
10. Poirier P. De l'ombre au soleil // Anthologie de texts litteraires acadiens 1606-1975. Moncton: Editions d'Acadie, 1979a.
11. Poirier P. Le Glossaire acadien. Moncton: Editions d'Acadie, 1993.
12. Poirier P. Le parler franco-acadien et ses origins. Québec, 1928.
13. Poirier P. Les huitres // Anthologie de texts litteraires acadiens 1606-1975. Moncton: Editions d'Acadie, 1979b.
14. Poirier P. Louisbourg: propriété nationale ou centre touristique américain? // Anthologie de texts litteraires acadiens 1606-1975. Moncton: Editions d'Acadie, 1979c.
15. Thériault L. L'Acadie de 1763 à 1990, synthèse historique // Acadie des Maritimes: études thématiques. Moncton: Chaire d'études acadiennes, Editions d'Acadie, 1993.
16. Thériault L. l'Acadie, 1763-1978: synthèse historique // Les Acadiens des Maritimes : études thématiques. Moncton, 1980.

Баширов Михаил Борисович, аспирант Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва).

Bashkirov Mihail Borisovitch, postgraduate student at the North American Research Center, Institute of General History, Russian Academy of Science (Moscow).

Тел.: +7-9091539027; e-mail: bashkiroffm@gmail.com

УДК 821.161.1

© *Т.Р. Ленхобоева*

**Рецепция героического в романах И.С. Тургенева
в современном литературоведении**

Рассматривается восприятие тургеневских героев как героических личностей критиками и литературоведами XX и XXI вв.

Ключевые слова: Тургенев, герой, категория героического, рецепция, роман.

T.R. Lenkhoboeva

Turgenev's novels heroic category reception
in modern literary studies

The article deals with the reception of Turgenev's heroes as heroic personalities by literary critics and scholars of the XX - XXI centuries.

Keywords: Turgenev, hero, heroic category, reception, novel.

В разные исторические эпохи в обществе превалирует определенный тип личности. В нем находят отражение не только реалии, сформированные в обществе, но и идеальные представления о сути личности. По мнению исследователя Т.В. Затеевой, «проблема героя, возродившаяся в русской литературе на рубеже 1850-1860-х гг., в полной мере отразила интерес писателей к личности и ее связям с окружающей средой... Объектом русской художественной мысли второй половины XIX в. стала личность нового типа» [Затеева, с. 179]. Одним из создателей образа героя нового типа – героической личности был И.С. Тургенев.

Литературная судьба И.С. Тургенева примечательна тем, что значительность каждого его произведения признавалась очевидной с первых дней выхода в свет. Уже в современную писателю эпоху была высказана мысль о том, что в своем творчестве он не только поставил животрепещущие для своего времени вопросы и стал летописцем судеб России, русского народа и интеллигенции, но актуализировал вопрос о содержании героя нового героического склада. Пожалуй, самая оживленная полемика в русской критике указанного периода развернулась именно вокруг романов Тургенева. Ее участники главной точкой приложения своих критических интенций сделали вопрос о том, насколько созданный писателем тип романтического персонажа, будь то Рудин, Инсаров или Базаров, соответствуют определению их как героев, воплощающих в своем облике героическое начало. Такой интерес был обусловлен литературными предпосылками, в частности, у их истоков стоял М.Ю. Лермонтов. После романа «Герой нашего времени» русские писатели будут говорить о герое с учетом именно лер-

монтовского опыта: как о герое – представителе своего времени и о герое, который не смог состояться как Герой.

Рассмотрим литературно-критическую и литературоведческую рецепцию жизни и деятельности тургеневских героев как проявления героизма. И, прежде всего, отметим, что Тургеневу, как и всему поколению 50-х гг. XIX в., особенно была близка мысль Г.В.Ф. Гегеля о том, что в современную эпоху «вся система жизненных отклонений удалась от гармонии» [Гегель, с. 244]. Современный мир, по глубокому убеждению немецкого философа, перестал быть органически целым, он стал механическим и прозаическим. Искусство уже не воспринималось как адекватная форма истинного познания. Другой вывод философа, свидетельствующий о прозаическом характере современной эпохи, был связан с его представлением о личности современного человека. Современный человек, по мнению Гегеля, ориентирован на множество интересов, обязанностей и видов деятельности. А это, как он полагал, разрушает цельность личности. Гегель установил водораздел между современностью и «веком героев»: «Герои – это индивиды, которые по самостоятельности своего характера и своей воли берут на себя бремя всего действия, и даже если они осуществляют требования права и справедливости, последние представляются делом их индивидуального произвола» [Гегель, с. 245].

Эти воззрения Гегеля не могли не остаться без внимания такого чуткого к философским идеям писателя-мыслителя, каковым был И.С. Тургенев. Они явились мировоззренческой основой жизни, деятельности и судьбы всех его романических персонажей и были осмыслены современной писателю литературной критикой.

Одним из первых критиков-современников, усмотревших в главных героях романов Тургенева проявление героических черт характера и стремление к тому, чтобы стать подлинно героическими личностями, был Д.И. Писарев. Так, в статье «Реалисты» он, в частности, утверждал, что героический ореол тургеневским героям придает их трагическая судьба: «Трагизм базаровского положения заключается в его полном уединении среди всех живых людей, которые его окружают» [Писарев 1976б, с. 76]. Но главным выражением базаровского трагизма, по мнению критика, является отнюдь не одиночество героя, а его смерть, подобная подвигу как героическому деянию: «...смотреть в глаза смерти, предвидеть ее приближение, не стараясь себя обмануть, оставаться верным себе до последней минуты, не ослабеть и не струсить – это дело сильного характера. Умереть так, как умер Базаров, – все равно, что сделать великий подвиг...» [Писарев 1976а, с. 52]. Именно этот тезис Писарева мы будем использовать в качестве основополагающего для нашей работы.

Готовность к достойной встрече со смертью, с точки зрения Д.И. Писарева, придает героическое величие также фигуре Рудина: «Рудин умирает великолепно, но вся его жизнь не что иное, как длинный ряд самообобщений, разочарований, мыльных пузырей и миражей» [Писарев 1981, с. 161].

Близким суждениям Д.И. Писарева оказалась точка зрения критика Н.Н. Страхова, для которого смерть главного героя романа «Отцы и дети» также явилась главной приметой его героизма: «Базаров умирает совершенным героем, и его смерть производит потрясающее впечатление. До самого конца, до последней вспышки сознания, он не изменяет себе ни единым словом, ни единым признаком малодушия» [Страхов, с. 201].

Как видим, по мнению Д.И. Писарева и Н.Н. Страхова, не героические деяния, а именно трагическая судьба и, как следствие, смерть главных героев могут рассматриваться в качестве признака героического.

Их оппонентами выступили Н.А. Добролюбов, А.В. Дружинин, которые оспорили присутствие в романах И.С. Тургенева подлинно героических личностей или личностей, стремящихся стать таковыми. Так, в статье «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов, размышляя о связи героического начала с деятельным, высказал мысль об их отсутствии в романе «Накануне». По мнению критика, это было связано с тем, что Тургенев не ставил своей целью создать героическую эпопею или показать истинного героя: «Его деятельности мы так и не видим. Из этого ясно, что сущность повести вовсе не состоит в представлении нам образца гражданской доблести» [Добролюбов, с. 96]. Поставив вопросы о том, почему писатель в качестве главного героя избрал болгарина и почему на месте Инсарова не мог быть русский человек, Добролюбов пришел к выводу: «Натуры, подобные ему, рождаются, конечно, и в России в немалом количестве, но они не могут так беспрепятственно развиваться и так беззастенчиво проявлять себя, как Инсаров. Русский современный Инсаров всегда останется робким, двойственным...» [Добролюбов, с. 103].

Сходную точку зрения на героев Тургенева в статье «Повести и рассказы г. Тургенева» высказал А.В. Дружинин, который в своей оценке романа «Рудин» актуализировал другой вопрос: непонимание героем не общего дела, как главной преграды, встающей на пути героического, а непонимание им самой жизни. По его мнению, корень всех недостатков Рудина кроется в разъединении слова и дела. Рудин понапрасну растратил свои силы и «не мог возвыситься до понимания дела, до возможной и необходимой гармонии со средой его окружающей» [Дружинин, с. 356].

Краткий экскурс в современную И.С. Тургеневу полемику, развернувшуюся вокруг его романов, убеждает, что уже первые критики обратились к осмыслению проблемы героя и героического как отражения назревшей в обществе потребности в Герое и, по сути, поставили вопрос о необходимости выработки новых критериев для его идентификации. Опираясь на наиболее значимые работы критиков XIX в., мы попытались очертить контуры литературной полемики, сложившейся во времена Тургенева вокруг фигуры героя и проблемы героического. Используя опыт предшественников, тургеневедение XX столетия продолжило разработку критериев героического, попутно уточняя само понятие. При этом в научной литературе прошлого столетия уже не было такого резкого противостояния, которое

разделило бы литературную общественность на два противоборствующих лагеря, как это произошло в современную Тургеневу эпоху. Литературоведы XX в. также искали ответ на вопрос, является ли героем или не является тот или иной романский персонаж писателя. При этом в научной литературе собственно героический аспект в романном творчестве И.С. Тургенева рассматривался, как правило, в системах координат, где точками отсчета становились две разнополюсные категории – жанр и человек [Николаенко].

Обратимся к характеристике основных позиций, изложенных в работах М.М. Бахтина, В.М. Марковича и Н.В. Николаенко, на наш взгляд, ключевых при исследовании категории героического в романах Тургенева.

Исследователей привлекла к себе проблема романного жанра и связанная с ней проблема героического. Так, по мнению М.М. Бахтина, герой романа принадлежит эпическому миру. Мир эпопеи – место обитания героя – характеризуется им как мир недостижимого героического прошлого: «начал» и «вершин» национальной истории, отцов и родоначальников, «первых» и «лучших» [Бахтин, 2000б, с. 246]. Отношение автора к недостижимому для него героическому прошлому и героическому человеку может быть только благоговейным отношением потомка. Мир эпического героического прошлого, по замечанию Бахтина, «можно только благоговейно принимать, но к нему нельзя прикасаться, он вне района изменяющей и переосмысливающей человеческой активности» [Бахтин 2000б, с. 260]. Иметь возможность быть не просто певцом-сказителем, а творцом, имеющим свою собственную ценностную позицию, автор обретает только в том случае, когда он получает возможность изображать событие на одном ценностно-временном уровне с самим собою и своими современниками, опираясь и на свой опыт, и на свой вымысел.

Далее М.М. Бахтин выделяет три типичных случая отношения автора к герою. Первый случай: герой завладевает автором. При этом эмоционально-волевая предметная установка героя, его познавательная этическая позиция в мире настолько авторитетна для автора, что он видит предметный мир лишь глазами героя и не может не переживать только изнутри события своей жизни; автор не может найти утвердительной и устойчивой ценностной точки опоры вне героя. Второй случай: автор завладевает героем, вносит вовнутрь его завершающие моменты, отношение автора к герою становится отчасти отношением героя к себе самому. Герой начинает сам себя определять, рефлекс автора влагается в душу или уста героя. Наконец, третий случай: герой сам является своим автором, осмысливает свою жизнь эстетически, как бы играет роль; такой герой самодоволен и уверенно завершен [Бахтин 2000а, с. 44-47].

По мнению М.М. Бахтина, попытка героизировать Базарова для Тургенева оказалась неудачной: «...но с героем, в котором автор увидел силу и хочет героизировать, он не может справиться. Перед Базаровым все пасуют, пасует, виляет и хочет польстить и сам Тургенев, но вместе с тем ненавидит его» [Бахтин 1997, с. 560]. Это произошло вследствие того, что

герой, согласно мнению исследователя, завладел автором. И писатель занял по отношению к своему герою двойственную позицию: желая польстить, одновременно боялся его.

Другой вектор рассмотрения героической темы в творчестве Тургенева в современной научной литературе был задан В.М. Марковичем, который в книге «Человек в романах Тургенева» за точку отсчета принял не культуру и жанр, а тургеневского человека и родовую сущность тургеневского романа. Для Марковича «тургеневский герой-идеолог – не воспитанник соответствующей нравственно-философской культуры, а ее творец. Тип культуры, с которым связан в романе главный герой, не предшествует его личности, воздействуя на нее извне. Не она его формирует, а он ее – отсюда возможность его внутренней свободы по отношению к ней» [Маркович]. Впервые в истории отечественного литературоведения ученым была разработана подробная классификация не только главных героев произведений Тургенева, но и второстепенных. Кроме того, в исследовании был поставлен вопрос о том, кто из персонажей писателя может быть актуализирован как Герой.

Как полагает В.М. Маркович, низший уровень взаимоотношений человека и общества воплощен во многих персонажах писателя, объединяющихся на почве однородности своих взаимоотношений с общественной средой, а в конечном счете, однородности своего отношения к миру. Опираясь на этот признак, исследователь включает в один типологический ряд таких не похожих друг на друга персонажей, как Пандалевский и Пигасов, отец Лизы Калитиной и жена Лаврецкого, Паншин и Гедеоновский, Курнатовский и Николай Артемьевич Стахов [Маркович].

Более высокий уровень взаимоотношений человека и общества, по мнению исследователя, отличает присутствие духовности в жизненной позиции человека. Особый характер внутреннего содержания и форм проявления этой духовности уравнивает и сближает также несходных персонажей: Лежнева и Волынцева, Басистова и Михалевича, Берсенева и Шубина, Павла Петровича, Николая Петровича и Аркадия Кирсановых [Маркович].

Наконец, в системе персонажей в романах Тургенева присутствуют герои, которых можно отнести к высшей категории, принадлежность к которой обусловлена их значимой сюжетной ролью. Это главные герои или героини, чьи характеры и судьбы выдвинуты писателем на первый план. Решающим признаком, объединяющим персонажи одного уровня, также является определенный тип отношения личности к среде, к обществу, к миру. Этот признак неожиданно сближает таких во многом противоположных героев, как Базаров и Рудин, а их обоих, в свою очередь, – с Еленой Стаховой и даже с Лизой Калитиной [Маркович]. Тургеневский герой, относящийся к «высшей категории», – это, по словам В.М. Марковича, «эпохальный человек в самом высоком смысле этого слова. Через него реализуются высшие возможности эпохи, через него входят в мир творческие импульсы прогресса» [Маркович]. Даже свойства его характера непосред-

ственно историчны: они придают определенную окраску важнейшим явлениям современной культуры. Как ни различны по многим критериям и параметрам эти герои, основы их жизненных позиций обнаруживают общность в самом существенном. То, ради чего живут герои Тургенева, достигшие высшего уровня, отъединяет их от всего, что происходит в окружающем их мире и от всего, что возможно в его рамках. Даже когда герой или героиня сами стремятся к согласованию своих целей с наличными формами общественной жизни, у них ничего не получается. И, как показывает Тургенев, ничего получиться не может. Это фатальное «ничего не может получиться», по мнению В.М. Марковича, придает ни от кого и ни от чего не зависящим тургеновским героям трагический ореол. Этот трагизм, в свою очередь, делает тургеновского героя героической фигурой, а тургеновский роман – романом, который достигает масштаба трагедии.

Следующим этапом в развитии литературоведческой рецепции тургеновских героев как подлинно героических личностей стало исследование Н.В. Николаенко «Герой и проблема героизации в романном творчестве И.С. Тургенева», в котором, в частности, утверждается, что несостоявшаяся героизация означала на деле обнаружение новой субстанции героического. Персонажи тургеновских романов, по мнению литературоведа, не обладают истинными «героическими» чертами, они не идеализированы, но «именно эти персонажи становятся в романном мире «героическим центром» и приковывают к себе интерес от первого момента до последнего» [Николаенко]. Н.В. Николаенко обращает внимание на то, что героические черты обретаются Героем, когда он проходит испытание любовью. И это несколько противоречит общепринятому мнению, что как раз испытание любовью тургеновский герой не проходит. Свои выводы Н.В. Николаенко основывает на том, что любовь предоставляет тургеновскому Герою возможность приобщиться к красоте – важному для Тургенева смыслообразу. Ею утверждается мысль о том, что каждый из персонажей Тургенева «по-своему переступает черту, которую не переступают другие и за которой царят любовь и красота в их абсолютном выражении. За этой чертой их ждет гибель, разрушение формы, а в другой перспективе – не гибель и разрушение, а акт их приятия всеобщим, для которого – смерть лишь мгновение, а жизнь вечная и бесконечная» [Николаенко]. В этом суждении Н.В. Николаенко идет дальше своих предшественников. Не только готовность к смерти и трагическая судьба могут служить ориентирами героического, но и способность тургеновских героев открывать для себя «запредельную красоту». Иначе говоря, герои могут быть приобщены к метафизическому измерению.

Проведенный анализ суждений современных литературоведов позволяет установить эволюционный характер рецепции героического в романах Тургенева.

Современные исследователи так же, как критики XIX в., в своем восприятии категории героического в произведениях писателя занимают различные позиции. Их точки зрения в совокупности представляют собой, с одной стороны, разнородную картину рецепции творчества Тургенева, восходящую к суждениям Д.И. Писарева, Н.Н. Страхова, Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина; с другой – новые концепции в изучении категории героического в тургеневских романах, связанные с обращением к жанру, к образу человека, к способности героев соприкоснуться с «запредельной красотой», что в полной мере свидетельствует о потенциале исследовательской стратегии в освоении творческого наследия классика.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000а.
2. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Русские словари, 1997.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000б.
4. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. – М.: Искусство, 1968. – Т. 2.
5. Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Статьи и рецензии 1860-1861 гг. – М.: Художественная литература, 1987.
6. Дружинин А.В. Повести и рассказы г. Тургенева // Прекрасное и вечное. – М.: Наука, 1988.
7. Затеева Т.В. Концепция личности как жанрообразующий потенциал народнического романа // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. – Вып. 10. – Улан-Удэ, 2010.
8. Маркович В.М. Человек в романах И.С.Тургенева [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.Lit.phil.ru/article.php?id=21>
9. Николаенко Н.В. Герой и проблема героизации в романном творчестве И.С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.Diss.rsl.ru>
10. Писарев Д.И. Базаров // Писарев Д.И. Литературно-критические статьи. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976а.
12. Писарев Д.И. Писемский, Тургенев и Гончаров // Д.И. Писарев Литературная критика. – Л.: Художественная литература, 1981.
13. Писарев Д.И. Реалисты // Писарев Д.И. Литературно-критические статьи. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976б.
14. Страхов Н.Н. И.С. Тургенев «Отцы и дети» // Страхов Н.Н. Литературная критика. – М.: Современник, 1984.

Ленхобоева Татьяна Робертовна, аспирант кафедры русской литературы Бурятского государственного университета.

Lenkhoboeva Tatyana Robertovna, postgraduate student, department of russian literature, Buryat State University.

Тел.: +7-9246533812; e-mail: ltr_1@mail.ru

УДК 82-2

© *Н.И. Вторушина*

**Развитие аксиологических доминант в драматургии С Лобозёрова:
от «Семейного портрета с посторонним»
к «Семейному портрету с дензнаками»**

На материале драматической дилогии Степана Лобозёрова делается попытка выяснить, как отразилась в эволюции его художественной аксиологии смена исторических эпох (от перестройки к 1990-м гг.).

Ключевые слова: художественная аксиология, нравственные ценности, материальные ценности, традиции, деревня, семья.

N.I. Vtorushina

Evolution of axiological views in Stepan Lobozerov's playwriting:
from "Family Portrait with a stranger" to "Family portrait with banknotes"

Based on the Stepan Lobozerov's dilogy information, the author attempts to clarify how era change (from Perestroika to 1990-s) has been reflected in evolution of his art axiology.

Keywords: art axiology, moral values, wealth, tradition, village, family.

Пьесы «Семейный портрет с посторонним» (1991) и «Семейный портрет с дензнаками» (1994) занимают особое место в творчестве современного драматурга Степана: они составляют единственную в его творчестве дилогию – объединены общими героями, одним местом действия, преемственностью сюжета. Кроме того, сходны и композиции пьес: завязкой обоих драматических произведений является вторжение в размеренный ход деревенской жизни кого-то или чего-то постороннего, чужого, нового («сумасшедшего» городского гостя, мешка с деньгами), после чего рушится весь привычный уклад жизни героев и закручивается интрига.

Обращение к дилогии позволяет Лобозёрову акцентировать внимание на проблеме времени и отношении к нему героев. С одной стороны, короткими, но выразительными штрихами нарисованы грандиозные перемены, произошедшие в обществе, с другой – при показе жизни обычной российской семьи акцентирована удивительно стабильная картина мира: меняются эпохи (на смену перестройке приходят 90-е), в городах, как грибы после дождя, появляются коммерсанты с новыми представлениями о жизни, а деревня с ее традиционным укладом остается прежней.

«Семейный портрет с посторонним» и «Семейный портрет с дензнаками» – две истории, анекдотические и трагикомические, которые произошли с одной семьей в одном и том же доме, но с разницей в несколько лет. Причем показаны два исторических периода – конец 80-х годов и 90-е годы, отличающиеся разными системами ценностей. От первой пьесы ко второй претерпевают изменения не только мечты и мысли героев, но отчасти и ценностная система самого автора.

Одна из главных ценностей автора и, думается, большинства героев – семья – вынесена в названия пьес. В «Семейных портретах» Лобозёров не только обнаруживает связь с предшествующей историко-культурной и литературной традицией, но и показывает своё ироническое, иногда критическое отношение к жизни. Причем, апелляция драматурга к культурной традиции имеет два слоя. Первый связан с понятием «портрет» (достаточно вспомнить «Портрет» Н.В. Гоголя, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда), когда в центре внимания оказывается герой, постепенно теряющий себя. Вопрос о сущности личности и ее видимости облекается здесь в формы портретные, живописные, что позволяет ставить вопросы и о сущности искусства, и о вмешательстве в жизнь человека дьявольских сил.

Второй и более актуальный для Лобозёрова слой связан с понятием «семейный портрет». По сложившейся в живописи и позднее в фотографическом искусстве традиции, семейный портрет – это изображение всех членов семьи, от младенцев до стариков, на котором герои либо демонстрируют нежность и любовь по отношению друг к другу, либо своими позами и взаиморасположением показывают сплоченность, единение, согласие. На семейном портрете не может быть чужих людей и предметов, отвлекающих внимание от семьи (например, мешка денег), поэтому названия «Семейный портрет с посторонним» и «Семейный портрет с дензнаками» можно рассматривать как оксюмороны, задающие пьесам комическую (вначале юмористическую, затем сатирическую) направленность и одновременно интригующие читателя. Драматург прекрасно понимает, что семейный портрет – это портрет «парадный», а в повседневной жизни, скрытой от глаз тех, кто любит портретом, в семье могут быть и непонимание, и бытовые ссоры, и серьезные конфликты, и настоящие драмы.

Именно это происходит с Лобозёровскими героями, чьи семейные портреты оба раза оказываются испорченными: в первый раз «в кадр» случайно попадает посторонний (и это еще полбеды), а во второй раз члены семьи слишком разобщены внезапно свалившимся на них богатством, чтобы портрет получился удачным. Следуя реалистической традиции, Лобозёров не идеализирует семью и избегает пасторальных сцен, как раз наоборот, он отчетливо понимает, какие опасности угрожают «ячейке общества» и какие усилия нужно предпринять, чтобы ее сохранить в каждом отдельно взятом случае.

Еще один интересный момент в поэтике названий, характерный для драматурга, связан со второй частью названия. Понятие «посторонний» отсылает отчасти к повести А. Камю «Посторонний» (1942) и к комплексу экзистенциальных представлений о смысле жизни и образе проживания жизни. Прямой связи с Камю нет и, более того, не может быть, но опосредованная – влиянием экзистенциализма на мировой литературный процесс, актуализацией вследствие этого самого концепта, – очевидно, есть.

Интересно, что посторонний не просто синоним понятия «чужой». Дихотомия «свой – чужой» имеет глубокие исторические корни и свойственна для культур всех народов. Концепт «посторонний» не обладает широтой

и универсальностью концепта «чужой», сфера его применения связана с жизненной конкретикой, определенным коллективом, в данном случае – семьей, определенной ситуацией. Значение, приданное Камю этому концепту, стало включать в себя идею посторонности человека самой жизни, принятым формам проживания жизни, реагирования на ее ход и события. Приезжий из города Виктор заведомо посторонний, ему не дают стать своим, близким, не только потому что один из героев – Михаил интригуется против него, но и потому, что город здесь заведомо посторонний по отношению к лобозёровской деревне.

Сюжет «Семейного портрета с посторонним» строится на комическом непонимании между семьей и Виктором, который приехал из города украшать сельский клуб к празднику. В основе этого непонимания лежит шутка, розыгрыш – важнейшая типологическая особенность жанра комедии (вспомним прием античной комедии *qui pro quo*). Захватывающая интрига разворачивается с неожиданного заявления Михаила, работника клуба, о том, что Виктор – сумасшедший. То же самое Михаил сообщает Виктору о хозяевах дома. Мотивы Михаила понятны – таким способом он пытается оградить свое чувство к Тане, дочери Тимофея и Катерины, которая вызвала у приезжего неподдельный интерес. Постепенно и членов семьи, и гостя охватывает безотчетный страх, подогреваемый различными комическими ситуациями. Истинное положение вещей раскрылось бы, если бы герои умели слушать друг друга и обладали известной долей проницательности, но они слишком заняты бытовыми проблемами и не успевают задуматься о том, что происходит в действительности. Прибавим к этому недоверие ко всему чужому, характерное для деревенских жителей, и станет понятно, как семья Тимофея и Виктор дошли до того, чтобы всерьез опасаться за свою жизнь и нести караул с топором в руках.

Пьеса «Семейный портрет с посторонним» – вторая после пьесы «По соседству мы живем» (1985), в которой Лобозёров показывает традиционную трехпоколенную семью – это бабка, ее сын Тимофей, невестка Катерина и внучка Таня, живущие в одном доме. По мнению автора, только такая семья является полной, нормальной и правильной. Точно так же рассуждают и герои. «И как это люди по одному живут? Ужась!», – удивляется Тимофей [Лобозёров, с. 110]. Впоследствии более четко мысль о том, что у него «семья полный комплект – три поколения и в дружбе с соседями», выразит Николай, герой трагикомедии «Вечерний звон» (2012). Конфликт пьесы разворачивается исключительно на внутрисемейном уровне. Отдельными штрихами автор намечает социальную обстановку 80-х – времени перемен и неустроенности, когда на клубах еще вывешивали лозунги, но в частных домах уже можно было открывать гостиницы. Но социальный уровень в комедии неявно выражен и, очевидно, потому, что воплощен, воспроизведен на уровне семьи. Для Лобозёрова обычная семья с ее горестями и радостями в чем-то важнее и ценнее «портрета эпохи».

Такой путь изображения человека – прямой, не опосредованный изображением социальной неустроенности – дал основание С.Я. Гончаровой-Грабовской причислить героя Лобозёрова к «аграрным маргиналам» [Гончарова-Грабовская, с. 24]. Маргинальность трактуется исследователем как состояние «выброшенности» из общего хода жизни. Герои Лобозёрова, действительно, не участвуют в ключевых событиях эпохи, лишь изредка обсуждают на бытовом уровне отдельные социальные реалии («В магазине хоть шаром покати» [Лобозёров, с. 109], «Комбикорм уже за сто стал» [Лобозёров, с. 241], «Тут вон недавно залезли и из-за пенсии деда с бабкой порешили...» [Лобозёров, с. 251]), однако так живут не только маргиналы, если позволено применять это понятие в литературоведении, а большинство обычных, нормальных людей. Можно полагать, что Лобозёров уловил общую, согласно исследованиям социологов, тенденцию современного российского общества – преобладание «частного» человека над «государственным», при которой главным для человека становится не судьба государства, не дело и не идея, а благополучие семьи. Семья, дети, деревенский дом – эти онтологические ценности драматург последовательно выражает от пьесы к пьесе. Счастье лишь в семье видят и герои других российских драматургов рубежа веков: Татьяна и ее мать («Пока она умирала» Н. Птушкиной), философ Хома Брут («Панночка» Н. Сагур), Валентин («Уйди-уйди» Н. Коляды), Евгений Тимошенко и его жена («Мы идем смотреть Чапаева» О. Данилова).

В целом ценности героев комедии «Семейный портрет с посторонним» совпадают с традиционными нормами поведения человека в русской культуре: вместе собираться на ужины и домашние праздники, во время застолья по законам жанра величания выказывать преувеличенное уважение к виновнику торжества, не бездельничать, не злоупотреблять алкоголем. Даже Тимофей, который в пьяном виде упал с мотоцикла и сломал ногу, не является исключением, ведь сам он не считает себя ни пьяницей, ни лентяем. Простые, нерелексирующие герои Лобозёрова не могут посмотреть на себя со стороны и дать оценку своим поступкам, поэтому всё, что они делают, кажется им правильным и нормальным. Тимофей искренне считает себя настоящим мужчиной, хозяином дома. Он не видит, как смешны и по-детски нелепы его требования срочно купить костыли, устроить именины и угрозы в случае отказа: «Каждый день теперь буду сбрасываться (с кровати. – *Н.В.*)! Через час буду! Пока весь гипс не рассыпется!» [Лобозёров, с.102]. Но для автора ненормальность ситуации, когда мужчина превращается в ребенка, а женщина берет на себя все тяготы жизни и всю ответственность за семью, не является очевидной.

Важной ценностной доминантой в пьесах Лобозёрова является праздник. При этом персонажи пьес и их создатель понимают праздник по-разному. Для героев праздник – это либо традиционное застолье с участием всех членов семьи, гостей, большим количеством еды и алкоголя, либо исполнение незатейливой мечты (новые запчасти к мотоциклу, три денечка

отдыха и т.д.). А для автора праздник – это, прежде всего, состояние гармонии, умиротворенности в душе человека, согласие с самим собой и с окружающим миром. Это то, чего его герои подспудно жаждут, по-своему ищут, но найти не могут. Либо нет согласия с окружающим миром, либо с собой, либо с тем и с другим вместе взятым. В финале пьес герои, как правило, вовлечены в авторскую концепцию праздника, но ни у автора, ни у читателей нет уверенности в том, что в будущем герои смогут удержаться на этой ценностной позиции.

Главной аксиологической мерой для героев комедии «Семейный портрет с посторонним» становится жизнь котят, которых родила на чердаке кошка. Герои сопротивляются – активно или пассивно, осознанно или неосознанно – тому, что большинству деревенских жителей кажется делом обыденным, практичным и даже гуманным – утоплению слепых котят. Ни Катерина, ни Тимофей, ни бабка, ни Таня не рассуждают о праве на жизнь живых существ, в том числе и животных, о сострадании, о соблюдении христианских заповедей, в которых не сказано, кого именно «не убий». Героям просто жалко котят, и это простое человеческое чувство оказывается в аксиологической системе автора выше книжных рассуждений. Симптоматично, что утопить пишущих котят вызывается только Михаил, и то не ради меньшего зла, а для того, чтобы снова наладить отношения с Таней и ее семьей, угодить им.

В финале «Семейного портрета с посторонним» торжествует жизнь и продолжение рода: гордая собой кошка приносит в дом котят, раскрывших глазки, а Тимофей начинает петь старинную песню, прекращая вызванную котятками суматоху и объединяя вокруг себя семью. Песня или музыка в финале, характерные для многих пьес Лобозёрова, выступают как умиротворяющее, примиряющее, объединяющее начало и противопоставляются хаосу жизни. Почти во всех пьесах драматурга конфликт разрешается только тогда, когда герои приходят к пониманию и согласию – важным гносеологическим ценностям автора.

Вторая часть дилогии – трагикомедия «Семейный портрет с дензнаками» была написана через три года после первой. Дензнак в пьесе – это не просто купюра того или иного достоинства. Это некая печать, выделяющая своего обладателя из толпы и одновременно отделяющая его от окружающих, лишаящая простых человеческих радостей: искреннего общения, дружбы, подлинного уважения, отчуждающая оценку человека от его личностных качеств. Речь в пьесе не идет об идее отказа от денег, как раз наоборот, драматург ценит в своих героях способность работать и зарабатывать, бережливость, хозяйственность. Однако как только герои придают материальному достатку первостепенное значение, деньги «превращаются» в дензнаки, вытесняя традиционные ценности: семью, детей, дом. Изображение дензнаков на семейном портрете – это признак не благополучия, а кризиса.

М. Дубнова отмечает, что в драматургии 1990-х гг. тема денег наряду с темами семьи, счастливого случая, изменения судьбы в худшую или лучшую сторону становится одной из основных. При этом критик относит С. Лобозёрова и В. Гуркина к особой группе авторов – редкой в российской драматургии указанного периода, в пьесах которых нет ни фатальных перемен к худшему, ни чудесного везения, после которого жизнь обязательно будет счастливой и безоблачной [Дубнова 2003б]. Необратимые перемены к худшему происходят с героями пьес первой половины 90-х: проститутки выселяют из Москвы, одна из них погибает («Звезды на утреннем небе» А. Галина); эмиграция обернулась унижением («...Song» А. Галина), сошла с ума героиня («Мурлин Мурло» Н. Коляды), сломаны судьбы женщин («Охотничий стол» В. Мережко), новая жизнь принесла лишь нищету и беспросветность («Сирена и Виктория» А. Галина). Во второй половине десятилетия появляются пьесы, в которых персонажам сказочно везет. Чудесным кажется везение Евгения Тимошина из пьесы О. Данилова «Мы идем смотреть «Чапаева», почти рождественские чудеса случаются в пьесе Н. Птушкиной «Пока она умирала».

В пьесах Лобозёрова жизнь персонажей остается такой же трудной, как и была, и даже «чудо» – перевод на солидную сумму денег – не гарантия счастливого финала. Обращение к теме денег (чуда), таким образом, не привязывает героев Лобозёрова ни к сказочной или утопической жанровой традиции, ни к трагедийному жанру. Взаимоотношения мира и человека, судьба человека подвержены в мире Лобозёрова иным законам.

Мотив денег характерен для многих произведений русской литературы: это и «Недоросль» Д.И. Фонвизина, и «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина, и «Портрет», «Ревизор», «Мертвые души» Н.В. Гоголя и романы Ф.М. Достоевского, и драматургия А.Н. Островского, и «Вишневый сад» А.П. Чехова [Романова]. Однако в русской классической литературе деньги чаще всего не объект изображения, а средство раскрытия персонажа, способное высветить его с той или иной стороны. В современной же драматургии деньги нередко выходят на первый план и приобретают почти ведущую роль, судьба персонажа подчас решается количеством у него денег («Мы идем смотреть «Чапаева» О. Данилова, «Чума на оба ваших дома!..» Г. Горина, «Мурлин Мурло» Н. Коляды и др.). Деньги становятся одной из основных ценностей в драматургии 90-х, они важны и нужны, размышления о том, где достать денег, занимают основное время в сюжете.

Интересно, что счастье или несчастье героев, как правило, не зависит от того, сколько у них денег. «Счастье или несчастье “маленького человека” на сцене зависит не от того, набит ли его кошелек и сколько ему лет. Чаще всего потому, что лет как раз много, а кошелек – тощ. Человек в этих пьесах счастлив, если у него есть семья и крепкий дом (пьесы С. Лобозёрова, В. Гуркина, Н. Птушкиной, С. Злотникова, О. Данилова), несчастлив, если семьи нет или она распадается, а дом разрушается (пьесы Н. Сакур,

А. Галина, Н. Коляды, А. Гельмана, В. Мережко)», – пишет критик [Дубнова 2003а]. Таким образом, в пьесах 1990-х гг. человек счастлив, если у него есть семья; но жизнь можно считать удавшейся, если есть и семья, и деньги.

В основе сюжета лобозёровского «Семейного портрета с дензнаками» лежит парадоксальная ситуация: Тимофей получает от племянника денежный перевод на фантастическую, по деревенским меркам, сумму в сто пятьдесят тысяч рублей. Эта новость моментально всколыхнула всю деревню, которая сидит без работы, живет на одних пенсиях, «зубами щелкает» и обросла всевозможными домыслами. Масла в огонь подливает бабка, которая из добрых побуждений пускает слух о том, что «деньги не настоящие... а золото всё отдали» [Лобозёров, с. 251]. Всё это приводит к тому, что Тимофей и его семейство всерьез готовятся к неминуемому, по их мнению, приходу грабителей.

Конфликт этой пьесы по сравнению с «Посторонним» усложняется, постепенно выходя на онтологический, социальный и духовный уровни. Онтологический пласт конфликта связан с вопросом о надлежащем, правильном образе жизни человека. Лобозёров отражает сумятицу мнений, характерную для современной эпохи. В чем заключается умение жить – в соблюдении исстари заведенных правил, как живут деревенские жители, или в способности всеми путями зарабатывать капиталы, как делают жители города? Об этом спорят Тимофей и городской сват. Герои отстаивают свою точку зрения, пользуясь сниженным, просторечным языком («поганенький грибок», «дурак», «замшелая уборная»), но важность поставленной проблемы от этого не уменьшается. Нетрудно понять, что в этом споре драматург целиком на стороне Тимофея, отстаивающего исконный уклад жизни. В представлении автора деревня по-прежнему является оплотом традиций и нравственности.

Интересно, что деньги, даже и не сказочные, в обычном человеческом мире становятся катализатором процессов отчуждения. Тема постороннего вклинивается во вторую пьесу Лобозёрова: сразу же после получения денежного перевода начинается отмежевание Тимофея и его домочадцев от односельчан, которые и завидуют внезапно разбогатевшей семье, и подозревают, что деньги заработаны криминальным путем. Постепенно тема усиливается: Тимофей на почте во время получения денег чувствует себя чужим, скованным, «посторонним» («На людей уже и глянуть боюсь...», «Сам-то я как окаменел будто» [Лобозёров, с. 247]. А очень скоро чувство отчужденности сменится куда более сильным чувством страха. Появление мотива страха, обычно характерного для экзистенциального взгляда на мир, у Лобозёрова трансформируется и приобретает социальную подоплеку. Конфликт достигает апогея именно на социальном уровне, а затем действие разворачивается внутри семьи: грабитель пришел зять Михаил, супруг дочери Тани.

Правда, Лобозёров описывает сцену ограбления с таким живым, естественным юмором, что читателю и зрителю сразу становится понятно, семье

ничто не угрожает (в пьесах Лобозёрова нет смерти вообще. Это свидетельствует об укоренении автора в народной культуре, важнейшими показателями которой является жизнелюбие и жизнерадостность). Комические детали, мастером которых является драматург, позволяют и развивать фабульную интригу, и создавать образ нестрашного мира. «Страшный» преступник с гнусавым голосом оказывается странным: требует не всю сумму, а только сто тысяч, что при настоящем ограблении было бы немислимо. В этой пьесе, в отличие, например, от другой пьесы драматурга – «Коммерсанты» (1990), преступление безобидно и носит почти шуточный характер.

В пьесе «Семейный портрет с дензнаками» Лобозёров продолжает традиции русской классической литературы: для него деньги не ведущая ценность и не залог жизненного успеха, а один из способов раскрытия персонажей. Испытание деньгами (деньги становятся главной аксиологической мерой для героев) порождает нарастание непонимания, если сравнить с пьесой «Семейный портрет с посторонним», в которой непонимание было комическим, легко разрешимым; непонимание в итоге разрушает семью. Духовная сторона конфликта реализуется в новых взаимоотношениях между членами семьи. Семья разделилась на два противоположных по нравственным убеждениям лагеря, причем разделение пространственно маркировано. В одной комнате опьяневшие от водки и легких денег мужчины строят безумные прожекты: «Дворец построим и всю деревню там соберем! А вокруг море! Чтоб на острове, как на Канарах!», «Всю улицу скупим и никому по ней пройти не дадим – гулять будем!» [Лобозёров, с. 270]. В другой комнате женщины ведут невеселую беседу о том, какой теперь будет их жизнь среди нескончаемого пьяного разгула: «Да уж теперь у нас, видно, всё только тележками будет, а горя так целый воз наберется» [Лобозёров, с. 263], «Раньше заикнется про эту бутылку, “нет денег” – да и отстал! А сейчас... Хоть совсем убегай, куда глаза глядят. Окончательный вывод делает бабка: «Лучше уж совсем не приступать к этому богатству» [Лобозёров, с. 267].

Нормы и ценности героев перестают совпадать, межа пролегает между мужчинами и женщинами, частично между поколениями. Изменившийся мир принуждает героев меняться и принимать новые порядки и ценности, нормой становится жизнь «с удобствами», ради которой ничем не гнушаются, но некоторые герои Лобозёрова, ориентированные на традиционные ценности, не могут так поступать.

Отдельного внимания заслуживает Михаил, которого давно обуревают идеи быстрого обогащения. Он мечтает выиграть в телевизионном шоу миллион и читает для этого всё подряд, строит оранжерею, собирается выкопать в огороде «море» и разводить то ли бобров, то ли ондатр. Михаил кланяется сумке с деньгами, как золотому тельцу, первый отрекается от бога, родины, дома и семьи. Тип неудачливого «коммерсанта», увлеченного абсурдными идеями в духе времени, зародился в герое трагифарса «Еще алел над сельсоветом флаг» (1990) и достиг апогея в образе Михаила. Михаил

не просто неумный мечтатель, а человек нравственно ущербный, сознательно возводящий деньги в культ и отказывающийся от традиционных ценностей.

Рассудок мужчин настолько помутился, что они танцуют вокруг сумки, «выделявая разные колена». Традиционный для лобозёровских пьес семейный праздник с обязательным застольем, объединяющим людей, вырождается в бесовские пляски, оргию.

Особенности сюжета, конфликта, построенных на преобладании антиценностей над ценностями, обуславливают жанр пьесы – трагикомедия. Это жанровое определение дано самим автором, однако думается, что неправильно было бы назвать пьесу трагикомедией в чистом виде. Ситуация, представленная драматургом, настолько сложна и многопланова (как и сама жизнь), что происходит обогащение жанра, к трагикомедии подключаются драма, анекдот, фарс. Симптоматично, что анекдотический сюжет «Постороннего» насыщается драматизмом трагикомедии.

Финал «Семейного портрета с дензнаками» похож на финалы всех пьес Лобозёрова: в ответ на молитву бабки сверху начинает литься музыка, заглушая крики беснующихся Михаила и свата. Но есть и отличие: автор уже не может «сохранять нейтралитет» и наблюдать за тем, как развиваются события, ему необходимо высказать свою, наиболее точную точку зрения. От сюжетного выражения своей позиции в финалах пьес, когда некое умиротворение посещает героев и музыка появляется в их жизни, Лобозёров переходит к прямой манифестации нравственной идеи. Бабка, до этого смешная и недалекая, особенно в первой части диалогии, вдруг становится резонером и носителем вековой мудрости и начинает говорить с несвойственными ей эмоциями и интонациями. Авторская воля очевидна, так как на фоне стабильно верных себе героев лишь одна бабка наделяется правом говорить от имени коллективного автора, народа. Ей принадлежит важнейший для данной пьесы авторский концепт – «богачество». В нем воплощено исторически утвердившееся отношение народа к несправедным деньгам, которые губят душу. Ей же принадлежит апелляция к божественной правде, вековой исторической правде: «Не давай Ты нам пока, Господи, ни денег этих, ни золота, а вразуми светом Твоего Разума. А уж когда вразумишь, войдём в ум, да возьмём каждый крест свой, тогда уж пытай нас, Господи, и голодом и золотом» [Лобозёров, с. 271].

Таким образом, за три года, прошедших со дня написания «Семейного портрета с посторонним» до «Семейного портрета с дензнаками», взгляды и мироощущение драматурга Степана Лобозёрова хоть и не изменились в корне, но претерпели существенные изменения. Можно сказать, что мировидение автора стало в большей степени трагическим, чем комическим; Лобозёров продолжает исповедовать традиционные ценности (семья, дом, жизнь в деревне), однако чувствует, что вековой уклад жизни находится на грани исчезновения и что для человека «новой формации» не останется ничего важнее денег. По мнению драматурга, это повлечет за собой потерю всех человеческих качеств, распад семьи, обособление человека от социума.

Стоит отметить, что «Семейный портрет с дензнаками» – первая пьеса Лобозёрова, в которой он обращается к православным мотивам, что говорит о переменах в мировоззрении автора в поисках им аксиологических доминант. Финал пьесы хоть и вселяет надежду на лучшее (причем автор верит не в человека, а скорее, в божественные или сверхъестественные силы), но оставляет ощущение незавершенности, недосказанности. Драматургу неизвестен универсальный рецепт, как в переходное, кризисное время сохранить семью и человеческое лицо, не попасть под власть золотого тельца. Но у людей, верящих в Бога и придерживающихся традиционных ценностей, больше шансов выстоять. В этом, чувствуется, Лобозёров глубоко убежден.

Литература

1. Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века. – М.: Флинта, 2006.
2. Дубнова М. Театральная публика девяностых: бывшие, небогатые и немолодые // Знамя. – 2003а. – № 2.
3. Дубнова М. Чудо, деньги, любовь... Основные ценности девяностых в популярных пьесах десятилетия // Вопросы литературы. – 2003б. – № 6.
4. Лобозёров С.Л. Пьесы. – Улан-Удэ: ООО «Нова-Принт», 2007.
5. Романова Г.И. Мотив денег в русской литературе XIX века. – М.: Флинта, 2006.

Вторушина Надежда Ивановна, аспирант кафедры русской литературы Бурятского государственного университета,

Vtorushina Nadezhda Ivanovna, postgraduate student, department of Russian literature, Buryat State University. Тел.: +7-9146366349; e-mail: hope.13@mail.ru.

УДК 821.161.1

© *О.А. Колмакова*

Дискурс безумия в русской прозе конца XX в.

Анализируется современная русская проза, художественно осмысливающая феномен безумия в исторической и культурной ситуации конца XX в.

Ключевые слова: современная русская проза, дискурс безумия, мотив, архетип юродивого.

О.А. Kolmakova

Discourse of madness in Russian prose of late XXth century

The article presents an analysis of modern Russian prose, in which phenomenon of madness in the historical and cultural situation of the late XXth century is artistically conceptualized.

Keywords: modern Russian prose, discourse of madness, motive, archetype of the holy fool.

Рубеж XX–XXI вв. в русском культурном сознании, более чем в каком-либо другом, отмечен статусом переходности, нестабильности. Одним из маркеров переходности исследователи называют дискурс безумия, характеризующий как состояние современного мира и человека, так и девиантные поведенческие стратегии последнего. В современном искусстве, к примеру, в таких фильмах конца XX в., как «Человек дождя» (1988), «Царевубийца» (1991), «Игры разума» (2001) и др., безумие становится предметом изображения. Художник Илья Кабаков в своих «тотальных инсталляциях» «Сумасшедший дом, или Институт креативных исследований» (1991) и «Дворец проектов» (1998) демонстрирует утопические проекты по спасению мира, авторами которых якобы являются пациенты психиатрической больницы. Социокультурные корни данного дискурса обнаруживаются в сущностной характеристике эпохи, данной В.П. Рудневым: «XX век <...> навел страх и ужас, в нем было две мировых войны, полная смена культурных парадигм, тоталитаризм, геноцид и терроризм. Поэтому в XX в. главными болезнями стали <...> депрессия и шизофрения» [Руднев, с. 221].

Обилие художественного материала о всевозможных патологиях человеческой психики иллюстрирует понижение порога чувствительности к аномалии в современном обществе. Однако помимо социокультурной оценки обращение писателей к дискурсу безумия имеет и иные мотивировки, опирающиеся на достаточно богатую литературную традицию. Так, в текстах классической литературы, например в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя или «Сне смешного человека» Ф.М. Достоевского, мотив безумия символизирует отчужденность личности, поскольку трактуется как разрушение сознания, логической основы, связывающей человека с миром. В произведениях писателей-модернистов безумие героя становится реакцией на окружающий его мир абсурда, как это изображается, скажем, у Л.Н. Андреева или А.П. Платонова, что вписывается в гуманистическую традицию русской литературы, поскольку опирается на сочувственное отношение к безумцу.

В 1989-1991 гг. публикуется ряд произведений неофициальной литературы, так или иначе повлиявших на развитие русской прозы последующего десятилетия, среди которых «Москва-Петушки» (1970) Вен. Ерофеева, «Школа для дураков» (1976) Саши Соколова и «Жизнь с идиотом» (1980) Вик. Ерофеева. В этих андеграундных текстах безумие – не только авторский протест против тоталитаризма, но и способ мировидения, неоднозначный, амбивалентный по своей сути, в котором происходит совмещение двух опытов безумия: «космического, где безумие предстает в его близких, неодолимо влекущих формах, и критического, где перед ним поставлен несокрушимый заслон иронии» [Фуко, с. 46]. Авторы конца XX в. также обнаруживают общее стремление запечатлеть свою эпоху через адекватное ей неструктурированное, «лабиринтное» сознание – дисгармоничное, больное, безумное.

Прежде всего в ряде произведений современных авторов безумный герой изображается как носитель качеств, утраченных в расчеловеченном и лишенном духовных основ мире. Так, в рассказе Т. Толстой «Соня» (1984) о главной героине сказано однозначно грубо: «Соня была дура». Нескладная внешне («голова, как у лошади Пржевальского»), героиня и поведением своим вызывает недоумение и насмешки: «...если на поминках Соня бодро вскрикивала: “Пей до дна!” – то ясно было, что в ней еще живы недавние именины, а на свадьбе от Сониных тостов вяло вчерашней кутьей с гробовыми мармеладками» [Толстая, 2002, с. 6].

Но, в отличие от «нормальных» героев – «негодяя и миляги» Льва Адольфовича или «змеи» Ады, «глупая» Соня – единственный по-настоящему человечный персонаж, имеющий «чуткий инструмент» – душу. Сквозь Сонину «глупость» – «незаменимость на кухне», «готовность погулять с чужими детьми» и, наконец, любовь и самопожертвование – просвечивает все несовершенство, бездушие современного человека.

Поведение Сони – непосредственность, готовность к «игре» – маркирует сознание героини как детское. М. Фуко указывает, что «безумие есть разновидность детства – временного и социального, психологического и органического» [Фуко, с. 506]. У Т. Толстой инфантильность героев – это еще и символ их неприспособленности к жестокой и пошлой реальности, в которой они остаются «вечными детьми». Так, оказавшись в одиночестве, нелепо замерзает дядя Паша («На золотом крыльце сидели...»), скромный интеллигент Симеонов переживает крах мечты («Река Оккервиль»), всю трагедию бессмысленности своей жизни ощущает Петерс («Петерс»). Но поскольку основной составляющей образа этих персонажей является сознание ребенка как безусловная духовная константа, они предстают в ином, наиболее выгодном свете.

Однако «вечное детство» героя у Толстой может символизировать и фундаментальную незрелость, примитивизм мировосприятия, как это изображено в романе «Кысь» (1986-2000). Главный герой Бенедикт обнаруживает сходство с персонажами малой прозы Толстой: он наивен, чуток, сентиментален, по-детски жалостлив: «Погиб колобок. Веселый такой колобок. Все песенки пел. Жизни радовался. И вот – не стало его. За что?» [Толстая, 2001, с. 43]. Исследователи замечают по этому поводу: «...и мы не знаем, смеяться ли над идиотом или вместе с ним увидеть в детском сюжете всеобъемлющую метафору жизни и смерти человеческой» [Лейдерман, Липовецкий, с. 474]. И все же сознанию Бенедикта недоступны истинные ценности – доброта, нравственность, свобода: защищая книгу, он предает духовного наставника, убивает одного из «голубчиков».

Деструктивное содержание мотива безумия в романе Толстой отсылает нас к рассказу В. Ерофеева «Жизнь с идиотом». Объединяет оба текста не только мотив убийства, но и мотив безумного, разорванного сознания, стилистически оформленного как соединение разнородных дискурсов. Герой Ерофеева размышляет: «...упадет еловая шишка в снег, подымутся мириа-

ды слабо заметных невооруженному глазу снежинок, словно сказочный гость брызнул вам в очи бриллиантовой пудрой, брызнул – и растворился в морозной дымке, а вы все стоите в полном восхищении, околдованные этим дивным явлением <...> Щебечут красногрудые усатые самцы, перебивая друг дружку, вон двое вроде бы даже повздорили, крылышками друг на друга замахали <...> – так на совещании в кабинете директора металлургического комбината вдруг напустятся друг на друга, как петухи, два молодых начальника цеха, горячие головы, один кричит: “Ты мне план срываешь!”, а другой в ответ: “Я из-за тебя партбилет ложить на стол не желаю!”» [Ерофеев, с. 8-9]. В приведенном отрывке фенологический дискурс разрушается за счет введения типичной коллизии из «производственного романа» соцреализма.

Подобным образом в романе Толстой сказовый деревенски-идиллический пейзаж разрушается фантастическим вторжением мутантов: «Бенедикт натянул валенки, потопал ногами, чтобы ладно пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки смахнул на пол – для мышей, окно заткнул тряпицей, чтоб не выстудило, вышел на крыльцо и потянул носом морозный чистый воздух. Эх, и хорошо же! Ночная вьюга улеглась, снега лежат белые и важные, небо синее, высоченные клели стоят – не шелохнутся. Только черные зайцы с верхушки на верхушку перепархивают» [Толстая, 2001, с. 5]. Как отмечал М. Липовецкий, «взаимное столкновение <...> осколков культурных кодов порождает *фигуру пустоты*, поглощающую и субъекта, и дискурсы, и культурные установки <...>. Синонимом этой фигуры пустоты становится <...> тема смерти и/или безумия» [Липовецкий, с. 248]. Таким образом, мотив безумия в романе Толстой, как и в рассказе Ерофеева, связан с идеей духовной и культурной деградации человека.

В современной прозе к дискурсу безумия обращаются такие авторы, как Л. Петрушевская и Л. Улицкая. В рассказе Л. Улицкой «Дочь Бухарь» (1994) в Миле, заглавной героине, больной синдромом Дауна, автор видит «бедную творческую душу, загнанную <...> в трудолюбивого уродца» [Улицкая, с. 69]. Сентиментально-мелодраматический сюжет о смертельно больной матери, пытающейся устроить судьбу своей умственно отсталой дочери, получает неожиданное разрешение: не хорошую больницу для «хроников» отыскивает мать, а новую семью, выдав дочь замуж за молодого человека со сходным диагнозом. Стиль высокой поэзии неизменно сопровождает повествование о безумных героях Улицкой: «Брак их был прекрасным... в нем была тайна, им самим неведомая» [Улицкая, с. 78]. Оставаясь «вечными детьми», они живут в особом мире, полном божественной гармонии.

В прозе Л. Петрушевской мотив безумия является сквозным, что превращает художественное исследование болезни в констатацию тотального сумасшествия, пронизывающего и индивидуальное сознание, и сам миропорядок. Галерея героев-безумцев у Петрушевской разнообразна по своему

составу: здесь и сумасшедшие старухи (Анисья и Марфутка в «Новых Робинзонах», баба Сима в повести «Время ночь», бабка Онька в «Теще Эди-па», Вера Петровна в новелле «Кто ответит»), и персонажи среднего возраста, как правило, интеллигенты (отец рассказчицы в «Новых Робинзонах», Анна Андриановна в повести «Время ночь», героини-рассказчицы в новеллах «Свой круг» и «Новый Гулливер»), и больные дети (рассказы «Бес-смертная любовь», «Как ангел»).

Основное содержание мотива безумия у Петрушевской определяется его включенностью в метафизику вины и искупления. В новелле «Кто ответит» (1988) повествователь с горестью размышляет о том, как умирает «в зачуханной больничке» одинокая Вера Петровна, от различных препаратов ставшая к концу жизни безумицей. В финале рассказа «ничья вина» за чужую погибшую жизнь оставляет ощущение вины всех, каждого: «... старуха <...> ни в чем не была виновата. Не виновата – как и все мы, добавим мы» [Петрушевская, 1996, т. 2, с. 32].

В рассказе «Как ангел» (1996) описание слабоумной Ангелины построено так же, как у Улицкой, на антитезе: «тупая морда клыками наружу», с одной стороны, и «открытая душа», верящая в «добро и справедливое распределение между всеми жаждущими» (будь то печенье или любовь) – с другой. Но мир, улица превратили «маленького ангела» в агрессивную «буйную женщину». Авторы изображают смутное чувство вины героев перед их больными детьми, связанное с нарушением некоей «нормы». Если у Улицкой – это национально-культурная «норма» (брак между узбечкой «Бухарой» и русским), то у Петрушевской – нарушение биологических законов жизни (рождение ребенка в позднем браке двух «химиков по ядохимикатам»). Однако финалы обоих рассказов снимают ощущение тотальной дисгармонии человеческой жизни. Улицкая сворачивает психологический сюжет в семейную идиллию, а Петрушевская, напротив, размыкает его в сферу культурных универсалий. Как замечает Л. Панн, «поэтика Петрушевской лучше всего работает не с психологией, а с антропологией <...>, с индивидуальностями не людей, а судеб» [Панн, с.178-179]. В данном рассказе средством универсализации является библейский контекст: «Она (Ангелина. – *О.К.*) идет против всего человечества, вольная и свободная, свирепая, нищая духом, про которых ведь сказано, что их будет царствие небесное <...> мать хлопчет, чтобы не обидели, не убили ее ангела-дочь, чтобы эта дочь не убила ее ангела-мужа, лежащего в кровати, все невинны, думает мать» [Петрушевская, 2008, с. 216].

Мотив безумия у Петрушевской связывается с христианской культурой и посредством обращения к образу юродивого, «мнимого безумца». Героиня новеллы «Свой круг» (1988) сознательно играет роль юродивого в компании друзей, причастных к кругу научной интеллигенции. По мнению А.М. Панченко, «парадоксальное на первый взгляд сочетание этих слов – ‘юродство’ и ‘интеллигентность’ – не должно нас смущать. Юродство действительно могло быть одной из форм интеллигентного и интеллектуаль-

ного критицизма» [Лихачев, Панченко, Поньрко, с. 80]. Героиня Петрушевской изначально, еще до рокового известия о своей болезни, противопоставила себя «своему кругу», кругу «своих» друг другу людей. «Я человек жесткий, жестокий, всегда с улыбкой на полных, румяных губах, всегда ко всем с насмешкой; «А чего, собственно, я сказала? Я сказала правду; «Я одна встревала в тот умственный разговор», который вели Серж и «представитель органов» Валера [Петрушевская, 1996, т. 1, с. 45, 48, 55].

«Активная сторона юродства, – пишет А.М. Панченко, – заключается в обязанности “ругаться миру”, т. е. жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неперемennого условия юродства» [Лихачев, Панченко, Поньрко, с.79].

И сильные мира сего (Мариша – «наше божество» и Серж – «наша неприкосновенность»), и слабые («стукач» и «отщепенец» Андрей и еврей Жора) становятся для героини объектами едких замечаний, нарушающих всякие нормы поведения, принятые в «своем круге». Сначала такая позиция приносила ей только моральное удовлетворение. Но после того, как она узнала о своей неизлечимой болезни, перед ней «открылись новые горизонты» и ее игра в юродство обернулась «самоизвольным мученичеством» ради благополучия сына. Героиня просчитала все точно: «Они все как один не могли видеть детской крови, они могли спокойно разрезать друг друга на части, но ребенок, дети для них святое дело». И вот, переступив через себя, она бьет сына на глазах у «сердобольных друзей» и добивается своей цели: «свой круг» принимает мальчика. «Теперь, – размышляет героиня, – Алешку будут прятать от меня. Его *окружат* вниманием» [Петрушевская, 1996, т.1, с. 66].

В сознании героини существует четкое онтологическое разделение «святого» и «греховного», поэтому ее вера в чудо, в то, что сын ее простит, вполне оправдана. Не случайно вся «сцена избиения младенцев» происходит на Пасху. Таким образом, у Петрушевской мнимо безумная героиня, «самоизвольная дурочка», скрывает под личиной глупости святость и мудрость.

Востребованность юродства как культурного архетипа объясняется тем, что юродивые выражают униженный в современном обществе коллективный разум многих – «маленьких» и «ничем не примечательных» людей. Юродство – последнее прибежище маргиналов, не способных вписаться в социум – будь то компания друзей, или «Система», конфликт с которой показан в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». Веничка живет между адом реальности и раем своих видений. Созданный им «другой мир», мир его сознания, противостоит пафосной лжи действительности. Его идеал – «уголок, где не всегда есть место подвигу». Живущий по законам «своего мира», герой аномален для окружающей реальности. Единственно возможным способом существования в гармонии с собой для героя становится юродство. В манере юродивого произносит Веничка свои патетико-

саркастические проповеди о том, что «все на свете должно идти медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян», о «всеобщем малодушии» как «предикате высочайшего совершенства», о том, что «надо чтить потемки чужой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего», о том, «что жалость и любовь к миру едины» [Вен. Ерофеев, с. 75]. Веничкино пьянство воплощает «священное безумие» юродивого, поскольку дает герою возможность общения с ангелами и Господом (ср.: «Что мне выпить во Имя Твое?»).

В прозе Петрушевской актуализируется концепция безумия, обозначенная М. Фуко как возможность высказывания «в потоке пустой болтовни, по правилам своей бессмысленной и парадоксальной грамматики, нечто такого, что имеет важнейшее, сущностное отношение к истине» [2, с.504]. Прежде эта идея безумия эстетически оформляется в романе Саши Соколова «Школа для дураков». Его герой – одновременно «неуспевающий олух специальной школы», поэт и инженер, «выбравший свободу» и поэтому вольный «являться кем угодно вместе и порознь». Свобода позволяет герою говорить (кричать) о том, что социальный мир болен: «...кричите за себя и за меня, и за всех нас, обманутых, оболганных, обесчещенных и оглупленных, за нас, идиотов и юродивых, дефективных и шизоидов, за воспитателей и воспитанников, за всех, кому не дано и кому уже заткнули их слюнявые рты, и кому скоро заткнут их, за всех без вины онемевших, немеющих, обезязыченных – кричите, пьяня и пьянея: бациллы, бациллы, бациллы» [Соколов, с.118]. Упорядоченности и организованности человеческого социума, воплощенным в романе в «тапочной системе Н.Г. Перилло», противопоставлено бессистемное творческое воображение героя, способного постигать самые сокровенные тайны мира: «...никто не в состоянии выучить шум дождя, аромат маттиолы, предчувствие небытия, полет шмеля, броуновское движение и многое прочее. Все это можно изучить, но *выучить* – никогда» [Соколов, с. 131].

В повести «Время ночь» (1990) и новелле «Новый Гулливер» (1993) Л. Петрушевская обращается к дискурсу безумия в форме того же, что и у Саши Соколова, перволичного повествования. В повести «Время ночь» шизофрения изображается как наследственная болезнь: в больницу для психохроников попадает баба Сима, мать героини-рассказчицы; выясняется, что вторая бабушка ее внука Тимоши так же больна шизофренией; поведение самой Анны Андриановны тоже не вполне адекватно. Если у бабы Симы мания преследования (за ней якобы следит КГБ), то у Анны Андриановны – мания величия: «И опять я спасла ребенка! Я все время всех спасаю! Я одна во всем городе в нашем микрорайоне слушаю по ночам, не закричит ли кто <...> Нести просвещение, юридическое просвещение в эту темную гущу, в эту толпу! Воплощенная черная совесть народа говорит во мне, и я как бы не сама, я как пифия вещаю. Кто бы слышал мои мысли в школах, в лагерях, в красных уголках, дети сжимаются и дрожат, но они запомнят!» [Петрушевская, 1996, т. 1, с. 368].

Сумасшедший герой новеллы «Новый Гулливер» наблюдает в своей комнате жизнь крошечных человечков и ощущает себя их Богом: «Я стою на страже и уже понимаю, что я для них. Я, всевидящим оком наблюдающий их маету и пыхтение, страдание и деторождение, их войны и пиры» [Петрушевская, 1996, т. 2, с. 91].

В рассматриваемых произведениях безумие героев – это то состояние, которое еще Платон обозначил как способ преодоления ограниченности человеческого разума: «Величайшие для нас блага возникают из неистовства (mania)», – [Платон, с.179]. Поэтому страдающие манией величия «новый Гулливер» и Анна Андриановна становятся «авторскими» персонажами: им доверены самые сокровенные мысли писательницы. «Я смотрю за своими, я на страже, но кто бдит над нами...», – тревожится вместе с автором «Гулливер». А устами Анны Андриановны сама Петрушевская предьявляет счет всему миропорядку: «Позволю себе также поразмышлять... О обманщица природа! О великая! Зачем-то ей нужны эти страдания, этот ужас, кровь, вонь, пот, слезь, судороги, любовь, насилие, боль, бессонные ночи, тяжелый труд, вроде бы чтобы все было хорошо! Ан нет, и все плохо опять» [Петрушевская, 1996, т. 1, с. 324].

В конце XX в. к дискурсу безумия обращаются И. Клех в повести «Смерть лесничего» и М. Шишкин в романе «Взятие Измаила» (оба текста опубликованы в 1999 г.).

Повесть И. Клеха «Смерть лесничего» написана от первого лица и, по сути, лишена традиционного сюжета. Предметом изображения писателя становится «дрейфующее» сознание героя. Поездка некоего Юрьева в город его молодости – единственное событие повести, погруженное в цепь его «бесконтрольных воспоминаний», смутных ощущений, «вытесненных на задворки сознания», неясных предчувствий.

Мотив безумия в повести развивается по спиральной траектории, с каждым витком охватывая все большее пространство. Вначале он характеризует конкретных героев: «устроителя» Небесной Украины на Земле Ивана Щека, контуженного сорокалетнего плотника, подписывавшегося «князь»; «дебильную ученицу девятого класса» Марусю Богуславскую, впоследствии жену Щека; преподавателя Юрьева, «обескураженного навсегда собственным предметом, целый семестр читавшего зачем-то на филфаке курс техники безопасности, словно поехавшая мозгами Шехерезада с тысячами историй в жанре производственного черного юмора» [Клех, с. 305].

Далее мотив сумасшествия разворачивается в оценку образа жизни небольшого провинциального городка, «несущего на себе следы, а больше шрамы, специфического, чудаковатого центральноевропейского сумасшествия: старые польки в шляпках с вуальками и прибабасами и невероятным количеством кошек в квартирах, трубачи, скрипачи и уличные художники, хиппи, кухонные и подвальные проповедники, нищие, читающие навзрыд стихи в трамваях, – дурдома были переполнены» [Клех, с. 283].

Вслед за Сашей Соколовым, «поместившим» в своем романе сочинение

ученика «такого-то» «Мое утро», И. Клех «приводит» текст сочинения «умственно отсталой школьницы» Маруси Богуславской по роману «Отцы и дети», рассказывающего о трагической любви Фенечки к Базарову, «прошляпленной русским писателем». Сочинение же Маруси по «Грозе», по словам Юрьева, «заговляло стилизаторский характер фолкнеровского повествования в лучшей части лучшего из его романов» и взывало к известной шекспировской «формуле жизни», трансформированной в такой пассаж: «повесть, рассказанная идиотом, полная... саунда и фурий»² [Клех, с. 315]. Оформленные как «поток сознания», сочинения Маруси иллюстрируют авторскую концепцию жизни, представляющую собой «непрерывный, слепой, утробный поток» [Костырко, с. 341]. Жизнь, по Клеху, поддается упорядочиванию только внешне: так, дядя Юрьева, будучи лесничим, вел погодные записи даже на пенсии, стремясь таким образом «расподобить дни, нашарить их слабый пульс, обнаружить в их смене пусть хотя бы метеорологический смысл» [Клех, с. 321].

Идея бессилия человеческого разума в поиске ответов на главные вопросы бытия сформулирована И. Клехом и в исторической повести «Поминки по Каллимаху» (1985). Ее герой архиепископ Григорий размышляет: «Разум, действительно, в состоянии осветить темные углы мира и очистить их, но значение его инструментально, а права конечны – по своей природе он может давать только конечные ответы на конечные вопросы» [16, с.61]. Впоследствии, чтобы узнать истинное отношение к себе окружающих, Григорий притворится сумасшедшим.

В бесконечном жизненном потоке, поглощающем пространство, время, человеческие жизни, герои И. Клеха ищут и находят нечто вроде духовных вех, опор. В «Поминках по Каллимаху» ими становятся любовь и поэзия, а в «Смерти лесничего» – память.

Тему преодоления жизненного потока развивает М. Шишкин в романе «Взятие Измаила». Его полидискурсивный нарратив организован как хор различных «голосов»: здесь и речи участников судебных процессов, за каждым из которых стоит человеческая СУДьба, и записки иностранцев, демонстрирующие «остраненное» восприятие России, и нарочито сниженные фольклорные тексты, и стилизация древнерусской повести.

Несколько сюжетных линий-историй представляют собой вариации типичного для классического романа «семейного сюжета», который у Шишкина всякий раз подвергается деструкции посредством введения мотивов смерти, болезни и безумия. Показательно, что безумие становится «ответом» на «вызов», брошенный герою самой жизнью, враждебной, не поддающейся рациональному объяснению. Так, в сюжете об адвокате Александре Васильевиче и Кате героиня погружается «в сумеречную действительность» от того, что она, молодая здоровая женщина, родила умственно

² Ср.: «Жизнь – <...> это повесть, // Которую пересказал дурак: // В ней много слов и страсти, // Нет лишь смысла» (У. Шекспир. «Макбет». Акт V. Сцена 5; пер. Ю. Корнеева).

отсталого ребенка; Света, героиня квазиавтобиографической линии романа, лишается рассудка, будучи не в силах вынести нелепую смерть сына; в сюжетной линии об ученом Владимире Мотте в глухой самоедской деревне сходит с ума Д., раскрывший «заговор слов» против человека.

В романе наличествует и такая форма реализации мотива безумия, как мотив «гиперрациональности», представляющей собой, по М. Эпштейну, «такую сверхрациональность, одержимость правилами, принципами, законами разума, которая переходит в свою противоположность – безумие» [Эпштейн, с. 524]. Так, Ольга Вениаминовна, героиня сюжета об адвокате, оценивает увлечение коллекционированием одного из персонажей следующим образом: «Есть вещи, которые я не могу принять в этом человеке. Мне претит его безапелляционность, инерция разогнавшегося тяжелого предмета, самоуверенность обладателя ящичка, в котором шебаршится некое высшее знание, вроде его медитеранского навозника. Он весь – правильность и спокойствие, незыблемая уверенность, что наш нечаянный мир – не волос в чьем-то супе, но овеществленный смысл <...> Он раскладывает по полочкам эту бесконечную кашу из горшочка, что варит жизнь, как раскладывает по коробочкам свою безмозглую дрянь, в уверенности, что все на свете поддается классификации» [Шишкин, с.93]. Позже мотив коллекционирования отзовется в сюжете о современном писателе, который создаст остранный образ музея как «кладбища» «лишенных жизни животных, высушенных растений, минералов и металлов, извлеченных из их естественных месторождений».

Сквозные мотивы и образы романа имеют амбивалентную природу. Так, с образом ребенка связаны не только inferнальные мотивы смерти и безумия, но и идея смысла жизни. Ср.: «Я (Александр Васильевич. – О.К.) стал думать о ребенке – и происходило необъяснимое чудо <...> Вещи, переставшие для меня существовать, потерявшие форму, вид, вес, цвет, ценность, снова проявлялись из пустоты и, обретая наличие, расставлялись по жизни» [Шишкин, с. 320]; «Карпов прижимался к тому месту (животу беременной жены. – О.К.) ухом, щекой <...> И в эти минуты его охватывало <...> удивительное, ни с чем не сравнимое чувство покоя, света, чистоты» [Шишкин, с. 424].

Амбивалентностью характеризуется и мотив коллекционирования, вновь появляющийся в финале. Обратная перспектива как композиционный принцип романа (на что обратил внимание критик [Данилкин, с. 42]) позволяет всем сюжетным линиям соединиться в рамках творящего сознания героя-писателя, чей образ возникает в эпилоге. Конфликтное поле романа перемещается в плоскость языка, что и делает язык одним из персонажей текста, как это происходит у Вен. Ерофеева или Саши Соколова. М. Шишкин дает возможность ощутить плотность, фактурность языка, уподобляя непрерывный поток речи потоку жизни. Именно язык, воплощающий Логос, способен упорядочить, гармонизировать жизнь, сделать ее прекрасной: «А я тогда, в ночном оглушительном поезде, кажется, впервые

понял, зачем нужна коллекция (записанных «случаев из жизни». – *О.К.*). Зачем нужен вот этот гроб. Эта женщина в крематории. Этот лифт. Вот зачем: это – прекрасно. И именно поэтому, а ни почему другому, нужно сохранить гроб с выросшим за ночь отцом, и эту Хароншу с голосом Наташи Ерофеевой, и этот лифт, зовущий к топору, ибо все это – прекрасно» [Шишкин, с. 475].

Д., безумный герой Шишкина, перефразирует знаменитые слова из Нобелевской речи И. Бродского о том, что не язык является инструментом поэта, а он – средством языка. Ср.: «Мы – лишь форма существования слов. Язык является одновременно творцом и телом всего сущего» [Шишкин, с. 235]. Использование стилистики древнерусской повести в отдельных эпизодах романа позволяет соотнести Д. с древнерусским архетипом «умного дурака», который, по словам Д.С. Лихачева, «говорит и видит правду» [Лихачев, Панченко, Поньрко, с. 16].

Итак, в русской прозе конца XX в. безумие становится одной из стратегий художественной антропологии и гносеологии. В ряде произведений современной прозы безумие героя традиционно воплощает разрушение вертикальной компоненты в душевно-духовной жизни человека. Основным способом противостояния тотальному безумию современным авторам видится возвращение к традиционным ценностям: любви, семье, памяти, творчеству. Позитивная семантика безумия также свидетельствует о ценностной дезориентации современного мира и человека, исключая мотив мнимого безумия юродивого и образ «умного дурака», возвращающих современную русскую прозу к древнему слою русской культуры.

Литература

1. Данилкин Л. Михаил Шишкин. Взятие Измаила // Афиша. – 2001. – 17 янв.
2. Ерофеев В.В. Жизнь с идиотом. Рассказы. Повесть. – М.: Интербук, 1991.
3. Ерофеев В.В. Москва – Петушки и пр. – М.: Прометей, 1990.
4. Клевх И. Охота на фазана: семь повестей и рассказ. – М.: МК-Периодика, 2002.
5. Костырко В. Карпатский взгляд // Клевх И. Охота на фазана. – М.: ЗАО МК-Периодика, 2002.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: учеб. пособие: в 2 т. Т.2: 1968-1990-е гг. – М.: Академия, 2003.
7. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-т, 1997.
8. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984.
9. Панин Л. Запретная зона Людмилы Петрушевской // Новый мир. – 2008. – № 12.
10. Петрушевская Л.С. Колыбельная птичьей родины: рассказы, повести – СПб.: Амфора, 2008.
11. Петрушевская Л.С. Собр. соч.: в 5 т. – Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996.
12. Платон. Федр / пер. А.И. Егунова // Платон. Соч. в 3 т. – М.: Мысль, 1970.
13. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: избр. работы. – М.: Территория будущего, 2007.
14. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком: романы. – СПб.: Симпозиум, 1999.
15. Толстая Т.Н. Кысь: роман. – М.: Подкова, 2001.
16. Толстая Т. Река Оккервиль: рассказы. – М.: Подкова, 2002.

17. Улицкая Л. Рассказы. – М.: Эксмо, 2007.
18. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – СПб.: Университетская книга, 1997.
19. Шишкин М. Взятие Измаила: роман. – М.: Вагриус, 2007.
20. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Колмакова Оксана Анатольевна, доцент кафедры русской литературы Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук.

Kolmakova Oksana Anatolyevna, associate professor, department of Russian literature, Buryat State University, candidate of philological sciences.

Тел.: (3012) 459789; e-mail: post-oxygen@mail.ru

УДК 821.512.31

© Г.Ц. Бадужева

Реализация концепта *родная земля* в художественном пространстве прозы К. Балкова

В прозе бурятского русскоязычного писателя К. Балкова выделены и проанализированы две наиболее важные составляющие концепта *родная земля*: степь и Байкал.

Ключевые слова: художественное пространство, природное пространство, концепт, родная земля, степь, Байкал.

G.Ts. Badueva

Actualization of the concept of “native land” in K. Balkov’s prose

The two most important components of the concept of “native land” – the steppe and the Baikal are identified and analyzed in the prose of the Buryat Russian-speaking writer K. Balkov.

Keywords: artistic space, natural space, concept, native land, steppe, the Baikal.

Значение категории пространства как ведущей координаты художественного мира писателя попытаемся рассмотреть на примере творчества одного из ярких представителей русскоязычной прозы Бурятии XX-XXI вв. – Кима Балкова. Об актуализации пространственных характеристик его произведений свидетельствуют и их названия: «Байкал – море священное», «Берег времени», «А поезда идут куда-то», «Кони уходят в ночь», «Идущие во тьму», «Через падь», «На пяточке», «Росстань», «Мост», «Ледовая дорога», «Звезды Подлеморья», «Феклина роша», «На окраине», «У баской речки», «У Черных камней», «На выселках» и др.

Выделяется несколько центров, имеющих большое значение в построении картины мира в произведениях Балкова, вокруг которых развиваются сюжет и характеры персонажей: степь, тайга, Байкал, прибайкальская деревня, послевоенная и современная. В целом данные образы-лейтмотивы художественного пространства составляют концепт *родная земля*. В рас-

сказах Балкова 1980-х гг. герой-рассказчик часто именно в степи ощущает единение не только с родиной, но и со всем миром. В повестях и рассказах 1970-1990-х гг. действие сосредоточено в маленькой прибайкальской деревне, часто расположившейся непосредственно около Байкала. В рассказах и романах 2000-х гг. вновь появляется Байкал, но на этот раз озеро-море предстает как центр вселенной.

В трактовке родной земли русскоязычный писатель соединяет две культуры – русскую и бурятскую. По Ю.С. Степанову, компонентами концепта *родная земля* в русской культуре являются: «а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная е) родным словом» [Степанов, с. 170]. Бурятское и в целом восточное мировоззрение связывает концепт *родная земля* со следующими понятиями: родовая земля – место, где похоронены предки, тоонто – место, где человек родился и где зарыт его послед, пуповина. Один из последних рассказов К. Балкова так и называется – «Тоонто».

Родным пространством для буряты всегда служила степь. С.И. Гармаева подчеркивает открытость, бескрайность степи в бурятском сознании [Гармаева, с. 29]. С.С. Имихелова и С.Д. Ванчикова также видят в бурятской прозе «общность пространства степи, которая является не только системой координат, но также приобретает ценностное для национального сознания значение» [Имихелова, Ванчикова, с. 96].

В рассказе К. Балкова «Матадур» (1984) отражено национальное восприятие степи как родного одушевленного пространства, подчеркиваются его ширь и простор. Но одновременно дана субъективно-онтологическая форма реализации образа степи: «Здесь, в степи, мы не думаем о мальчишеских играх. <...> Тут сознаешь себя частицею огромного денно и ночью работающего мира. Ведь это только не привыкшему к здешнему краю глазу видится степь всегда одинаково безжизненной и унылой. Нет, она бывает разной, степь. А все потому, что она работает. И, если эта работа исполняется ею с удовольствием и в согласии со всем остальным миром, тогда на ее хребтине вырастают цветы и травы наливаются буйной зеленой силой. Если же эта работа в тягость ей или делается под палящим зноем, тогда на десятки километров лишь привядшие стебли ая-ганги да перекатиполо... Но работает не только степь. Работает и небо, и ветер, этот не знающий усталости лихой наездник, который все гонит и гонит куда-то разномастный табун облаков и туч. <...> Мы чувствуем себя не вправе разрушить многотрудную гармонию этого вечного мира» [Балков, 1987, с. 98]. Наряду со специфически национальными деталями вроде характерных для бурятской природы растений, в этом субъективном видении степи отражен характер героя – мальчика, привыкшего к труду, к осмыслению состояния окружающего мира как постоянной непрекращающейся работы, вот почему природное пространство степи воспринимается как одушевленное, «свое», «близкое». В то же время размышления героя вбирают в себя опыт коллективного «мы», именно таким образом объясняется автором их характер, присущий во многом взрослому сознанию. Мир вокруг героя пред-

стает как предмет философских размышлений о сущности бытия.

Вместе с тем в восприятии степи ощущается важная для русскоязычного автора близость другому, русскому сознанию. «Степь ввечеру такая тихая и грустная, что на сердце вдруг возникает тревога, и она все ширится, ширится, и уж некуда деть себя, и тогда на ум приходят слова, тоскливые, вроде этих: “Замерзая, он, чуя смертный час, он товарищу отдавал наказ...” Меня самого нет-нет да и захлестнет еще не понятная мне, но уже остро ощущаемая мною большая грусть выжженной солнцем степи» [Балков, 1987, с. 97]. Это сказывается не только в цитировании строки из русской народной песни, но и в характерном для русского человека (обычно художника в душе) чувства тоски, тревоги, которое всегда было источником связи с миром и, в то же время, отражением разлада с миром как стимула для творчества [Маркович]. В образе-концепте у Балкова можно увидеть как совпадение двух культур в сознании бурятского писателя, так и отражение универсальных смыслов.

В повести «Души живая память» (1989) герой, думая о малой родине, замечает: «Наши предки из той деревни, что стояла в степи. От них, видать, и пошло... робость ли перед Байкалом, а может, просто опаска?... Мало кто из нашей деревни выйдет в море с рыбацкой бригадой. Все больше табуны гоняют за дальние хребты, туда, где степи» [Балков, 1989, с. 8]. Подчеркнутая в данной мысли своеобразная оппозиция образов природного пространства «степь / море» свидетельствует о национальных приоритетах в общении с миром. Но затем, в дальнейшем творчестве писателя художественное пространство будет связано с другим образом – Байкалом. Байкал как составляющая концепта *родная земля* в прозе К. Балкова присутствует, уже начиная с ранних его произведений, но постепенно он начинает доминировать, отодвигая на задний план картины степи. Зато оба образа, заметим, являются основополагающими для писателя: свою роль сыграло и то обстоятельство, что детство автора прошло в Баргузинской долине.

В художественной системе прозы К. Балкова Байкал предстает прежде всего как образ природного пространства, диктующего развитие сюжета, поступки героев, их нравственную оценку. Именно около Байкала зачатую и разворачивается действие произведений. В рассказах, повестях, романах 1970-1990-х гг. автором обозначены безымянные либо вымышленные топонимы на Байкале: деревня без указания названия (рассказ «Акинфий»), деревня Нюрово (роман «Рубеж»), деревня Уринкан (повесть «Мост»), деревня Ехэ-Горхон (повесть «Росстань»), Нестериха и Нестерихинский лесоучасток (роман «Его родовое имя»), рабочий поселок близ Байкала (роман «Байкал – море священное»). В рассказах 2000-х гг. место действия многих произведений связано с Подлеморьем – побережьем Байкала около Кругобайкальской железной дороги, построенной в начале прошлого столетия. Не случайно один из последних сборников рассказов называется «Звезды Подлеморья». Автор конкретизирует названия бай-

кальских мест: Черные камни, Чаечный мыс, Черные скалы, полустанок Пыловка. (Они хорошо знакомы писателю, ведь он живет здесь уже много лет, получив в дар от железной дороги домик).

Для героев рассказов 1980-2000-х гг. (сборники «Ожидание» – 1989, «Звезды Подлеморья» – 2008), прежде всего автобиографического героя-повествователя, Байкал – сокровенное место, важная часть его жизни и судьбы. Озеро-море, вслед традиционным представлениям о нем, выступает не простым водохранилищем, а священным морем. Из него можно черпать «знания, надобные людям». Так, герой рассказа «Хуварак» (2008) искренне считает, что «Байкал-бабушка хранит знания, те, что принадлежали древним людям, а потом были погребены под волнами» [Балков, 2008, с. 74]. Байкал незыблем, как сама вечность: в голове у Акинфия – героя одноименного рассказа, опубликованного в 1989 г., «от деда еще и от прадеда засело <...> крепко: все в этом мире может в одночасье поменяться, только Байкал неизменен, и никому никогда не укротить его норы» [Балков, 1989, с. 233].

Байкальская вода навеивает герою-повествователю рассказа «Вдовья забота» (2008) мысли о других мирах, о неизвестном, что выводит к оппозиции «замкнутое / разомкнутое». Замкнутое пространство Пыловки, часто конкретизируемое любимыми местами: Черные камни, Чаечный мыс, Черные скалы, расширяется в мире видений главного героя до разомкнутого пространства целого мира. Отчетливо выделяется здесь философское начало: «Я любил приходить сюда (мыс около Байкала. – Г.Б.). Мне казалось, что тут время течет по-особенному, не поспешает, обретает спокойствие, так ценное теми, кто много чего повидал в жизни, не больно-то ласковой к ним» [Балков, 2008, с. 108].

Для писателя важно выявление философского осознания связей человека с природой. Многие из его героев, не только Акинфий или Серафим из рассказа «Дерево Серафима» (1989), являются частью сущего. В рассказах из сборника «Звезды Подлеморья» (2008) повествование неизбежно принимает вид внутреннего монолога, где образ Байкала таит тревогу натурфилософского характера: «Побрел к морю. Долго смотрел, как ворочались тяжелые волны. Иная из них взметывалась высоко. Но и самые сильные, таящие неземную угрозу, разбивались о каменистый берег... В движении воды увиделось прежде неизвестное мной, как если бы и она подчинялась не своей воле, а той, другой, про которую можно сказать, что она присутствовала в природе, хотя рождалась не в ней, а в иных мирах. Вдруг подумалось, что все на земле подчиняемо чужой воле, способной нести свет и тепло, но нередко и погубление живому» – [Балков, 2008, с. 98]. Чувствуя себя частью живой природы, герой прозы Балкова воспринимает боль Байкала как свою боль.

Как часть сущего Байкал недаром часто одушевляется. Происходит это во внутреннем пространстве, через внутренний монолог героя. В рассказе «Серебряный изюбр» (2007) это подчеркнуто мыслями героя, который,

слыша навеваемые волнами шум и звуки, сравнивает свое состояние с состоянием Байкала как другого существа: «Само море я теперь не видел, хотя оно лежало у меня под боком, но слышал, как Байкал лениво, как бы даже с неохотой плескался. Наверное, на него тоже навалилась дрема, сходная с моею? Может статься, и ему, священному сибирскому морю, привиделась дорогая тень, и он хотел бы дотянуться до нее зелеными гребнями волн? Но так же, как и я, не в состоянии был сделать это» [Балков, 2008, с. 12]. Изображение моря как существа, способного на некие человеческие чувства, – это весьма распространенный художественный прием, известная традиция, начиная еще с романтической эпохи, но Балкову, на наш взгляд, близка ассоциативная связь с русскими писателями-натурфилософами XIX в., в том числе жившими и творившими в Бурятии О. Серовой или К. Карнышевым.

В рассказе «Наваждение» (2008) герой, совсем как хемингуэевский старик из рассказа «Старик и море», гордится тем, что может совладать с большой волной: «Я привык иметь дело с морем, и оно ни разу не одолело меня». Но, говоря эти слова, герой произведения Балкова ведет себя совсем иначе, чем герой американского писателя, выражая необычайное уважение к Байкалу как к своему другу и собеседнику: «Он сказал так и засмутился, подумал, что ведет себя дурно, хвастаясь. “Иль можно говорить о море так? А если оно обидится?..” Старик воздел руки к небу и сказал тихо, теперь уже обращаясь к Байкалу: “А ты не сердись на меня, батюшка, ладно? Это я так, по-свойски...” Почудилось, что Байкал ответил: “Да нет, я не сержусь”. И на сердце у старика полегчало» [Балков, 2008, с. 178].

Байкал стал частицей души и Серафима (рассказ «Дерево Серафима»): «А чё это будет-то? Иль впрямь светопреставление? Надясь ходил к морю, шумит батюшко, и не чтоб впрямь сердито иль ишо как, а вроде б жалобится. От этого шуму у меня на сердце больно стало, неприятно. И сказал бы: ну чё ты, иль запомнил про то, что батюшко? Но не сказал, посидел на горячем песке, повздыхал и ушел» [Балков, 1989, с. 186]. Образ природного пространства выполняет функцию родного дома, боль за судьбу которого мучит любимых героев Балкова.

Тревога за Байкал пронизывает зрелые произведения писателя. Страдания исконного байкальского помора из рассказа «Дерево Серафима», его трагедия передают прежде всего чувства самого писателя, воссоздающего трагическую картину мира, возникающую в сознании героя. Трагизм усиливается по мере того, как перед глазами встают печальные пейзажи. Отчетливо выделяется мотив крестной муки – отголосок мифа о безвинном страдальце, принявшем на себя все грехи мира ради их искупления: «А Серафим видел море священное, да не то, к которому глаз привык, – простое, ясное, под стать небушку синему, а другое – черное, все в дымах. И мучился, и не мог понять: откуда эти окаянные дымы? Иль нанесло их ветрами шальными? И сейчас перед его глазами стояла эта жуткая картина» [Балков, 1989, с. 189]. Герой-повествователь из рассказов 2000-х гг. также

отмечает трагические, тягостные изменения, связанные с новым временем, например, в рассказе «Видит Бог – доплыву» (2008): «Сказывали, омуль опустился на самое дно. Оттуда его не взять сетями. И это потому, что вода в Байкале потеплела не в меру. Невесть что происходило нынче с морем. Чуть ли не вся побережная водная поверхность покрылась илом, разными водорослями. Даже чайка сделалась мало похожа на ту, какую была прежде. Суетливости в ней прибавилось, что ли?.. А то вдруг начинала кричать, спасу нет слушать» [Балков, 2008, с. 122]. Байкал выступает здесь как наделенный сознанием субъект, чье воздействие испытывают на себе герои, живущие в переходное время.

В связи с пространственной концептосферой отчетливо выделяется в произведениях Балкова 1970-1980-х гг. («Мост», «Его родовое имя», «Души живая память» и др.), в рассказах, написанных в последние годы, оппозиция «свой/чужой», которая трансформировалась в вариант «местный/чужак», и характеризует особое отношение к природе человека, живущего у Байкала. Так, в рассказе «Насильно мил не будешь» (2008) это отношение выражено почти публицистически: «Это верно, к чужакам у жителей Подлесья отношение особенное. Может, иной раз и не выкажут недовольства, однако ж, приглядевшись, тут же и увидишь неприятие в лице ли у них, в глазах ли... С виду неприметное, однако ж только и дожидается, когда спустят с тормозов. И тогда уж нипочем не остановишь его – пойдет чесать... А все, думаю, потому, что люди, приезжающие на Байкал на день – на два, чаще не ладят с местной природой. Для них развести костер, а потом оставить его незатушенным, отчего нередко случаются пожары, иль не прибрать за собой мусор – словно бы в удовольствие. Еще и хвастаются, как славно нынче погуляли. Нету в них робости перед священным морем, уважения к нему нету. Ясно, это не по нраву местным жителям, привыкшим мотажить на байкальском берегу тихо, ничего в окрестных землях не обламывая, а как бы даже норовя приспособиться, сделаться рядом с морем неприметнее, помня про его суровый нрав и ни в какую пору, даже и в самую худшую, стараясь не перечить ему» [Балков, 2008, с. 149]. Авторская позиция явно обретает остроту публицистических высказываний, которая особенно ярко представлена в прозе и публицистике В. Распутина.

Таким образом, концепт *родная земля*, репрезентированный в произведениях К. Балкова разных лет, отражает сознание художника, принадлежащего одновременно двум культурам, и на образы природного пространства – степи и Байкала, как мы убедились, оказал свое воздействие двуединый характер его личности и дарования. Пространственная организация прозы писателя выводит к художественно-ценностной позиции, которая характеризуется единством двух начал – специфически-национального и философски-универсального.

Литература

1. Балков К. Струны памяти: повесть, рассказы. – М.: Сов. Россия, 1987.
2. Балков К. Ожидание: повесть, рассказы. – М.: Советский писатель, 1989.
3. Балков К. Звезды Подлеморья: рассказы. – Иркутск: Родная Земля, 2008.
4. Гармаева С. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997.
5. Имихелова С.С., Ванчикова С.Д. Художественная концепция истории в прозе В. Митыпова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
6. Маркович В. Еще раз о «творческой тоске» // Нева. – 1994. – № 10.
7. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.

Бадуева Гунсэма Цыдытовна, доцент кафедры русской литературы Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук.

Badueva Gunsema Tsydupovna, associate professor, department of Russian literature, Buryat State University, candidate of philological sciences. E-mail: badgu@mail.ru

УДК 821.512.31

© *С.С. Имихелова, О.Б. Грязнова*

**Особенности структуры «текст в тексте» в повестях Г. Башкуева
«Пропавший» и «Записки пожилого мальчика»**

В повестях русскоязычного бурятского писателя Г. Башкуева рассматривается роль структуры «текст в тексте» (вставной текст) в процессе порождения смысла и формирования концепции личности.

Ключевые слова: «текст в тексте», семантическая граница, монтаж основного текста и субтекста, удвоение реальности.

S.S. Imihelova, O.B. Gryasnova

“Text in text” structure features in G. Bashkuyev’s novels
“Missing” and “Old boy’s notes”

The article reviews the role of “text in text” structure (inserted text) in the process of meaning creation and formation of a personality concept in the stories written by Russian-speaking Buryat writer G. Bashkuyev.

Keywords: “text in text”, semantic border, the main text and sub-text arrangement, reality duplication.

Проза бурятского русскоязычного писателя Г.Т. Башкуева (род. в 1954 г.) интересна тем, что ставит вопрос о важнейших источниках самосознания и самопознания современного человека, ощущающего болезненное, чуть ли не патологическое состояние мира. В центре его повестей «Пропавший» (1999) и «Записки пожилого мальчика» (2007) воспроизводится ситуация жестокого внутреннего разлада, в которой оказались их главные герои. В их мыслях и поступках автор подчеркивает незавершенность жизненного поиска, которая тем не менее приобретает вполне за-

вершенный вид в моменты экзистенциального и нравственного выбора. Их размышления об отсутствии собственной воли и самостоятельной позиции зафиксированы в словах героя повести «Записки пожилого мальчика»: «Жизнь прокрутили, как рекламный ролик»; «Зачем существовало, трепетало всё то, что накрыла огромная клякса жизни, поглотив, сожрав время?» [Башкуев, с. 350, 351]. Тем не менее обретение героями Башкуева смысла собственной жизни состоялось несмотря на трагический исход. Такое прочтение позволяет сделать повествовательная структура повестей, где структура «текст в тексте», «произведение в произведении» выступает «генератором смысла», приводя к «переключению из одной системы семиотического осознания текста в другую» [Лотман, с. 13].

Отмеченные повести отличаются особой организацией пространства, наполненного многочисленными универсальными и национальными культурными кодами. Столкновение разнородных семиотических пространств проявляется на границе между основным текстом и «текстом второго уровня», «субтекстом», созданным по иному, нежели основной текст, коду [Рыбальченко, с. 262]. В повести «Пропавший» такими «субтекстами» являются сны и видения героя – Жаргала Нурова. Это традиционные вставные тексты, придающие многоплановость основному тексту. На функцию вставных текстов претендуют также рассказы о двух матерях – Долгор и Ульяне. Но если рассказ о жизни Долгор входит в сюжетное развитие повести, включен в семантическое пространство основного повествования, то рассказ о прошлом в жизни Ульяны поведен ею самой со слов повествователя, и, не затронув смены субъектов повествования, ведет к «удвоению» смысла, подвергается затем интерпретации, раскодированию. Подобные вставные тексты «претендуют представлять реальность и объявляются текстами о реальности» [Рыбальченко, с. 262].

Главный герой Жаргал Нуров, прозванный на русский лад Жориком, вместо того чтобы обустроить свою жизнь в доме, построенном для него отцом-фронтовиком, довольствуется перепадающими случайными заработками, «шабашничает», часто вдали от родной деревни. Такое существование его вполне устраивает, но затем не по собственной воле, а в силу своей легкомысленности, безответственности и сложившихся обстоятельств Нуров оказывается вдали от родной деревни Шулуты: вынужден ехать на поезде далеко на запад, в деревню под названием Берёзовка, чтобы сопроводить старушку Долгор в ее поисках могилы сына Матвея, пропавшего без вести в годы войны, – в извещении указано место его последнего боя.

Состояние героя до знакомства со старухой Долгор передано в одном из его снов – он беспомощная овца, которую выбрали для забоя. В другом сне, когда он, больной, слышит пение ухаживающей за ним Долгор, ему снится родная степь, она «медленно и величаво проворачивается» – и перед ним, маленьким мальчиком, появляется мать: *«Мама, молодая и красивая, пришла босиком по этой степи, положила на лоб, теплый от солнца,*

шершавую, в мозолинках, ладонь, голос ее взмыл над долиной, отразился в хрусталиках синего-синего неба... Где же ты так долго была, эжы?...» [Башкуев, с. 269].

Финал повести трагичен: Жорик погибает вместе со своей спутницей, но, погибая на чужбине, в бескрайней морозной степи, как это ни парадоксально, Жорик наконец обретает дом. Замерзая, он перед лицом неизбежной гибели, снова видит родную степь и мать: *«Мама, молодая и красивая, в одном ситцевом платьице пришла босиком по этой степи, положила на лоб, заиндевевший от холода, тёплую и шершавую, в мозолинках, ладонь... Где же ты так долго была, эжы?»* [Башкуев, с. 286]. Такие развернутые высказывания создают реальность сознания героя, заблудившегося в своей жизни, пропавшего для всех, кто его знал, и вступают в диалог с другим вставным текстом – рассказом Ульяны.

Действие второй части повести происходит в европейской части страны: Москва, Березняки. В названии деревень Березовка, затем Березняки, куда герои попадают по ошибке Жорика, заявлен другой национальный код, ведь «береза» – символ дома/ родины для русского человека, тогда как название Шулуты (шулун – камень) рождает образ камня в степи, характерный для родных мест героев-бурят. Пространственные образы бурятской деревни Шулуты и русской деревни Березняки объединены судьбой двух сыновей, обретших покой вдали от дома. Один погиб за родину, большую и малую, другой – обрел и ту, и другую, объединив два пространства своей непутевой жизнью. Такой семантикой наполняются и «монтируются» две пространственные части повести.

Вслед за рассказом о решении старухи Долгор предпринять последний путь туда, куда ее зовут материнские слезы, где она сможет спокойно умереть рядом с последним пристанищем сына, следует вставной текст – эпизод из военного прошлого, который воспринимается как «текст в тексте». Жорика с Долгор после их неудачного странствия приютит, откормит и обогреет в деревне Березняки Ульяна – еще одна несчастная мать. Во время войны она, чудом выжившая с младшеньким Игорем на руках, потеряла старшего сына-подростка Павлушку, который вместе с другими односельчанами и ранеными бойцами сторел в клубе, подожженном фашистами. И теперь потеряла и Игорька: вот уже десять лет ждет его, уехавшего из дома «счастия искать», все «жданки прождала», а его нет как нет.

Рассказ Ульяны о трагической судьбе жителей Березняков в военное лихолетье – этот «текст в тексте» маркирован не только отступом, но ему предпослана причудливая речь Ульяны, рассказывающей Долгор о своей беде – потере младшего сына в мирную пору, но, когда Жорик входит и замирает у двери, «будто парализованный голосом Ульяны», ее рассказ о прошлом уже набирает силу. То есть читатель «вторгается» в действие вместе с Жориком не с самого начала, но уже захвачен трагедией, не исчезающей из памяти героини, мучительной, как незаживающая рана. *«Мороз лютый, а оне-т раздетые, кто и босой вовси-и! Лопаты им дадены, мо-*

гилки себе рыть...» [Башкуев, с. 279], – так начинается рассказ Ульяны о попавших в плен бойцах. Затем сам «текст в тексте», основываясь на ее точке зрения, строится так же, как основное повествование, но ощущается наличие субтекста – он вписывается в основной текст и воспринимается по-другому, чем сны Жорика.

«Монтаж» двух текстов – основного и вставного – в данном случае осуществляется вполне кинематографически: еще звучит «тихий говор хозяйки с множеством незнакомых, на иной лад, чем в Сибири, произносимых слов» [Башкуев, с. 278], но уже вслед за эмоциональным потрясением Жорика («будто парализованный») читатель «видит», как заживо горели в здании клуба старики, женщины, дети, раненые солдаты, как вместе с клубом полностью выгорела деревня Березняки.

Границей между текстом и «субтекстом», прошлым и настоящим служит реакция слушателей: они не могут сразу прийти в себя, Долгор «окаменела», а Жорик в оцепенении «пошевелил затекшей ногой». Происходит естественный «монтаж» двух текстов, где важна реакция их «читателей». С. Эйзенштейн в работе 1920-х гг. «Монтаж аттракционов» писал о желании найти путь, «высвобождающий» искусство из-под гнета «неизбежной и единственно-возможной "иллюзорной изобразительности" и "представляемости"», о том, что необходимо осуществить «переход на монтаж "реальных деланностей"», допустить «вплетание в монтаж целых "изобразительных кусков" и связно-сюжетную интригу, но уже не как самодовлеющее и всеопределяющее, а как сознательно для данной целевой установки» [Эйзенштейн]. То есть для художника, ищущего новые пути, важно к одной реальности текста вплести другую, не просто созданную по иному коду, а со специальной смысловой, «целевой установкой». Под «аттракционом» кино- и театральным режиссер имел в виду шокирующую зрелищность, такое воздействие на зрителя, когда соединение, скрепление эстетически неравных эпизодов, составляло бы не «самодовлеющее», а сознательное воздействие, которое и рождало бы смысл как «связную интригу».

Финальным эпизодом, продолжающим «монтаж аттракционов», станет трагическая смерть Долгор и Жорика. Но ему предшествует еще один эпизод-«аттракцион» – появление Ваньши, который, со слов председателя Кирьяна Палыча, приبلудился к Ульяне и, используя к своей выгоде ее горе («сынка изображает»), не хочет работать в бригаде («в колхозе, вишь, ему несподручно! Лето вкалывает, девять месяцев водку трескает!»). Жорик не может не увидеть и не почувствовать (вместе с читателем) невыгодную для себя параллель его взаимоотношений с Долгор, а также всей своей шабашнической беспутной жизни. Эпизод этот важен для сюжетной интриги, но не только. Ведь путешествие изменяет сознание Жорика, да и привыкшие к тяжелому труду руки сами требуют («зачесались») взяться за топор и пилу в доме Ульяны, чтобы поправить калитку. Он возмущен самим видом инструментов – все заржавлено, все давно уже не знает руки хозяина, а ведь присутствие в доме мужчины видно по окуркам на подо-

коннике. Вот этот-то Ваньша, «не сын вовсе», надеясь опохмелиться, повезет Жорика с Долгор на санях, зло нахлестывая лошадь, на место гибели бойцов и, узнав, что ему не перепадет «башлей» от приехавших издалека гостей, бросит их замерзать в снежном поле под нещадным ветром.

Встречи в пути, постоянно напоминающие Жорику о его беспамятной жизни и вызывающие чувство раскаяния, сочувствие Долгор, которую в рассказе Ульяны задело то место, где говорилось о раненном в грудь солдате, говорившем не по-русски, – все это усиливается, удваивается благодаря повествованию о Ваньше, в которого Жорик вглядывается, как в зеркало. Конечно, облик этого «двойника» героя выступает в ином, искаженном свете: он кажется Жорику безумным, но от этого собственное раскаяние не теряет своей силы.

Последние видения Жорика – это «текст в тексте», завершающий монтаж событий-«аттракционов» и свидетельствующий о нравственном прозрении героя. Меняется и повествование, поскольку этот фрагмент содержит иной семантический код, потому что в вихре снега, опустив в снег разбитое от вожжей Ваньши лицо, Жорик почувствовал, как изменилось что-то вокруг и там, наверху. «Яростным штопором ввинтился он (очищающий смерч. – С.И.; О.Г.) в Землю, вырвал из чрева ее обожженных мучеников – Павлушку, Таню и слепого бойца, деда Стаса, нерусского солдата и его раненых товарищей, женщин, детей, стариков и собаку Тузика, обдул с их душ пепел, слепил заново избы и по алфавиту, попарно, посемейно и повзводно переселил их на небо...» [Башкуев, с. 286].

Прозрение героя включает не только мистико-фантастические изменения в окружающем мире, оно включает и вполне конкретную, «земную» мысль: оказывается, их путь с Матвей-эжы не завершен, им нужно искать не деревню Березняки, а деревню с другим именем – Березовку, и это открытие сделано благодаря пришедшей на память строчке из официального документа – извещения о смерти Матвея, свято сохраненного матерью. Здесь в сознании Жорика работает уже не зрение, а память, которая пришла к нему как бы свыше. Затем следует финальный «кадр», продолжающий и завершающий движение видения героя: смерч «разодрал со спины куртку, вырвал крылья, и он, зажав ледяное запястье своей спутницы, полетел... взлетел над облаками, неспешно расправил крылья и зрением сапсана высмотрел розовую горбушку горизонта, там расцветали жарки и саранки – сполохами народившегося утра...» [Башкуев, с. 287]. Цветы из детства – это и символическое возвращение на родину как смысл всего жизненного путешествия героя.

В истории Жорика, таким образом, особую роль играют драматичные эпизоды, где работает иной код – движение памяти, движение через беспамятство к истине. И эта духовная работа становится единым стержнем, стягивающим к финалу все сюжетно-фабульные и пространственно-временные узлы повести. Эпизоды-кадры в повести Башкуева не просто присоединяются друг к другу авторским повествованием. Их сцепление

фактически совмещают «тексты» с разным семантическим и языковым кодом, монтируют фрагментарный, словесный материал в цельную, идейную концепцию. С помощью своеобразного монтажа как столкновения разных субтекстов события-кадры из настоящего и прошлого не только не нарушают хронологической последовательности, а способствуют восприятию художественного пространства повести как единства, в котором внутренняя рефлексия героя скрепляется с внешней событийностью. Монтаж основного текста и «субтекстов» – видений, потока сознания героя потому и становится ключевым в повести, что «текст в тексте» стремится историческое время и время субъективного переживания столкнуть и органично ввести в иное семантическое пространство – метафизическую реальность.

По-иному работает структура «текст в тексте» в повести «Записки пожилого мальчика», которая представляет собой цикл из десяти историй-новелл, объединенных памятью и воображением главного героя- рассказчика Болотова Г.Н. и обрамленных рассказом о перипетиях судебного расследования вокруг совершенного им преступления. Фамилия героя указана в официальном документе, которым завершается повесть, а имя – Геннадий, Гендос читатель узнает из его записей-воспоминаний в прямых обращениях к нему его друзей.

В названии произведения содержится указание на жанровую природу повести и обозначение внутреннего состояния рассказчика-героя как человека, много пережившего и иронично называющего себя пожилым мальчиком. Зато текст, скрепляющий новеллы-воспоминания, маркирован курсивным письмом, в нем говорится о самом событии рассказывания от лица Болотова Г.Н., совершающемся на глазах читателя. Лишившись свободы и сидя в изоляторе, он по собственной воле сначала в воображении, а затем на бумаге запечатлевает воспоминания о своей прошлой жизни. Все новеллы – это тексты, принадлежащие герою повести, его исповеди, его версии той реальности, которая предшествовала реальности основного, курсивного текста.

Несколько раз, как это часто происходит в памяти, повторяется воспоминание одного и того же рокового эпизода: желая спасти сумасшедшую женщину (в ней герой узнал когда-то первую красавицу двора продавщицу Ингу) от насмешек и издевательств мелких людишек, он сам приобрел статус сумасшедшего. Герой приводит показания разных свидетелей, которые сводятся к одному «...среди бела дня схватил железный прут и нанес им несколько ударов гражданам, ожидавшим поезда. Отчего один из них до сих пор находится в больнице» [Башкуев, с. 300].

Единство новелл мотивируется принадлежностью всего повествования одному лицу – герою-рассказчику, который является персонифицированным участником событий и в курсивных фрагментах, и в самих записях-новеллах. Если основной (курсивный) текст, предваряющий каждую новеллу, относится к настоящему времени, т.е. времени письма, то сами записки-воспоминания вторичны по отношению к основному тексту, потому

что отграничены от него шрифтовым обликом и отступами. Поэтому все 10 субтекстов представляют реальность воспоминания, пребывания личности героя в прошлом – сначала это мальчик-подросток, мучительно переживающий разрыв в отношениях между родителями, затем переживающий одну за другой влюбленности, а потом женатый и уже разведенный, имеющий сына, в общем – мужчина средних лет. Существование героя повести в двух временных континуумах – "я" в настоящем и "я" в прошлом – и обуславливает соотношение основного текста и «текста в тексте».

Такое построение, когда облик героя удваивается, обостряет и момент игры, что подчеркнута в курсивном, обрамляющем тексте упоминанием о постоянном интересе окружающих к футболу и торжественно-риторической фразой «Игра начинается». Читатель затем в каждой новелле сталкивается с игровым, «несерьезным» отношением героя к окружающему миру (недаром его все наперебой уговаривают быть посерьезнее, не паясничать). На самом деле это отношение позволяет ему вновь и вновь заниматься привычным для всей его сумбурной и запутанной жизни стремлением «убить время». Таким образом, очередная новелла выдается за подлинную реальность (в отдельном издании она даже «вклеивается» вместе с рисунком – еще одним своеобразным, визуальным, «текстом в тексте»), так что основной текст постепенно начинает выступать как «вторичный». Ведь и в настоящем безысходном состоянии, и в воспоминаниях о дотюремной жизни герой-рассказчик только и делает, что стремится убить время. В какой-то момент обыденность и рутина жизни поглотили его, стали нормой, более того – привычкой, второй натурой. По словам героя, жизнь его напоминает бессмысленную рекламу. Отсюда оба текста подвергнуты словесной иронии, за которой скрывается авторское отношение к герою.

На языковом уровне также идет метафорическая игра со словом «игра»: положение «вне игры», утверждение героем принципа «не люблю играть в защите – только в нападении». Происходит тотальная вербализация желания героя «играть», но благодаря удвоению реальности повести это желание также носит двойственный характер: с одной стороны это несерьезное отношение к жизни, с другой – отношение творческое, желание быть свободным в своих воспоминаниях-ассоциациях, свободным в том, чтобы заново, с удовольствием прокручивать как кинолентку эпизоды собственной жизни. И эта игра объявляется героем как способ сопротивления против обыденности, против любой несвободы.

Финал, которому отводится резюмирующая роль, оформлен как «текст в тексте» – это официальный рапорт капитана Судомойкина, в котором он сообщает своему начальнику о том, что з/к Г.Н. Болотов, приблизившись к колючему ограждению, был застрелен, потому как его действия были оценены как попытка к бегству. Основная цель этого заключительного субтекста – констатация произошедшего чрезвычайного события в ИК-19/01. Но для читателя смерть главного героя станет осознанным выбором, продолжением игры как свободного волеизъявления.

Творческая натура требует от героя такого поведения, которое, в конечном счете, станет уходом в творчество. Поэтому все новеллы в повести претендуют быть метатекстом, т.е. текстом, запечатлевающим творческую саморефлексию героя, поскольку перед читателем возникает текст о тексте.

Творческую личность читатель ощущает в языковых особенностях новелл, в необыкновенном умении видеть мир детально, и детали в произведении приобретают статус знака, символа. С их помощью фиксируется, запечатлевается жизненный фрагмент, а также связанное с ним трудноуловимое, неповторимо-мимолетное настроение. Так, картина воспоминаний о семье в сознании рассказчика-героя связана с кожаным регланом и коньками-канадами – мечтой всех дворовых пацанов – все это память об отце-фронтовике («Вещь»); огромным, как буфет, фибровым чемоданом, предоставлявшим массу услуг: готовить уроки, гладить белье, встречать гостей, ходить в баню – символом семейного благополучия («Роман с чемоданом, или лодка без весел»). По мысли рассказчика-героя, когда вещь пахнет любовью, она перестает быть вещью. Эти предметы, как машина времени, переносят героя в счастливую пору, когда он был действительно счастлив. Поэтому до сих пор он бережно хранит и реглан, и чемодан, ощущая через них связь с ушедшим прошлым.

Образу родного дома в новеллах противопоставлен образ «антидома» в основном, курсивном тексте – камеры с казенной пылью, теснотой, обшарпанными стенами, зарешеченным окном. Именно окно выполняет функцию обозначения границы между холодным внешним миром и миром домашнего тепла, окно способствует мысленному (творческому) уходу героя в другую реальность – пространство воспоминания и ностальгии по ушедшему детству, по ушедшему теплу взаимоотношений с близкими людьми.

Сознание рассказчика-героя удваивается: в основном тексте он ощущает себя частью большого живого мира, хотя драматически и лишен пребывания в нем («... в окне появились звезды, они не мигали... Где-то в ночи, позвякивая незакрепленным бортом, промчался грузовичок... тонко и незлобиво гавкнула собака» [Башкуев, с. 291]), а в каждой из новелл, композиционно являющейся «текстом в тексте», пространство и свобода доминируют над всем остальным, как бы имитируя творческий процесс: «Помню просторную комнату, в которой не было ни окон, ни дверей, ни потолка, ни пола; и тебя будто качает в этом сероватом душном облаке» [Башкуев, с.288].

В отличие от повести «Пропавший», в «Записках пожилого мальчика» национальный код стерт – только в названиях улиц, районов, перечислении территориальных объектов угадывается родной город автора. Пространство это носит универсально-провинциальный характер: центральная площадь, воскресная баня, родной двор с колоритными соседями: местная красавица – продавщица Инга, угощавшая вкусными конфетами ребят, склочная баба Крольчиха с грудным ребенком, пенсионер Корнейч с супругой,

сожители Хохряковы. Все это воспринимается как пространство родного дома, комфортная среда существования человека и его семьи.

Не забывая о курсивном тексте, напоминающем раму восточной обрамленной повести, отделяющем одну новеллу от другой, читатель совершает вместе с героем переход в почти карнавальную стихию прошлого, в ту реальность прошлого героя, где его сознание переполнено материально-телесными образами, за которыми встают как события жизни героя, так и обрывки его размышлений, представлений, целой системы ценностей. Сознание героя не может соединять их иначе, как с помощью коллажа. И тем не менее, при всей причудливой разноголосице новелл, в «Записках» ощущается некий лиризм, некое интонационное единство, как в свободном стихе или свободной раскадровке, режиссерски осуществляемом «монтаже аттракционов». Перед нами как бы прокручивается фильмоскоп из диафильмов, этот «волшебный фонарь» советских 1960-х, который опять же увиден взглядом из настоящего.

Андре Бретон методом свободных ассоциаций сближал детские воспоминания и письмо: «Дух, погрузившийся в сюрреализм, заново, с восторгом, переживает лучшую часть своего детства. Это немного напоминает ощущение достоверности, испытываемое тонущим человеком, когда менее чем за минуту в его сознании проходят все непреодолимые препятствия, с которыми он столкнулся в своей жизни... Детские, а также некоторые другие воспоминания возбуждают ощущение неустроенности, а следовательно, и *неприкаянности*, которое мне кажется самым плодотворным из всех ощущений. Быть может, именно детство более всего приближается к “настоящей жизни” – детство, за пределами которого у человека, кроме пропуска, остается всего лишь несколько контрамарок...» [Бретон, с. 381-382].

Ощущение достоверности не оставляет читателя и в «Записках пожилого мальчика». Не только официально-деловой документ в конце повести удостоверяет подлинность персонажа и созданных им текстов. В записанных, созданных творческим воображением и работой памяти героя историях получены сведения о детстве, друзьях, семье, которые позволяют воссоздать достоверную картину бытия рассказчика-героя. В них отразилась не менее важная способность героя вопреки равнодушию, безразличию окружающих передать луч надежды тем, кто отчаялся, потерял веру в добро, запутался в паутине жизни. А это есть та возможная реальность, которая и порождается текстами новелл.

Как и в повести «Пропавший», в заблудшем человеке обнаруживаются не только разочарование и стойкий скептицизм, но и благородство. Первая новелла «Слоны не играют в футбол» ассоциативно сближена с первым курсивным фрагментом (в камере только и слышны разговоры о перспективах футбольной команды), и герой вспоминает о встрече с другом детства Серегой-Слоном, объясняет неловкость взаимоотношений людей, встретившихся спустя двадцать пять лет, тем, что именно ему, Геннадию, принадлежит обидное прозвище Сереги, но неловкость сглажена разговором о

футболе и чувство вины соединяется с чувством благодарности к другу детства, скрасившей одиночество обоих. А через неделю в переполненном автобусе Геннадий слышал, что Сергей Леонидович умер, так как не перенес уход жены. Да, человек слаб и мал, но на самом деле он обладает силой, чтобы для кого-то стать последним лучом надежды в сером тоннеле жизни.

Этой идеей проникнуты и новеллы «Предатель любви», «Свет далекой звезды», «Убить время». Ренат из рассказа «Предатель любви», еще один друг из полузабытого детства, с богатым уголовным прошлым, ответствен перед Аллой и ее двумя дочерьми, так как именно он разрушил их семейное счастье. В «Свете далекой звезды» рассказчик-герой Геннадий не мог отказать Толику в помощи: сначала быть секундантом на дуэли, а потом и свидетелем в загсе, потому что давным-давно, будучи подростками, они дали клятву верности и преданности братству «Союз трех пистолетов». А сейчас затронута честь друга и его «звезды» Стеллы-Светы, ради которой непутевый влюбленный Толик готов и на настоящую дуэль, и на штамп в паспорте, хотя знает, что неизлечимо болен. «Толика хоронили зимой... я шел за гробом, придавленный чувством вины, и утешал себя: пусть у нас так – горько, несладко, да и ведь жизнь наша нестойкая, нескладная, и пускай кто угодно бросит в меня камнем, но история Толика и Светы-Стеллы – история настоящей любви» [Башкуев, с.345].

Реальность новелл, в отличие от обрамляющего текста, не просто создана героем, ее пространство-время пережито и преображено творческим сознанием. В этой реальности его окружают удивительные личности, воспринимаемые социумом как чужие, не такие, как все, ведущие часто аморальный образ жизни, но способные на настоящие чувства: крепкую дружбу, искреннюю любовь, бескорыстную заботу о слабых, умение ценить и видеть в окружающих положительное. В первую очередь, это тройка дворовых друзей из полузабытого отрочества, создавшая братство «Союз трех пистолетов»: Геннадий (Гонзаго), Анатолий (Хулио), Борис (Боливар) («Почему Америка не была разбита 2 декабря 1962 года в два часа 30 мин. пополудни»), – именно они постоянно доказывают ему, скептику, что он «...не последняя сволочь на свете...» [Башкуев, с. 291], потому что он, обладая огромной нерастроченной энергией, может помочь окружающим поверить в себя и воспрянуть духом. Одним словом, современные чудики, отстаивающие и борющиеся за свою правду жизни, которым, к сожалению, судьба отмерила недолгий путь: Сергей умер от одиночества, Борис не перенес второго инфаркта, Анатолия подстрелили возле собственного подъезда, а жизнь Рената прошла в тюрьмах и колониях.

В текстах новелл происходит универсализация малых событий в жизни героя-рассказчика. Это можно увидеть в том, как тема детства находится в неразрывной связи с любовью. Он даже считает: «Детство и любовь к женщине – суть одно и то же». Герой в детстве испытывает любовь к разным женщинам: первую, страстную, стремящуюся к полному физическому обладанию – к соседке Оле «...с рано развившимися формами и обреза-

ной косой, круглой мордашкой, блестящими глазками и круглым же имением» [Башкуев, с. 324] («Предатель любви); отеческую – к сыну; рассудочную, легко поддающуюся сознательному контролю со стороны обеих сторон – сначала к Оле-Пятнице, женщине-девочке, воспитывающей сына («После дождичка в четверг»), а потом к Аленке, молоденькой продавщице из продуктового магазина, тоже одинокой и имеющей сына Коленьку («Убить время»); любовь тайную, как бы между прочим – «... между делом и делишками, порой грязноватыми, без которых немислима наша жизнь, и, получается случилась между жизнью» [Башкуев, с. 314] – к Наде, старой девочке, серой мышке (так отзывался о ней Геннадий, и он не думал, что эта история продлится целый месяц, и имя он вспомнил только тогда, когда ему сказали, что ее уже нет в живых) («Тайна»). Выделенные фрагменты как малые явления бытия обнаруживают реальность не просто самодостаточную, а реальность, которая дает прикоснуться к истине, встретиться с ней напрямую.

В новелле «Воздушный поцелуй» воссоздана иррациональная, одержимая любовь, доводящая до умопомешательства, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения. Здесь поначалу рассказчик-герой выступает в роли наблюдателя, а потом становится невольным участником. Главная героиня Инга, первая красавица двора и его окрестностей, пытается устроить свою личную жизнь с экспедитором Владиком. Начиналось все хорошо: «...по утрам с гордостью вывешивала во дворе стиранные мужские кальсоны и рубахи, а по вечерам с Владиком ... ходила под ручку в кино» [Башкуев, с.298]. Закончилось Ингино счастье быстро, да и продолжалось оно недолго. Владик начал попивать, избивать Ингу, а потом ушел от нее. Инга после пыталась отравиться, но врачи ее спасли. Через много лет стылым осенним утром Геннадий на перроне вокзала узнал в сумасшедшей Ингу. Одетая в старомодный болоневый плащ, подпоясанный лакированным поясом с облупившейся позолотой, она выглядывала кого-то в потоке пассажиров, сверяя лица с журнальной вырезкой. Сумасшедшая поймала его взгляд и, громко причмокнув, послала воздушный поцелуй, «как плюнула». Спустя почти год Г.Н. Болотов ввязался в драку и заступился за несчастную дурочку, что стоило ему потери свободы.

Критик, заметив всю абсурдность происшедшего в судьбе героя рокового эпизода, пытается объяснить его реальный смысл, заложенный в подсознании и «письме» героя, повторяясь раз за разом: «Именно ей, беспмятной дурочке, над которой он, будучи пацаном, вместе со своими друзьями жестоко посмеялся и причинил ей боль, через десятки лет по какой-то совершенно невероятной логике выпало сделать так, чтобы сработала некая машина сверхчеловеческой памяти, памяти о причиненной когда-то боли, и **призвала к ответу**. Сработала слепо и жестоко, по ту сторону справедливости и несправедливости...» [Батомункуев, с. 124]. Именно это чувство вины и раскаяния, требующее своего исхода, связывает все новеллы начиная с первого рассказа о друге детства Сереге-Слоне.

Как и в повести «Пропавший», герой погибает, делает в финале трагический выбор, но тем самым символически спасается, оставляет после себя, как богатое наследство, тексты о «настоящей жизни», озаряя их своим волшебным фонарем. Его записи – тексты остаются свидетельствами о мире, в котором только игра как творчество способна противостоять ложной, обесмысленной реальности. Кроме того, эти тексты связывают читателя с миром метафизической реальности – тем пространством, где герои обретают свободу и ощущение не зря прожитой жизни.

Таким образом, структура «текст в тексте» в повестях Г. Башкуева, вступая во взаимодействие с основным текстом, придает ему новый смысл на концептуальном уровне – в связи с утверждаемой концепцией личности, в основу которой положены, наряду со специфически-национальными, универсальные законы отношения человека к природе, социуму, к другому человеку, к самому себе.

Литература

1. Батомункуев С. Заложник(и) детства. Заметки о книге Г. Башкуева «Записки пожилого мальчика» // Байкал. – 2010. – № 2.
2. Башкуев Г. На переломе. Публицистика. Проза. Пьесы. – Улан-Удэ, 2007.
3. Бретон А. Манифест сюрреализма / пер. с фр. Л. Андреева и Г. Косикова // Поэзия французского сюрреализма: филология. – СПб.: Амфора, 2003.
4. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Вып. 14. – Тарту, 1981. Т. 567.
5. Рыбальченко Т. Л. Структура «текст в тексте» в современном романе // Проблемы литературных жанров: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2: Русская литература XX в. – Томск, 2002.
6. Эйзенштейн С. Монтаж аттракционов [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2861.html>

Имихелова Светлана Степановна, профессор кафедры русской литературы Бурятского государственного университета, доктор филологических наук.

Imihelova Svetlana Stepanovna, professor, department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences. Тел.: (3012)223015; e-mail: 223015@mail.ru

Грязнова Оксана Борисовна, аспирантка кафедры русской литературы Бурятского государственного университета.

Gryaznova Oksana Borisovna, postgraduate student, department of Russian literature, Buryat State University. Тел.: (3012)461758; e-mail: 461758-01@mail.ru

УДК 821.512.31

© И.В. Булгутова

Мифология космоса в бурятской лирике

Раскрывается специфика художественного освоения темы космоса в бурятской лирике. Устанавливается синтез архаических и современных представлений, определяется роль мифомышления в создании философской картины мира, в которой человеческое сознание мыслится как космическая сила.

Ключевые слова: тема космоса, мифологическая картина мира, мифомышление, мифо-образы, поэтическая концепция ноосферы.

I.V. Bulgutova

Mythology of Space in Buryat poetry

The article is devoted to space theme features in Buryat lyrics. The author establishes synthesis between archaic and modern concepts, determines role of mythic consciousness in creation of the philosophical world view, in which human consciousness is conceived as a cosmic force.

Keywords: space theme, mythological world picture, mythic consciousness, myth images, poetic concept of the noosphere.

В основе художественного мышления бурятского народа лежит мифологическая картина мира, которая сохранялась на уровне языкового моделирования реальности в самые разные исторические периоды, включая и новейшее время. Своеобразие создаваемой художественной модели, заключающееся в синтезе архаических представлений и научных взглядов, ярко раскрывается в осознании темы космоса, которая является неотъемлемой частью лирики самых разных народов с глубокой древности. «Сфера человеческого разума распространяется в космос, и совершенно неожиданно выясняется одна поразительная закономерность. Чем дальше в космос, тем ближе к человеку, к его душе» [Кедров, с. 137].

Потребность познания закономерностей окружающего мира и Вселенной, определения места человека в ней обусловила неизменность возникновения философских жанров. В бурятской поэзии возникновение лирико-философского направления относится, по мнению исследователей, к 60-70-м гг. XX в. с приходом в литературу нового поколения поэтов Д. Улзытуева, Д. Дамбаева, М. Самбуева, Л. Тапхаева, Б. Сыренова и др. «Именно начиная со второй половины 60-х годов в бурятской поэзии заметно расширяется круг тем, углубляется поэтическое мироощущение, усиливается личностно-человеческое начало... Этот поворот к нравственной, социально-философской проблематике отразил эволюцию национального мышления, его качественное изменение в новую историческую эпоху» [История бурятской литературы, с. 161]. В эпоху освоения и покорения космоса закономерным было обращение поэтов к этой теме. Можно выделить разные планы осмысления темы космоса: оно происходит, с одной стороны, в духе

научно-материалистических воззрений как постижение реалий современности, с другой – в мифологическом контексте, воссоздаваемом самим языком.

Традиция мифологического постижения и объяснения космических явлений коренится в глубинных истоках национальной культуры. В мифах и преданиях бурят есть и вполне соотносимые с научными взглядами представления, таково, к примеру, название Млечного пути – Тэнгэрийн зүйдэл (Тэнгэрийн оёдол), что означает небесный шов и является своеобразным обозначением границ галактики. Во вступлении к эпосу «Гэсэр» дается мифологическая картина первотворения: «Когда время из вечной вечности, / как река лишь брало начало, / Когда части из цельной цельности / Возникли мало-помалу, / Вот когда это было. Наше небо яркое, светлое, / Мутным маревом лишь стояло, а земля наша, твердая, крепкая, / мелкой пылью вокруг витала, / Вот когда это было» (пер. В. Солоухина). Во всех этих мифологических воззрениях на космос вызывают интерес те, которые соотносятся с современными научными представлениями. В частности, представление о космической пыли. «Белое и черное, светлое и темное /еще друг от друга не отделились /И далеко до этого было) Белое и серое на многие цвета / Еще как радуга не дробились (и далеко еще до этого было)» [Гэсэр, с. 16]. В устном эпосе бурят через мифы дошли и представления, понятия о физическом обустройстве Вселенной, в конкретности некоторых деталей, в частности о дроблении цветов на спектр.

Такой контекст национальной культуры обусловил особый интерес поэтов к такому этапному моменту в истории человечества, как освоение космоса. «Космонавт /впервые Землю облетел / за 108 минут./ Ровно столько сандаловых бус / на буддийских четках». В этом стихотворении Б. Дугарова, с одной стороны, четкая констатация длительности времени первого космического полета, а с другой – проводимая символическая связь с сакральным числом бусинок на буддийских четках, устанавливающая, скорее, не аналогию, а своеобразное тождество на двух различных уровнях: одного круга молитвы в руках человека и одного витка космического корабля вокруг планеты.

Желание воспеть достижения научно-технической эпохи были закономерны в контексте самого времени, так, в поэзии Д. Дамбаева имеются стихотворения, посвященные ученым-физикам Эйнштейну, Нильсу Бору, первому конструктору космических кораблей С. Королеву, первому космонавту Юрию Гагарину. На уровне языкового выражения в эти стихотворения органично входят научные понятия и термины: «Хуудам хооһон сэдхэлым / дуудан, даллан долгилжо, /фотон элшээр холбоотой / протон нейтрон унирна» (Холодную пустую душу зовут, влекут связанные волнами фотонных лучей клубящиеся протоны и нейтроны); «Долоон үнгын холонгын / Добо дээгүүөөр гийһэндэл, / тодоор зүүндэл электрон / Толорходол гээ бэлэй» (Электрон, подобно семи цветам радуги, вознесшейся над горой, переливается на острие иглы, – сказал он (Нильс Бор. – И.Б.). С другой же стороны, космос, как в мифологии, называется верхним миром,

такова заслуга Гагарина: «Дээдэ замбиин уудам руу / Дэлин анхан ниидэһэн...» (Мира верхнего просторы / открыв, первым полетел). Также поэтом выдвигаются сентенции, в равной мере соотносимые и с научной, и с мифологической картиной мира: «Энэ гэхэ эхигүй, / Тэрэ гэхэ захагүй, / Хэтэ мүнхын оршолон / Һэтэ шэнжээ хубилна». (Здесь не видно ее начала, там же не видно ее края, Вечная Вселенная (бренный, иллюзорный мир) все время меняет свой облик». Тут выявляется и диалектическое представление о мире и релятивизм, а семантическое ядро смыслов слова «оршолон» включает в себя и оценочные значения «брённости, иллюзорности», что обогащает общий смысл поэтического переосмысления теории относительности Эйнштейна.

Следует отметить многообразие самого лексического ряда в бурятском языке для обозначения явлений космоса и Вселенной: «дээдэ замби» (верхний мир), «оршолон» – бренный мир, юртэмсэ – мир, Вселенная, замбуулин – космос, замбуулин түби – мировое пространство, вселенная, космос; при общей синонимичности здесь имеются и тонкие смысловые различия, выявляемые в контексте, поскольку многие из этих слов употребимы и для локального обозначения жизни человека на планете. В мифологической же картине космос как «дээдэ замби» (верхний мир) входит в парадигму үлгэн замби дайда – земля матушка (средний мир) и доодо замби (нижний мир).

Как известно, «миф имеет прямое отношение к фундаментальным основам космического и земного бытия» [Хализев, с. 13]. В цикле Д. Улзытуева «Хүнэй наһан» (Жизнь человека) закономерным образом человеческая жизнь включена не только в контекст природного мира, но и космоса. Мысль о том, что жизнь на земле имеет единые, космические истоки, органично входит в художественную философию автора: «Номин сэнхир тэнгэришье, / Номгон сэгээн долгиншье, / Ногоон, шулуун, түмэршье, / ноён үндэр уулашье / Үер үеые дурдаһан / Үгын баян хэшэгтэйл. / Галаб саһаа эхилһэн / Гансал нангин үндэхэтэйл» (И синее небо, / и спокойные светлые волны, / травы, камни, железо / высокие горы – От звучащего со времен потопа / щедрого слова / с сотворения мира / от одного святого истока). Рисуя картины первотворения и возникновения самой планеты, поэт проводит сопоставление-отождествление космических явлений и биологической жизни: «Балай хооһон юртэмсын / Галай тооһон хүлгөөн соо / наранай нангин хэлтэрхэй, / шуһанай заахан сэсэрхэй / галзуу дүлөөр амилһаар / Газар болон ерээ гээ» (Из пустоты Вселенной / В огненной клубящейся пыли / осколок священного солнца, / отбрызг крови / пламенем буйным дыша / Землей обратившись, явился – как сказано). Обломок солнца как космический объект не просто сопоставляется с капелькой крови – эти явления тождественно равнозначны здесь в контексте генетического объяснения. Мифомышление проявляется как в уподоблении планеты живому существу («уураг бурма уушханиинь» – лавой клокачущие легкие), так и в уподоблении традиционных мифообразов матери и отца для характеристики

субстанциональных начал планеты: «агаар-эхэнь» (атмосфера-мать), «эсэгэ-наран» (отец-солнце). Для улзытуевского изображения космоса характерно то, что все явления показаны в динамике, движении, звучании и в цвете: «хүнхинөөтэ замбуулин» (звонящая вселенная), «мүшэтэ сэнхир замбуулин» (звездно-прозрачный космос), «сая дүншүүр юртэмсэнүүд» (мириады гудящих вселенных), «хизааргүй сахаригтаһан замбуулин» (замкнутая бесконечным кругом вселенная).

Вместе с тем в изображение космоса органично вплетаются научные взгляды, так, улзытуевский образ нашей галактики как веретена вполне соотносим с представлением о ней как спиральной галактике. «Энэ заахан шинии замби / Ээрсэг мэтээр эршэгьдэн, / Хэзээ нэгэтэ тооһон болоод, / Хэтын сагта үгы байха» (А маленькая твоя галактика, / Веретеном стуча и кружась, / Пылью когда-то развеется, / В вечности претворясь». Представления эпохи научно-технического прогресса о космическом устройстве в художественном сознании поэта кореллируются не только с мифопоэтическими, но и с буддийскими религиозными взглядами. Буддийское понятие об иллюзорности реальности выражается с помощью образа жизни как сна: «Үхэхэдөө бидэ / Һэридэг байгаа гүбди? / Һэрихэдээл бидэ – Үхэдэг байгаа гүбди?» (Когда мы умираем, / Может мы просыпаемся? / Когда мы просыпаемся, / Может мы умираем?). Наряду с этим бурятский поэт эпохи научно-технического прогресса совмещает в своем сознании эти традиционные для народа воззрения с научными диалектическими принципами о развитии Вселенной, где движение осуществляется как взаимодействие противоположных начал. Так, в стихотворении «Хара далайн эрьедэ...» противопоставляются символические образы Хара-Зутан даяанши (черного отшельника) и Сагаан үбгэн (Белого старца). Образ черного отшельника концентрирует в себе негативные чувства и мысли: «Амидарал – сансара. / Альбан хара урасхал» (Бытие – есть сансара. Колдовской черный поток). Белый же старец не только держит на своих ладонях 12 вселенных (12 юртэмсэ) и знает предопределение (табисуур), но и утверждает наличие вечной борьбы двух начал.

В таком контексте и происходит осмысление жизни человека, вписанной в круг космической. Не случайно в цикле Улзытуева «Жизнь человека» делается попытка поэтического постижения феномена смерти, потому что это другая грань метафизического уровня. Именно в пределы космоса вмещаются жизнь и судьба человека, который, покидая земную юдоль, устремляется в бездну небосвода, став тенью, пылью, эхом, резонансом, потоком лучей. Как отмечали исследователи, поэт «мыслит промежуточность как постоянную форму человеческого состояния... и потому объяснимы появление и использование в качестве художественных образов в поэзии Улзытуева образов пепла, тени, ветра, свечения» [Дымбрылова, с. 125]. Смерть как феномен описывается и на уровне материального, физического бытования человека, и на тонком уровне души: «Суурьян болоод, сэдхэл дамжан, / Дуурьян болоод, улам далижан, Огторгой руу ниидэхэл, /

Оёргүй руу хийдэхэл» (Эхом став, следуя судьбе, / Звуком став, обретая крылья, / В небосвод полетим / В бездну отправимся). Поэт в своем сознании видит картины особого бытия человеческой сущности за границей смерти: «Харин бидэнэр, хаанаһааб даа, / Хаража бүгэды байхабди» (Но мы откуда-то / Будем за всем наблюдать». Круговорот жизни-смерти осмысливается в новом мировоззренческом контексте: «Хогоосон бодос буйлуулжа, / Космос болоод ерэхэбди» (Постигнув пустотность бытия / Космосом став, возвратимся).

Таким образом, с одной стороны, космос в поэзии Д. Улзытуева – это исток планетарной жизни в целом, это же и есть пространство за границей физической смерти отдельно взятого человека. В эпоху социалистического строительства, когда доминировала материалистическая философия, Улзытуев воссоздает и отстаивает несколько иное представление о человеке в осознании сущности его души как тонкой материи: «Минии сэдхэл – фотон, / Элшэ, туяа, абьян...» (Моя душа – фотон, луч, свет и звук). Примечательно, что в данный контекст привлекается научная терминология, а именно понятие фотона. В описании космических картин у поэта также не раз встречается описание потоков света, полей, лучей и т.д.

Представления Улзытуева о роли разума во Вселенной, выраженные в поэтической форме, органично включаются в научный контекст изучения ноосферы как явления планетарного сознания. Во-первых, раскрывая миг первотворения Земли как космического акта, поэт утверждает одномоментность возникновения человеческого сознания вместе с самой планетой: «Зэнхын улайн манарһан / Зэрлиг ехэ дэлхэйтэй / Хүнэй ухаан зүрилдэн, / Хүрэжэ ерэн түүхэтэй» (Вместе с простирающейся красным маревом / дико-огромной планетой / Ум человеческий, пререкаясь, / Явился сюда – такова история).

Неслучайно, таким образом, в бурятской поэзии возникает осознание космоса как «домашнего» пространства, где есть своя «родная» звезда-планета. «Түмэн мүшэдэй дундахана / Түрэл нэгэ одон бии. / Аэлитэм тэндэхэнэ – / Айлшаар буухаб удангүй. / Ууган түрэл одондош, / Уужам сэнхир ордондош / Уг унгя сасуулан / Уулзахалди хоюулан» (Среди тысячи звезд / Есть одна родная. / Там моя Аэлита / Скоро отправлюсь я к ней, / На знакомой родной звезде / В просторном голубом дворце / Сравнивая пути-истоки / Встретимся мы вдвоем). Отношение к космическому пространству как к уютному пространству Дома воплощено и в лирике Б. Сыренова, в которой при создании образов космоса ведущим принципом метафоризации становится одушевление. Но также восприятие звездного неба не как холодного пространства, а как дышащего теплом и уютом реализуется в образах повседневного домашнего быта: «Огторгойн тогоон соо / Олон түмэн одод, / Бусалжа байһан / Алтан хартаабхад шэнги, / Арюухан уурал / Һэбин-Һэбин байнад» (В котле небосвода / Тысячи звезд / Мягким светом веют и веют, / Будто кипит в нем / Золотых картошечек россыпь).

Бурятская поэзия органично вписывает бытие человека как в природный, так и космический цикл. Так, в лирике Б. Сыренова выявляется сближение человеческой и космической жизни, антропоморфизация космоса, который начинает мыслиться как мир, тождественный человеческому по ритмам и закономерностям. В стихотворении Л. Тапхаева макромир космоса раскрывается, будучи спроецированным внутрь микромира человека как малая модель, подобно игрушке в руках ребенка: «Одо мүшэды шүрэ болгон үлхэжэ хаатаха / Тодо һонор нарай бодол ямар һоним? / Түхэрээн һары бүмбэгэ мэтэ үдхэлжэ наадаха / үхибүүн багын үндэр хүсэл ямар һоним? / һонин иимэ, һонин юртэмсэ, / һонёо хэзээ буухабши? / Жэжэ шүрэ һүбэгүй, жэн торгон захагүй / – Гэжэ минии эжы сэсэн таабари сээжэлдээ. / Захагүй замбуулин, оёргүй оршолон, / Задалхадам танай таабари ямар һоним?» (Бусинками звезды нанизывать, играть, / Как же интересна и по-детски чутка и наивна эта мысль? / Круглою луной, как мячиком играть, / Как же интересны высокие помыслы ребенка? / Удивительной Вселенной / когда перестанем удивляться? / Маленькая бусинка, но без дырочки, / шелковое полотно, но без края? / Загадывала моя мама мудрую загадку. / Бескрайняя галактика, бездонная Вселенная / Когда поймешь разгадку – как же интересно!»). Сам уровень сопоставлений космических явлений с предметами обихода и быта (бусинкой, шелком) характеризует мифопоэтическую основу народного мышления, которая органично вошла затем и в искусство авторского слова.

Можно утверждать, что в бурятской поэзии прослеживается «сущность мифа – в попытке процесса управления миром, в претворении “энтропии” хаоса в “информацию” космоса» [Руднев, с. 229]. У Л. Тапхаева, как считает исследователь его поэзии, «в доме-космосе органично взаимосуществования – отличительная черта художественно-философского мира поэта» [Забанова, с. 120]. В стихотворении Б. Дугарова «Матери монгольского космонавта» в метафорической форме выражается философия сопричастности человеческой, природной и космической жизни, перенос и проецирование художественным сознанием явлений земной жизни на космическую, чем утверждается их взаимосвязь: «Звездный кочевник. Простор мирозданья. / Мать на планете стоит в ожиданье. / Степью коснулась созвездий земля. / В Млечном пути есть дымок ковыля».

Можно говорить о формировании и развитии философской традиции осмысления космоса в бурятской поэзии, у истоков же ее, безусловно, находится творчество Д. Улзытуева. Поэт, осмысливая законы Вселенной и человеческой жизни, утверждает силу человеческого духа, силу мысли, пребывание человека в Вечности, материальность его мысли: «Забһаргүйгөөр урсан байһан / Замбуулиной элшэ соогуур / Хүнэй хүсэл хүлгэн зайна, / Хүнэй зориг гулган байна. / Омог дорюун зориг хүсэл – / Оршолонгой агуу хүсэн». (Среди сплошных потоков / Космических лучей и полей / Лишь мысль человека – источник движенья, / Лишь дух чело-

века – основа бурленья. / Ведь помыслы человека – / Могучая сила все-ленной».

«В архивах науки, в том числе и нашей, мысль о жизни как космическом явлении существовала давно», – отмечал еще В.И. Вернадский [Вернадский, с. 237]. При развитии же представления о единстве планетарного сознания поэтические размышления Улзытуева как раз и раскрывают понятие ноосферы в его связи с биосферой: «Хүнэй сэдхэл мүнхэ, / Мүнхэ гэжэ этигэнэб, / Этигээ хадам – мүнхэ. / Хүнэй сэдхэл – уһан / Хүнэй сэдхэл – дүлэн. / Хүнэй сэдхэл – шулуун, / Хүнэй сэдхэл – хүрһэн, Хүхэ мүнхэ агаар» (Душа человека – вечна, /верю, что она вечна./ Раз я верю – то значит вечна. / Душа человека – вода, / Душа человека – пламень, / Душа человека – камень, душа человека – почва, / Синий и вечный воздух). Улзытуев определяет душу человека через ряд отождествлений с материей: вода, огонь, камень, почву, воздух – в целом они соотносимы с первостихиями, которые определяются в некоторых восточных философских системах. «Энергетическая зависимость между внутренним и внешним миром вещей неоспорима. Но, очевидно, она может выразиться только с помощью сложной символики, где должны фигурировать величины разных порядков» [Тейяр де Шарден, с. 68].

Поэзия – это всегда раскрытие индивидуального опыта души, поэтому, осознавая в целом духовную сущность человека в планетарном масштабе, Улзытуев дает образ вселенского разума как единой цепи, в котором его песня – это одно звено: «Эгээл иимэ хизааргүй /Ухаан бодолой гэнжэ, /Ухаан бодолой гэнжын / Гансал түхэрээн гарьха – / энэ – минии дуун...» (Также бесконечна и бескрайня / Разума людского цепь / Цепи мыслей и разума / Одно лишь круглое звено – / Это – моя песня...). Важно в поэзии Улзытуева именно такое понимание единства человеческой мысли, единства ментального пространства, ведь в новейшее время «впервые идея единства всего человечества, людей как братьев, вышла за пределы отдельных личностей, к ней подходивших в своих интуициях и вдохновениях, и стала двигателем жизни и быта народных масс или задачей государственных образований» [Вернадский, с.37].

Художественное сознание Улзытуева, вбирая в себя буддийский философский текст, кореллирует его с научными представлениями о Вселенной, именно так поэт размышляет о человеческом предопределении: «Аглаг энэ юртэмсэдэ / Амита юумын хүлгөөн соо / Хүн боложо түрөөл хадаа, / Хүнэй түлөө амидара» (В этой огромной Вселенной / В круговороте живых существ / Коль ты родился человеком, / Ради людей живи...). Выражая нравственный императив, поэт идет в своих размышлениях дальше: в эсхатологических мотивах, апокалиптических предчувствиях поэт рисует в своем воображении картины катаклизмов вселенского масштаба, когда исчезнут и земная твердь, и солнце, и луна, но категорией вечности и субстанцией мыслится человеческое сознание, которое способно проложить путь в иные галактики («Аяар холын юртэмсэ руу/ аянгата замаа табяад») и предвидеть

будущее. «Хүнэй хүсэл» – это не только человеческое желание, но и помыслы, интенция духовной сущности, это выражение представлений о человеческом сознании как особой ментальной сущности и космической силе.

Специфика модели космоса, которая возникает в бурятской лирике, заключается не только в синтезе представлений различных эпох, но и в ее эстетической сути и аксиологической значимости. «Архаическая мифология, составлявшая необходимое условие жизни наших далеких предков, была еще предкультурой, но в то же время – непререкаемой ценностью» [Хализев, с. 17]. Сохранность в бурятской поэзии именно этого качества архаической мифологии как базовой мировоззренческой ценности обусловила специфику освоения темы космоса, заключающейся в философском осознании связи человека и космоса как микро- и макроуровней бытия. Для художественного постижения космоса в бурятской лирике характерны сочетание и сложный синтез мифообразов, религиозных представлений и научной картины мира.

Литература

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 2008.
2. Гэсэр: Бурятский героический эпос: в 2 т./ пер. В. Солоухина. – М.: Бурят. кн. изд-во, 1988. – Т. 1.
3. Дымбрылова Д.Ч. Цикл стихотворений Д. Улзытуева «Жизнь человека» (к проблеме поэтики буддизма) // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999.
4. Забанова О.А. Пространство и время в поэзии Л.Д. Тапхаева. – Улан-Удэ, 2010.
5. История бурятской литературы. Т. 3: Современная бурятская литература (1956-1995). – Улан-Удэ, 1997.
6. Кедров П.А. Поэтический космос. – М., 1989.
7. Руднев В.П. Стих и культура // Тыняновский сборник. – Рига, 1986.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса. – М., 2002.
9. Хализев В.Е. Мифология XX-XXI веков и литература // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 2002. – № 3.

Булгутова Ирина Владимировна, доцент кафедры зарубежной литературы Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук.

Bulguotova Irina Vladimirovna, associate professor, department of foreign literature, Buryat State University, candidate of philological sciences.

Тел.: +7-9644097756; e-mail: amargol21@mail.ru

**О статусно-этикетно-церемониальном начале
в русских исторических песнях***

В статье ставится вопрос о детерминированности фабулы исторической песни социальным статусом персонажа. Предполагается, что именно социальный статус персонажа предопределяет круг ситуаций, в которых персонаж может оказаться, и во многом предопределяет его действия в этих ситуациях.

Ключевые слова: историческая песня, фабула, порождение текста.

A.G. Igumnov

**On the status, etiquette and ceremonial origins
of Russian historical songs**

The article poses a question about historical songs' plot determination by social status of the main character. It is assumed that the social status of the character determines the range of situations in which character find himself, and largely determines his action in these situations.

Keywords: historical song, plot, text generation.

Русской исторической песне присуще органическое противоречие. Историческая песня, по определению, есть результат претворения исторических впечатлений в непосредственно пропеваемый текст. Однако, если иметь в виду только традиционную нерифмованную историческую песню – о качественной инаковости поздних рифмованных исторических песен [Игумнов 2007, с. 224–226; Игумнов 2010], – приходится а priori полагать, что непосредственным, прямым предметом изображения в ней является «что угодно», только не референтное историческое событие во всей его глубине, сложности, масштабности и обстоятельственной неповторимости. Отрешившись от привычных и слишком общих, чтобы быть операциональными, утверждений о том, что исторические песни выражают народное восприятие истории, дают публицистическую оценку историческим деятелям, рисуют «типические ситуации солдатского или казачьего военного быта» и под., легко увидеть, что традиционная историческая песня в своем большинстве очень далека от действительного события или политической ситуации, к которым она тем не менее референтна. Она изображает либо практически полностью вымышленное событие (иногда – с предельной обстоятельностью, близкой к былинной), либо фрагмент события или ситуации, имевших место в действительности, но этот фрагмент оказывается настолько частным (и тоже зачастую вымышленным), что какая-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-04-00107.

либо референтность песни к самому событию обнаруживается лишь после специального исследования исторических источников. Возникает таким образом вопрос о том, что же, собственно, видят в действительной истории создатели песен, или какие аспекты, какие грани истории оказываются доступными для претворения в песенный текст, или каков же все-таки конкретный тематический диапазон исторической песни.

Невозможно при этом допустить, чтобы способы претворения конкретно-исторических впечатлений в песенный текст, каковыми пользуется историческая песня, не поддавались типологизации. (Приходится признать, что в [Игумнов 2007] мне удалось описать лишь поверхностные «способы конкретности историзма»: сохранение исторической топонимики, имен исторических деятелей и проч.). Один из таких способов описан в моей статье, посвященной «витальной тематике» в исторических песнях [Игумнов 2011]. Под песнями с довлением этой тематики можно понимать песни, *сосредоточивающие внимание исключительно на ситуациях, обладающих витальной важностью для персонажа / социально маркированной группы персонажей / государства в целом при том, что какие-либо конкретно-исторические интерпретации этих песен либо невозможны, либо несущественны, либо не могут не выглядеть искусственными*. Ермак просит выпустить его из неволи, но в ответ слышит зловещее сообщение о «прощании с белым светом», ожидающим его наутро [XVI, № 387, 386]; князь Голицын, вернувшийся в Москву, на просьбу к царю о пожаловании вдруг выслушивает совершенно *никак текстуально не мотивированную* (!) угрозу: царь намерен пожаловать его «двумя столбами с перекладиной» и «шелковой петелькой на шею» [XVIII, № 14-19]. Точно так же песни о размышлениях казаков Ермака о тяжелой зимовке могут быть мотивированы лишь наступающей «зимушкой холодной», которую им придется как-то зимовать [XVI, № 350]. Наконец, даже впечатления о восстании на Сенатской площади вылились в фабулу, стержневым содержанием которой является спасение брата братом от неминуемой смерти, мотивированной невнятным «бунтом» Сената – [XIX, № 208-233], и только знание курса истории позволяет приурочивать песню к трагическому декабрю 1825 г.

Настоящая статья продолжает рассмотрение тематического диапазона исторической песни. Собственно, она должна была бы быть написана первой, поскольку речь в ней идет о более элементарном, очевидном и, судя по всему, более универсальном способе, каким создатели (исторических) песен претворяют свои конкретно-исторические впечатления непосредственно в текст.

Имея в виду поэтику традиционной исторической песни, сложившейся в условиях средневековья, а тем более вынеся в заглавие статьи слова «этикет» и «церемония», естественно вспомнить прежде всего слова Д.С. Лихачева об этикетности в древнерусской литературе, о ее несводимости только к «словесному выражению»: «Дело... не только в том, что определенные выражения и определенный стиль изложения подбираются к определен-

ным ситуациям, но и в том, что самые эти ситуации создаются писателями именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям: князь молится перед выступлением в поход, его дружина обычно малочисленна, тогда как войско противника громадно и враг выступает «в силе тяжце», «пыхая духом ратным», и т.д.» [Лихачев, с. 87]. Далее Д.С. Лихачев демонстрирует литературный канон ситуации на «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба», автор которого «стремится заставить их (героев. – А.И.) вести себя так, как надлежит вести себя святым» [Лихачев, с. 87]. Вряд ли оправданно отождествлять содержательные аспекты «фольклорной» и средневековой литературной этикетности, но сходство все же налицо. Достаточно вспомнить героические былины, в которых «войско противника» в количественном отношении часто неизмеримо превосходит одиноких Илью Муромца или Добрыню. Причем, еще приближаясь к теме настоящей статьи, изображение персонажа и его этикетно должного (в смысле Лихачева) поведения в фольклоре зачастую оказывается возможным лишь благодаря тому, что персонаж изображен в ситуации отчетливо церемониального характера. «Поведение» здесь, конечно, предполагает очень широкий диапазон форм поведения персонажа – от «цельного поступка» (А.Ф. Лосев) до семиотически значимого «простого» сидения персонажа с высшим социальным статусом на положенном ему по статусу месте: во главе пиршественного стола или «посреди корабля под золотым бунчуком».

Это самые, пожалуй, простые по своей архитектонике песни. В них изображается *статичная ситуация, подчеркивающая единственно (!) высокий социальный статус персонажа*, естественным образом оказывающегося в самом центре внимания певцов и предметного мира текстов. Соответственно этой установке, *конкретно-историческое содержание этих песен либо вовсе практически отсутствует, либо трудноуловимо, либо совсем не важно*. Таких песен очень немного, но они есть. По причине небольшого объема некоторые из них проще привести полностью, чем пересказать с цитированием.

(1)

Не в матушке было в Россеюшке,
Не в матушке было в каменной Москве,
Не в палатушках было белокаменных:
Стояли столы дубовые,
На столах лежат скатерци браные, шелковые,
Что того ли было шелку Шемаханского;
На скатерцах-то лежат яствица сахарные,
Напойлица стоят разны пьяные;
За столом сидят князья-бояры,
Воеводушки все они московские;
На конце стола раскрашенный стул,
На стулушке сидит наш православный царь,
Что ни душечка наш Петр Алексеевич
[XVIII, № 231].

Не стоит доказывать, что никакого единичного неповторимого действительного исторического события в этот текст «вчитывать» нельзя. Перед нами всего лишь идеализированная зарисовка типичной ситуации придворного быта – царского пира. Однако помимо идеализации, каковая, как известно, может осуществляться множеством приемов, начиная от уменьшительно-ласкательных суффиксов, и потому ничего как таковая не объясняет в данном тексте, здесь нужно усматривать и нечто более определенное в содержательном плане. Помимо изображения богатого стола, создатели данного конкретного текста очевидно стремились изобразить обусловленное этикетом правильное расположение персонажей за пиршественным столом. Причем, эта «правильность» очевидно важна не сама по себе, но лишь постольку, поскольку подчеркивает царское достоинство «православного царя, душечки нашего Петра Алексеевича». В пользу не случайности такого рода построения текста свидетельствуют не только изображения самого общего порядка (типа: самая важная персона занимает, соответственно, главенствующее / сакральное место и за столом), но и, главное, достаточное количество иных песенных текстов. Эти тексты построены так, чтобы подчеркнуть социальный статус персонажа, не больше, но и не меньше; в основном – *не больше*.

(2)

Разливалась в зеленых лугах вода поляя,
Потопляла у казаченьков теплы лагери.
Среди моря было Каспицкого
Стоял тут Лиман-остров,
На этом на острове стоял воровской корабль,
На этом корабличке муравлин чердак,
В этом чердачке *золотой бунчук*,
В этом бунчуке *царски значечки*,
У этих у значечков *часовой стоит*.
Перед ним, перед молодцем, раздвижной стул,
На стулу сидит воровской *атаман*,
По имени атаманушка Степанушка,
По батюшке Степанушка Тимофеевич,
По великому по фамильицу Степан Разин.
С старшинами он думушку не думает,
К казакам он, Степан Разин, в круг не хаживает,
Он думает крепку думушку с своей буйной головушкой
[XVII, № 152].

Последние две строки напоминают об иных вариантах, в которых мотив «нехаживания» Разина в круг более референтен к драматической судьбе исторического Разина – [XVII, № 149-151, 153-155], особенно в № 153-154, в которых причиной появления Разина в казачьем кругу являются царские указы о высылке Разина в Москву. Но здесь-то, в (2), в этих строках речь идет лишь о полном самовластии Разина даже в такой тревожной ситуации, когда «теплы лагери» потоплены (если вообще придавать этим первым двум строкам значение большее экспозиционного; впрочем, о некоторой

неоднозначности подобной трактовки см. далее).

На главном и самом «видном» месте корабля (только теперь уже плывущего) восседает и Петр I в [XVIII, № 208-210]; собственно, его царская персона и мотивирует предметный мир текстов. Во всех вариантах сначала описываются тридцать кораблей и/или один корабль, бегущие по морю Хвалынскому или Балтийскому. Этот один корабль отличается фантастически богатой оснасткой:

(3)

Хорошо больно кораблик изукрашен был:

Парусы на корабле были тафтяные,
А тетивочки у шемаханского шелку,
А подзоры у кораблика рытого бархату
[XVIII, № 208].

Или:

Хорошо корабль изукрашенной,
Мелким жемчугом изунизанной;
На кораблике все снасточки шелковые...
[XVIII, № 209].

Что понятно: на корабле плывет протитулованный «наш батюшка православный царь», безымянный или именуемый Петром Алексеевичем или Петром Федоровичем. Причем, он не просто плывет, но занимает самое «видное» место: у руля (№ 208), на носу (№ 209) или, опять же, не просто где-то посреди корабля, но на «раскрашенном стуле», стоящем «посередь корабля», на котором (стуле), «лежит подушечка плисова»; к тому же

Перед ним стоят два немченычка размолоденьки,

Во руках держат золоты трубы

[XVIII, № 210].

Должное внимание уделено и царской свите в (№ 209 и 210). На корабле: «На нем мазурушки всё полковнички, / А пассажирушки всё енералушки» (№ 209), или: «Люди добрые, все фельдмаршечки» (№ 210).

(4)

Аналогично на самом «видном» месте столь же богато изукрашенного корабля – на корме – восседает некий «приуряжный хозяин» в песне «Турок под Очаковым» [XVIII, № 473]; заметим, что к осаде Очакова текст может быть приурочен лишь благодаря экспозиционному упоминанию «млада туретчанина», гуляющего где-то «под городом под Очаковым», глядящего «на сине море» и видящего этот корабль, замечательный до такой степени, что всякие конкретно-исторические детали оказались излишними.

В этом же ряду песен с довлеющим вниманием к статусу персонажа, этикету и церемонии стоят и песни о посещении Петром Первым церкви [XVIII, № 211-214]. В них с большим пиететом описывается, как «среди сильнёго царства Московского, среди государства Российского, в Кремле-городе» с «прекрасного крыльца» сходит «наш надежда православный царь», садится в «телегу в царскую», «катится» к божьей церкви, становится именно на царское место «среди церкви», служит молебны, выходит из

церкви, вновь садится в «царскую телегу колесцатую», «катится» обратно во дворец и так далее, как перед ним несут знамя царское, мису с серебром и золотом, как он, наконец, прикатывается к дворцу и «заговаривает»:

(5)

«Що ходи, атаман, всё прихваливай,
Говори, атаман, приговаривай»
[XVIII, № 211].

Нужно оговорить, что тексты (1)–(5) – не единственные, уделяющие должное внимание церемониально значимому пространственному расположению персонажа с высшим социальным статусом. Но сейчас речь лишь о текстах, в которых об этом пространственном расположении речь *только и идет* (или почти «только»), и, значит, само внимание к церемониально значимому пространственному расположению персонажа предстает в некоем кристально прозрачном виде.

Разумеется, из всей необозримой этикетно-церемониальной сферы действительности певцы извлекают не только подобные статичные ситуации, не обладающие внутренними драматизмом и конфликтностью даже в потенции.

Таковыми потенциально драматичными и конфликтными могут оказаться, прежде всего, упоминавшиеся выше «типичные ситуации солдатского или казачьего военного быта». Одна из них – ситуация казачьего круга, созванного для решения важного вопроса. Причем, здесь уже отчетливо видна градация текстов по степени усложнения их архитектоники.

Простейшими и строго «церемониальными» выглядят некоторые песенные тексты, посвященные описанию выбора атамана, даже (или почти) не предоставляющие возможности какого-либо ассоциирования с драматическими сторонами внетекстовой действительности.

(6)

Что не ясные соколики слетелися, (2)
Соходилась, собиралась схожа братия, (2)
Схожа братия, ребята все разбойнички, (2)
Они думали-гадали думу крепкую: (2)
«Что кому из нас, ребята, атаманом быть? (2)
Атаманом быть, ребята, Стеньке Разину,
Есаулом быть, ребята, Ваньке Каину». (2)
Атаман речь говорил, словно в трубу трубил, (2)
Есаул речь говорил, словно зверем выл. (2)
[XVII, № 148]; аналогично в [XVII, № 147].

Знание действительной истории, даже самое поверхностное, неизбежно в какой-то мере предопределяет интерпретацию этого песенного текста, заставляя увидеть в нем хотя бы «предвидение» последующих кровопролитий, но в самом-то тексте никаких намеков на это нет: совершенно ведь не ясно, о чем конкретно говорили атаман с есаулом в своих инаугурационных речах. Это, конечно, ясно из других текстов, но это и другие (!) тексты. (О необходимости предельно скрупулезного различения *песни* как со-

вокупности своих вариантов и этих отдельных вариантов, принципиально рассматриваемых в качестве отдельных и самостоятельных текстов, см. [Игумнов 2007, с. 22-29].)

Единственным предметом своего изображения имеют церемонию выборов атамана и некоторые песенные тексты о Ермаке, а именно – [XVI, №352-355]: единственный вопрос, решаемый казаками «во едином круге», это: «И ну кому-то из нас, братцы, атаманом быть?». Атаманом быть – Ермаку, поскольку в вариантах № 354, 355 он – «не глупой казак» или «не глупой-то он старик». В отличие от иных песен о Ермаке эти песни никак не связаны ни с преступным прошлым казаков, ни с их возможным тяжким или славным ближайшим будущим. В одном тексте певцы даже словно подчеркивают регулярность и обыденность выборов атамана и есаула. Собравшись «во единый круг» «пониже города Саратова, а повыше города Царицына» и выбрав атамана и есаула (Никиту Романовича), казаки отправляются в плавание (или продолжают его), не имеющее никаких видимых из текста конкретных целей:

(7)

Поднимали они сходенки дубовые,
Распускали они паруса полотняны
И поплыли вверх по Волге по реке
[XVI, № 352].

Однако только что выбранному атаману тут же может предоставиться возможность принять решение, чреватое историческими потрясениями, что, собственно, и открывает текст в область действительной истории.

(8)

Те же, что и в (6) Стенька Разин и Ванька Каин выражаются на сей раз гораздо определеннее:

«Мы пойдемте-ко, ребята, на святую Русь.
Мы Казань-то городок возьмем с вечера,
А Москву возьмем ко белой зоре».
[XVII, № 146].

Или только что выбранные атаманами Ермил Тимофеевич или некий Степанушка, задавшись трудным вопросом, как им пройти некие города по пути на Волгу или «во Россиюшку», сами же на него и отвечают:

(9)

«... Вот под городом Казанью стоит белый царь,
Стоит белый царь Иван сударь Васильевич...
Мы пойдемте-ка же, ребята, на подмогу к ним!»
[XVI, № 308].

Или:

«... Мы сойдемте-ка, ребята, на сухой берег...
Мы пошлем-ка, ребяташки, записочки
Царю Ивану Васильевичу:
"Возьму город Казань в три часа!"»
[XVI, № 309].

Или же это решение атамана оказывается воплощенным в действительность. Миновав, по всей видимости, два «городочка»: Камышин и Чебоксары, – «персидские музурушки беспашпортные», выбравшие прежде атамана и есаула, от первого лица как бы вспоминают:

Мы подкопы те копали под Казань-город,
Подрывали, подкатали сорковы бочки;
Сорковы бочки подкатывали с черным порохом,
Зажигали мы свечи воску ярого,
Ну и начало Казань-город и рвать и метать*
[XVI, № 316].

Заметив, что в случаях (8)–(9) конкретная история проникает в текст благодаря тому, что персонаж не просто играет роль статиста в некоторой церемонии или церемониальной ситуации, но *начинает осуществлять / осуществляет свою статусную функцию*, в данном случае – принимать окончательное решение, вернемся к тексту (2). При всем внимании певцов к церемониальности «сидения» Разина они все-таки прозрачно намекнули, что «думать свою думушку» Разину следовало бы в казачьем кругу, то есть в полном соответствии с казачьим обычаем. И подобное небрежение этикетом со стороны персонажа, просто «обязанного» его соблюдать по своему социальному статусу, часто служит движителем фабулы, и не только в казачьих песнях. Показательны в этом отношении некоторые песни о Гришке Отрепьеве. Мало сказать, что они фиксируют неповторимый действительный факт – венчание Гришки с Мариной во время поста. Существеннее, что именно сама содержательная специфичность факта – недопустимость этого венчания – и предоставила певцам возможность его зафиксировать, проиллюстрировав *несоответствие Гришки статусу истинного православного царя, что и выразилось в разительном нарушении им православного этикета*. Не случайно песни и начинаются с констатации факта этого несоответствия:

(10)

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался –
Сослал нам боже прелестника,
Злого Расстригу Гришку Отрепьева;
Уже ли он, Расстрига, на царство сел?
[XVII, № 5].

Или:

Владыко царю вседержителю,
Да за что ты на нас, господи, прогневился,
Послал нам, господи, прелестника,
Того ли Гришку Отрепьева?
[XVII, № 6].

После чего и следует стержневой для песен эпизод с недопустимым венчанием:

* Цитирование песни о взятии Грозным Казани здесь, конечно, ничего не значит.

На вешний праздник Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день,
Князи и бояра пошли к заутрене,
А Гришка-Расстрижка он в баню с женой
[XVII, № 5].

Или Гришка:

Он и делат свадьбу не в удобный день,
На то ли на праздник на Николин день.
Все князья-бояря к заутрени пошли,
А Гришка с Маришкой в баню пошел...
[XVII, № 6]. –

что и заканчивается для него плачевно.

Иными словами, в этом случае иллюстрация *не-соответствия персонажа своему статусу оказалась достаточной для создания текста*, а сама референтная ситуация в своем полном объеме просматривается непосредственно в текстах зачастую весьма неопределенно, если вообще просматривается (особенно если не знать истории).

Напротив, персонажи, полностью «свои» для певцов, практически всегда поступают так, как и «надлежит вести себя» атаману (казачьему или стрелецкому), храбрым солдатам и их любимому военачальнику. Причем эти поступки зачастую могут быть сведены именно к «функции». Казачий атаман принимает окончательное (и мудрое) решение, обещающее воинскую славу или житейское благополучие, либо стрелецкий атаман представляет / твердо намерен представлять от лица стрельцов перед гневным царем – [XVIII, №36, 37, 39, 41-43, 45].

Особенно показателен следующий текст. «На широкой площади среди старого Кремля-города» собирается стрелецкий круг. Стрелецкий атаман, соблюдая необходимые *церемонии*,

(11)

Подошедши к кругу стрелецкому,
... Он снял шапочку и поклон отдал...

После чего и сообщает о *витальной* важности ситуации и своем твердом решении лично пойти к царю вымаливать прощение для стрельцов, которые, как им и положено, способны на самый героический подвиг:

«А ну кто же из нас, из стрельцов,
К самому царю пойдет,
Что с повинною ль, что с покорною?
Уж я сам пойду к самому царю
И с повинною, и с покорною,
Я скажу ему, самому царю:
"Не вели нас, православный царь,
Казнить-вешати,
А вели мне слово молвити;
Прикажи нам любой город взять
Без свинцу твоего и без пороху"».
[XVIII, № 45].

Военачальники, как им и «положено», планируют военные операции тактического масштаба и отдают распоряжения, а солдаты/казаки соответственно их исполняют, выказывая необходимые лихость и храбрость, примеров чему можно привести множество. Иными словами, солдатские и казачьи песни, обращаясь к иронически упоминавшимся выше «типичным ситуациям солдатского и казачьего военного быта», изображают не эти ситуации сами по себе, а идеальное, т.е. в смысле Д.С. Лихачева, этикетно верное поведение героев (в буквальном смысле), исполняющих «функцию», положенную им по социальному статусу. Также ведут себя и военачальники, оказавшиеся в типичной для русского историко-песенного фольклора ситуации – во вражеском плену, даже если, по историческим источникам, их прототипы любовью солдат совсем не пользовались (см., например, песни о пленении графа З.Г. Чернышова [Емельянов 1971, с. 15; Игумнов 2011, (2)].

Особенно, конечно, заметна «функциональная» природа царствующих особ. Царь жалует / должен пожаловать заслуживших царскую милость казаков, казнит изменников, исправляет судебную ошибку («Правеж»), руководит военной кампанией, вступает в дипломатическую переписку. Примеров тут можно привести тоже множество, потому ограничимся одним. Как только что отмечалось, получать и писать важные дипломатические письма в исторических песнях могут только царствующие особы. Но есть из этого «правила» два показательных исключения. В одной из песен о М.В. Скопине-Шуйском письмо «голстинскому королю Карлусу» (явно чрезвычайной важности, поскольку ситуация критична: «Заперты путидороженьки, / Закрыты торги-ярмарки, / Одолела Литва поганая!») пишет воевода Головин. Но делает он это все-таки по прямому царскому приказу, ослушаться которого не смеет (что певцы особо и подчеркивают):

(12)

Еще в то время, еще в те поры
Грозный царь Иван Васильевич
Посылал воеводу Головина...
Головин приказа *не ослушался*,
Приходит на посольской двор,
Брал перо лебединое... и т.д.
[XVII, № 31].

Столь же важное дипломатическое послание тому же «Карлусу» может написать и сам Скопин. Однако здесь он и титулуется не воеводой как в (12), но соответственно:

(13)

... А Скопин князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли святорусския...
[XVII, № 32].

Вместе с тем социальный статус налагает и некоторые ограничения на круг действий персонажей и ситуаций, в которых они могут оказаться. В полном соответствии с этикетом и древнерусской литературы тоже царствующие особы, князья и военачальники не испытывают каких-либо любовных чувств и их трудно даже назвать женатыми в полном смысле. Царицы у смертного ложа царей ведут себя прежде всего как царицы: принимают участие в решении вопросов престолонаследия; или же, умирая и прощаясь с венценосным супругом, заботятся о сохранности православной веры и не станет ли овдовевший супруг «немилостивым» [XVI, № 263-266], а сам супруг, в данном случае – Иван Грозный в одном варианте, упорно не идет к умирающей царице прощаться, поскольку даже в этот момент не может оставить государственных дел. Как он сам объясняет, вскричав «зыцьним голосом»:

(14)

«Недосуг мне-ка идтить мне с ей прощатисе:
Я сижу тут за писью, пишу грамотку...
Я про землю пишу да святоруськую,
Я про веру пишу пишу да христианскую,
Про солдатушков пишу да новобранных...»
[XVI, № 263].

Показательно также, что, в явном противоречии с действительностью, солдаты в исторических песнях никогда не ходят в церковь – в церковь имеют возможность войти только царствующие особы и князья; солдат и рядовых казаков никогда не хоронят – церемониально оформленных похорон удостоиваются только опять же цари, военачальники и казацьи атаманы.

По понятным, но не очень убедительным, причинам из научной практики последних лет исчезли названия статей, начинающиеся с предлога «о». Данная статья начинается с этого предлога вполне осознанно: слишком уж многомерен сам вопрос о соотношении статусного, этикетного и церемониального начал в архитектонике исторической песни. Но одно предположение, носящее характер рабочей гипотезы, подлежащей проверке и уточнению, высказать, думается, все же можно.

Именно социальный статус персонажа предопределяет и ограничивает круг ситуаций, в которых он может предстать в песне, могущей быть квалифицированной именно как историческая, и круг его действий, которые он может в этих ситуациях совершить; соответственно, взаимодействия персонажей «должны» быть во многом предопределены различиями в их социальных статусах.

Абсолютной тотальностью это предположение обладать не может, но определить степень его актуальности для исторической песни представляется интересным. Можно надеяться, что это позволит существенно уточнить вопрос о разных способах порождения текста исторической песни и их, способов, соотношениях.

Литература

1. Игумнов А.Г. Поэтика русской исторической песни. – Новосибирск: Наука, 2007.
2. Игумнов А.Г. Рифма и событие // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4.
3. Игумнов А.Г. Витальное и конкретно-историческое в русской исторической песне // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. – 2011. – Вып. 10.
4. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.
5. Емельянов Л.И. Русские исторические песни XVIII в. // Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / Изд. подг. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. – Л.: Наука, 1971.

Принятые сокращения

XVI – Исторические песни XIII–XVI веков (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. – М.-Л.: Наука, 1960

XVII – Исторические песни XVII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О.Б. Алексеева, Б.М. Добровольский, Л.И. Емельянов, В.В. Коргузалов, А.Н. Лозанова, Б.Н. Путилов, Л.С. Шептаев. – М.-Л.: Наука, 1966.

XVIII – Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. – Л.: Наука, 1971.

XIX – Исторические песни XIX века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. – Л.: Наука, 1971.

Игумнов Андрей Георгиевич, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доцент кафедры русской литературы Бурятского государственного университета, доктор филологических наук.

Igumnov Andrew G., senior research associate at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Russian Academy of Sciences, associate professor at department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

Тел.: +7-9146368804; e-mail: anigumnov@mail.ru

УДК 398.22

© *Т.А. Голованева*

Отражение обряда хватания невесты в корякских и ительменских сказках

В статье рассматриваются особенности отражения древнего обряда хватания невесты в фольклоре аборигенных народов Камчатки. Автор анализирует, как меняется сказочная формула ‘*набросился* → *родила*’ в связи с исчезновением брачной обрядности.

Ключевые слова: ительмены, коряки, фольклор коряков, сказки, персонаж, мифологический эпос, этнографические истоки, брачный обряд.

Т.А. Golovaneva

The ceremony of seizing the bride in fairy tales of Koryak and Itelmen people

The article is devoted to peculiarities of displaying the ancient ceremony of seizing the bride in the folklore of the indigenous people of Kamchatka. The author analyzes changes of the fairy formula ‘*tear on (smb.)* → *bore*’ due to wedding ceremony disappearance.

Keywords: Itelmens, Koryaks, Koryak folklore, fairy tales, personage, mythological epos, ethnographic origins, wedding ceremony.

Особенности жизни, быта, ведения хозяйства органично вплетаются в текст мифологической сказки, несмотря на то, что сказка во многом ориентирована на преодоление реальности, создание фантастического мира. Отрыв от реальности не может быть абсолютным. Тот факт, что этнографическая реальность влияет на особенности сюжетообразования сказок, не вызывает сомнений. Возникает закономерный вопрос: что происходит с устойчивой сказочной формулой, возникшей на базе этнографических реалий, по мере того, как эти реалии исчезают из жизни этноса.

Один из самых устойчивых эпизодов, встречающихся в корякских мифологических сказках о сватовстве: *‘жених набрасывается на невесту → (мгновенно) рождается ребёнок = брак состоялся’*. Факт совершения брака героев сказки передаётся при помощи устойчивой формулы, которую условно можно представить так: *‘набросился → родила’*, например:

(1) *Потом Кэсяняру, младшая сестра Тинианевыт, пошла за крапивой, потому что отец Куткыннюку сказал: – Сходи за крапивой. Ревёт крапиву [Кэсяняру], а Рагэмчисъын (Куропатка-человек) набросился на неё. Что ж сделаешь, родила. Туда повёз домой её [Архив Мальцевой, т. 5, с. 32].* (Здесь и далее используются сокращения: т. – текст, с. – страница. В статье все фрагменты сказок даны в переводе на русский язык, сведения о рассказчиках представлены в конце публикации.)

В таблице приведены данные, позволяющие наглядно представить частотность и ареал сохранения формулы *‘набросился → родила’* в повествовательном фольклоре коряков и ительменов (общее количество рассмотренных текстов: 281 корякских, 48 ительменских).

Формула *‘набросился → родила’*
в ительменских и корякских сказках

Условное обозначение текста	Рассказчик	Год рожд. рассказ.	Место рожд. рассказ.	Место записи текста	Год записи текста	Этнос
[Меновщиков 1974, т. 187]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 188]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 192]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 193]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Стебницкий 1938, с. 42-43]	Безуглова Н.	?	?	с. Кичига	1928	коряк.
[Меновщиков 1974, т. 175]	Заев М.	?	?	с. Утхолок	1929	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 149]	Варганов М.Т. (Ивтакрат)	?	?	с. Колтушное	1955	коряк.

[Меновщиков 1974, т. 171]	Брагина Т.Н.	1906	?	с. Тигиль	1965	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 136]	Гуторова Е.Д.	?	?	с. Карага	1966	коряк.
[Кибрик и др. 2000, т. 7]	Киюк А.И.	?	?	с. Вывенка	1972	коряк.
[Жукова 1988, т. 11]	Кавав Т.Я.	1911	п. Палана	п. Палана	1970 – 1980-е	коряк.
[Жукова 1988, т. 25]	Кычгэнка Г.Н.	1939	с. Белоголовое	?	1970 – 1980-е	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 5]	Васагиргина В.В.	1944	рядом с с. Вывенка	с. Вывенка	2004	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 61]	Притчина М.И.	1918	с. Анапка	п. Оссора	2005	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 81]	Чечулин В.Н.	1942	с. Анапка	п. Оссора	1992	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 82, 83]	Чечулина Е.И.	1938	с. Анапка	п. Оссора	1991, 1992	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 90]	Эхивнав Е.А.	1944	с. Вывенка	с. Вывенка	2004	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 112, 114, 115, 119]	Нестерова И.Е.	1933	с. Подкагерная	с. Тымлат	2005	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 108]	Нестеров А.Е.	1937	с. Подкагерная	с. Тымлат	2000	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 126, т. 127]	Белоусова В.К.	1930	с. Лесная	п. Палана	1992	коряк.

Сказочная формула '*набросился* → *родила*' восходит к конкретному обряду. Свадебная обрядность коряков состояла из следующих элементов: 1) жених отрабатывает в доме невесты право жениться, 2) после получения согласия родителей жених набрасывается на невесту, 3) после удачного набрасывания жених везет невесту к своим родителям, 4) встреча невестки в доме родителей мужа сопровождается охранительными ритуалами. Все элементы брачной обрядности в той или иной мере отразились в мифологических сказках.

Первый исследователь аборигенных народов Камчатки С.П. Крашенинников, обратив специальное внимание на соблюдение брачных обрядов у ительменов, детально описал процесс хватания невесты: «Когда жених получает позволение хватать невесту, то он ищет такого случая, чтобы где-нибудь напасть на неё в малолюдстве: ибо она бывает тогда под охраной всего женского пола того острожка, которые редко от неё все отлучаются. Сверх того во время хватания бывает она одета в двое или трое штанов, опутана сетями рыболовными и ремнями увязана так, что она не может поворотиться, как статуя. И если жених улучит в малолюдстве свою невесту, то бросается с великим стремлением, дерёт на ней одежду и сети, чтобы коснуться её тайного уда: ибо это у них вместо венчания почитается. Меж-

ду тем, как от самой невесты, так и от других баб и девок происходит такой ужасный крик; и хотя сама невеста при этом не противится, да и противиться не может, однако охранительницы поступают с женихом так немилосердно, бьют его, таскают за волосы, терзают лицо, и всякие средства употребляют, чтобы ему не дать схватить невесты. И если жениху посчастливится предприятие свое произвести в действо, то он сам отстраняется прочь от невесты, а она даёт знак его победы умильным и жалостным голосом *ни ни*» [Крашенинников, с. 121-122]. Записи Г.В. Стеллера практически слово в слово повторяют описание С.П. Крашенинникова [Стеллер, с. 197]. Подобный обряд в середине XVIII в. наблюдался и у коряков северо-западного побережья Охотского моря [Вдовин, с. 206].

Интересно, что из всех имеющихся в нашем распоряжении фольклорных текстов нет ни одного упоминания о том, что невеста опутана одеждой. Также ни в одной из сказок нет указаний на то, что женщины защищают невесту, нанося увечья жениху. Чем можно объяснить полное отсутствие некоторых элементов обряда хватания в сказках?

Окутывание невесты одеждой имело место не только в середине XVIII в., но и намного позже. В начале XX в. В.И. Иохельсон также отметил эту особенность брачного хватания: «Когда отец решит, что пора кончать отработку, он объявляет жениху, что тот может взять свою невесту, то есть жениться на ней. Никаких брачных церемоний и празднеств не бывает. Брак совершается первым совокуплением. Но до этого он узаконивается символическим актом. <...> С помощью подруг невеста завязывает рукава и штанины своего комбинезона так, что снять его можно, только разрезав или развязав ремешки. В тот день, когда жених получает право взять её, невеста всё время ходит таким образом завязанная и старается убежать всякий раз, когда жених подходит к ней. Жених пользуется удобной минутой, чтобы неожиданно напасть на неё, разорвать или разрезать ножом одежду и коснуться рукой её половых органов» [Иохельсон, с. 189].

Тот факт, что ни в одной из сказок нет упоминаний об опутывающей невесту одежде, может быть обусловлен двумя причинами.

Первая причина: сказка – это условное отражение реальности. Реально существовавший обряд хватания невесты с опутыванием ее одеждой в сказках редуцирован до формулы *'набросился → родила'*, что ускоряет динамику развертывания действия, но, с другой стороны, изображение набрасывания, лишённое деталей, выглядит как абсолютно условное.

Вторая причина: возможно, хотя обряд защиты невесты и окутывания ее разной одеждой, существовал в начале XX в., никто из рассказчиц в реальности не испытывал его на себе и не видел со стороны. Рассказчик не может воссоздать детали, если у него не было личного опыта знакомства с ними. Из текста в текст переходит только очень ограниченный круг бытовых деталей, которые имеют сюжетно значимые функции.

В корякских сказках иногда совершенно неожиданно отражаются мелочи быта коряков: особенности утвари, инструментов, кулинарных блюд,

специфика национальной одежды. Такие детали в сказках появляются по воле конкретного рассказчика, они редко носят сюжетообразующую функцию, но призваны моделировать изображение как фактурное, в некотором смысле даже реалистичное. Эти детали не являются частотными, они составляют индивидуальный набор приёмов конкретного рассказчика, который воссоздаёт изображение, ориентируясь не только на услышанный им ранее текст сказки, не только на повествовательные каноны этнической традиции, но и на свой личный бытовой опыт.

Обратимся к современным записям корякского фольклора. Самая старшая из рассказчиц, в текстах которой зафиксирована формула *‘набросился → родила’*, Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г. рождения. Выйти замуж она могла не ранее, чем после наступления половой зрелости (не ранее чем в 1930 г.). Вопрос в том, каким был обряд хватания в 30-е гг. XX в., т.е. что могло попасть в сферу личного опыта рассказчицы.

С.Н. Стебницкий, проводивший свои исследования в 20-е гг. XX в., ничего не пишет о том, каковы были особенности обряда хватания в этот период. Но отсутствие сведений об этом обряде в исследованиях 1920-1930-х гг. компенсирует художественный текст. В 1939 г. в повести «Хоялхот» обряд хватания со всеми подробностями изобразил корякский писатель Кеццай Кеккетын:

(2) Тотчас бросился к невесте, хотел схватить её за грудь. Но девушка не далась. Тогда стали бороться. Полог покачнулся и покрыл их как сетка от комаров. Он повалил девушку и придавил, как важенку перед убоём. Тут она отняла свои руки от груди, и потерявший рассудок парень наложил ей на грудь свои ручки. Вдруг блеснул острый женский нож для кройки шкур. Но жених выхватил у Мэллэ нож и отбросил в середину юрты. Тотчас вышел и ушёл к стаду. <...> Так несколько ночей подряд являлся к невесте. Девушка по-прежнему не сдавалась. <...> Снова принялись бороться, и теперь эта строптивая девушка сопротивлялась чем попало – зубами, ножом, ногами, головой. Полог упал, от девушкиной кухлянки оторван весь перёд.

До того боролись, что оказались все в пепле, потому что, борясь, то и дело в очаг попадали. Посильней была бы женщина да чуть послабей мужчина – давно бы разорвала его в клочья.

“Что же это? Родители сами отдают меня ему. Как быть? Ославят меня”, – так вдруг подумала Мэллэ во время борьбы и со всей силы ударила его по щеке...

И тогда бросилась на подстилку из шкур, легла как заколотая важенка.

Так сдалась она этому медведю и – словно от дурмана очнулась – легла с ним и обняла его [Кеккетын, с. 58-59].

Заметим, что в этом эпизоде Кеццай Кеккетын, ориентированный на реалистичное изображение действительности, не упоминает о том, что невеста окутана одеждой. Возможно, эта часть обряда хватания в 30-е гг.

XXв. исчезла или была уже не так обязательна, как раньше, поэтому она и не сохранилась в фольклорных текстах.

Защита невесты другими женщинами во время хватания – богатая для сюжетообразования тема. Это не бытовая деталь. Здесь все, наоборот, должно было бы работать на сохранение данного элемента в сказке: возможность введения эпизодических персонажей (женщин-защитниц), возможность моделирования диалога, эмоциональная насыщенность, зрелищность эпизода. Всё это свойственно корякским сказкам. Однако ни в одном из текстов нет женщин-защитниц невесты, что, вероятно, связано с исчезновением этой составляющей из обрядовой практики. В этнографических исследованиях начала XX в. уже нет упоминаний об охране невесты женщинами-защитницами невесты. Это согласуется и с текстом повести «Хоялхот». В повести Кецкая Кеккетына женщины не только не нападают на жениха, но, напротив, осуждают Мэллэ:

(3) Всё стойбище уже узнало о том, что «взятие невесты» началось. Мэллэ и Хоялхот не раз слышали замужних женщин, говоривших: “Или у неё другой, тайный муж есть? Почему не может он смирить её? Отчего это? Когда с нами совершали «взятие невесты» наши покойные родители говорили нам: едва коснутся твоей груди руки жениха – ты уже принадлежишь ему” [Кеккетын 2010, с. 58].

Исчезновение элемента обряда из реальной обрядовой практики влечет за собой редукцию эпизода, восходящего к данному обряду. С другой стороны, в фольклорных сказках, зафиксированных в начале XXI в., сохраняются отголоски обряда хватания невесты, который исчез столетие назад. Что позволяет сюжетному элементу сохраняться и транслироваться в повествовательной традиции этноса, утратившего ту обрядовую базу, на основе которой возникла конкретная сюжетная ситуация? Дело не только в исчезновении или редукции первоначально возникшей на обрядовой базе сказочной формулы, но и в переосмыслении этой формулы.

Первоначально и в обрядовой практике, и в текстах активность принадлежала жениху. Традиционно могло быть только две стратегии поведения невесты.

Первая стратегия: невеста пассивна.

(4) Быстро утром вышел, спрятался, этот береговой: “Ик, вот сюда идёт красавица в красивой одежде с вороньим носом. Вот она, хорошая женщина, оказывается, ещё и красива. Погоди: “Наброшусь-ка я на неё”, – начал этот. На юкольник залез. Что ж, внезапно набросился на неё береговой. Куткыннюку!: «Авы-вы-вы-вы! Не надо! я, я не женщина. Я мужчина”. “Обманываешь, может, женюсь”. “Я же вороний Куткыннюку. Я не женщина”. Что ж, всё-таки родил Куткыннюку этот”. Ик, сын родился [Архив Мальцевой, т. 114, с. 796].

Этот фрагмент интересен тем, что в роли невесты выступает Куткыннюку, который мало того, что является мужчиной, но ещё и обладает особым могуществом. Однако роль невесты делает его совершенно пассивным.

Вторая стратегия поведения невесты: невеста активно сопротивляется.

(5) [Чичичъын говорит Амамкуту]: *Пока не торопись, я буду на бубне играть, быстро на неё бросайся. Если быстро набросишься, подумаешь, вот возьму её, ни за что не возьмёшь. Я больше не могу с ней ничего сделать.* <...> Амамкуту не терпится, зашевелился. (Чичичъын) поёт: *“Не торопись. Сделаешь себя неудачником”*. Заторопился, не дослушав, налетел на неё Амамкут, потому что красивая женщина. Убежала Капарнав’ (Росомаха-Женщина), не смог удержать, убежала [Архив Мальцевой, т. 112, с. 767, 769].

В фольклорных сказках неудача жениха в борьбе с невестой – явление редкое. Может быть, в данном фрагменте определённую роль играет роль и охотничья практика. Соотношение охотничьих и брачных обрядов – отдельная тема. В приведённой сказке активное сопротивление невесты в следующем эпизоде подавляется действиями жениха:

(6) *Потом он (Чичичъын) стал звать Амамкуа. Поёт: О-чик-чик, чик-чик-чик, ток-ток-ток, ток-ток-ток, ток-ток-ток, ток-ток-ток (т. е. ‘ну, давай!’)”. Набросился вдруг на ту, о которой пели, схватил её Амамкут. Не смогла убежать Капар (Росомаха), хоть и сильно шевелилась. Быстро она родила ребёнка, пока боролась, родила росомаха. Сына родила. Хватит тебе шевелиться, вон ребёнка раздавишь. Успокоилась: “Оказывается, ты меня обманул, спрятал человека”. Тогда женился [Амамкут] на Капарнав (Росомахе-женщине), повёз домой к Куткыннюку [Архив Мальцевой, т. 112, с. 771].*

Первоначально в сказках набрасывание жениха на невесту было связано именно с брачным обрядом хватания, но никак не просто с половым актом. Это можно утверждать с полной уверенностью. Во-первых, набрасывание в сказках всегда заканчивается браком, а во-вторых, самый любвеобильный и постоянно вступающий в беспорядочные половые связи герой корякского фольклора – Куткыннюку – никогда ни на кого не набрасывается. Он испокон веку женат на домовитой и мудрой Мити, поэтому все его любовные похождения не более чем кратковременные измены.

В современных текстах, рассказчики которых уже, как правило, не знают о существовавшем некогда обряде хватания невесты, формула *‘набросился → родила’* переосмысливается, воспринимается как вполне естественное изображение половой связи между персонажами сказки. Наблюдается несколько вариантов модификации традиционной формулы *‘набросился → родила’* в современных сказках.

1. Невеста соглашается поддаться жениху:

(7) *“Тинианэвыт, давай поборемся”. “Давай”. Начали бороться. Тинианэвыт родила [Архив Мальцевой, т. 90, с. 628].*

О взаимности раньше не могло бы быть и речи: «Мать предупреждает дочь, что жених получил разрешение взять её, а обычай требует, чтобы невеста не сдавалась без борьбы, даже если она любит своего жениха» [Йохельсон, с. 189].

2. Набрасывание изображается не как одномоментный, мгновенный акт хватания (ведь достаточно было просто коснуться рукой половых органов невесты), а как длительное действие, растянутое на целый день (8) или даже как многократное действие (9):

(8) *Вот он узнал какую жизнь, Сисисъын. Посмотрел: девушки красивые. Амамкут сразу напал. На Илгинанав'ыт (Белое-Облако-Женщина) женился Амамкутыкыльын. Эту Гивванав'эт целый день валял Сисисъын и ничего* [Архив Мальцевой, т. 81, с. 578-579].

(9) *В дом быстро побежал Акатню. Добрался до дома дочки (нинвитов), щёлкнул дверь, что ж, открылась. Сразу начал набрасываться на нинвитову девушку. Очень красивая нинвитова дочка. Что ж, она родила ребёнка нинвитиха. <...> Посмотрела [мать-нинвитиха], а он [Акатню] опять на дочери возится* [Архив Мальцевой, т. 119, с. 877].

3. Рассказчик, с позиции здравого смысла понимающий, что ребёнок мгновенно родиться не может, пытается объяснить условную, традиционную для корякских сказок формулу 'набросился → родила':

(10) *В разгар игры на бубне, заплакала женщина. Кинулся на женщину, родила ребёнка. – Э, оказывается, женщины с детьми бывают. Жёны с детьми, оказывается, жена (его), Тнаут, женщина. Домой привёз* [Архив Мальцевой, т. 61, с. 375].

4. Рассказчик изображает не набрасывание, а более понятное ему действие (в частности, близость, объятие). Изображается беременность, роды. Все это находится за пределами традиционной формулы и появляется в сказке уже как попытка рассказчика упорядочить повествование, подчинить некоторой логике, которая подсказана ему жизненным опытом:

(11) *Оказывается, красивый человек и так со мной сделал, потому что ночью обнял её. Что ж начал приближаться к ней. Живот огромный, беременная. Стали кушать. Приблизился. Живот огромный, "Плохо, живот что-то болит". Ну надо же, начала рожать, потому что ночью он обнял её* [Архив Мальцевой, т. 115, с. 809]. Интересно, что от устойчивой формулы остается лишь мгновенность рождения ребенка.

5. Рассказчик сохраняет действие набрасывания, но делает пояснение, объясняющее и ему, и слушателям, что скрывается за этим набрасыванием: *га=нав=пэнты=лэн* 'букв. женщино=набросился'. Ранее обряд набрасывания не нуждался в пояснении:

(12) *Вышла младшая сестра. Эмэмкутыкыльын набросился на неё как на женщину. Женился удачно на младшей сестре.<...>. Что ж, она (младшая сестра) родила, ребёнок появился. И начал говорить Эмэмкутыкыльын: "Поехали домой к Куткыннюку"* [Архив Мальцевой, т. 126, с.921].

6. Акт набрасывания исключается полностью. Вместо глагола *пентык* 'наброситься' рассказчик употребляет глагол *акмитык* 'взять' (13) или глагол *таматаһык* 'жениться' (14, 15):

(13) *Начали уже вокруг неё собираться молодые парни. Вскоре взял Рыттытиниангавыт (Морошку-Тинианавт) Титкымсысын. Она родила*

ребёночка. Тут стали они у Мити и Куткыннюку жить [Кибрик и др., т. 7].

(14) Тогда сказал отец (Хайэлгыт): “Хоть и отказывается она за тебя идти, бери её в жёны”. Женился. Домой вернулись. Опять жить начали [Лымныло, с. 42-43].

(15) На другую начал смотреть как на женщину. Стал пытаться жениться на ней. Эта женщина согласилась. Что ж, женился на ней [Архив Мальцевой, т. 108, с. 712].

Во фрагменте (15) отступление от первоначальной формулы не только в том, что жених не набрасывается, а женится, но и в том, что невеста согласна.

Условная сказочная формула ‘набросился → родила’ первоначально представляла собой отражение древнего брачного обряда, затем, будучи сохраненной в сказках, после утраты соответствующей обрядовой практики начала переосмысливаться рассказчиками, видоизменяться, дополняться деталями, понятными и рассказчику, и слушателям. Произошло смещение смысла сказочной формулы из обрядовой практики в практику социального поведения.

Сведения о текстах, использованных в статье

Архив Мальцевой (архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992-2010 гг. А.А. Мальцевой, ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН (расшифровка аудиозаписи и перевод на русский язык произведены А.А. Мальцевой при участии коряков-алюторцев), т. 5. – Рассказала Вера Васильевна Васягиргина, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка. Сказка записана экспедицией Института филологии СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 61. – Рассказала Притчина Мария Иннокентьевна, 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Сказка записана А.А. Мальцевой в п. Оссора в 2005 г. Текст сказки расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.Я. Волковой в п. Оссора в 2007 г., М.И. Поповой в п. Палана в 2006 г., Л.И. Чечулиной в г. Елизово в 2009 г.

Архив Мальцевой, т. 81. – Рассказал Чечулин Василий Николаевич, 1942 г. р., уроженец с. Анапка. Сказка записана в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 82. – Рассказала Чечулина Екатерина Ивановна, 1938 г. р., уроженка с. Анапка. Сказка записана А.А. Мальцевой в п. Оссора в 1991 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.Я. Волковой в п. Оссора в 1991 г.

Архив Мальцевой, т. 83. – Рассказала Чечулина Екатерина Ивановна, 1938 г. р., уроженка с. Анапка. Сказка записана в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 90. – Рассказала Эхивнав Елизавета Андреевна, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка. Сказка записана экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 112, 114, 115, 119. – Рассказала Нестерова Ирина Егоровна, 1933 г. р., уроженка с. Подкагерная. Сказки записаны А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2005 г. Тексты расшифрованы А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

Архив Мальцевой, т. 108. – Рассказал Нестеров Алексей Егорович, 1937 г.р., уроженец с. Подкагерная. Сказка записана А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2000 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

Архив Мальцевой, т. 126. – Рассказала Белоусова Варвара Кондратьевна, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Сказка записана совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Палана в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.

Лымныло, с. 42-43. – Рассказала Н. Безуглова. (Сведений о месте и дате рождения рассказчицы нет). Сказка записана и переведена на русский язык С.Н. Стебницким в с. Кичига в 1928 г.

Кибрик и др., т. 7. – Рассказала Киюк Анна Ивановна. (Сведений о месте и дате рождения рассказчицы нет). Сказка записана и переведена на русский язык А.Е. Кибриком в с. Вывенка в 1972 году.

Литература

1. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, 1973.
2. Иохельсон В.И. Коряки: культура и материальная организация. – СПб.: Наука, 1997.
3. Кеккетын К. Эвныто-пастух. Повести на корякском и русском языках. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010.
4. Кибрик А.Е., Кодзасов С. В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алоторцев. – М.: ИМЛИ РАН, 2000.
5. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Т. II. Репринтное издание 1755 г. – СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994.
6. Лымныло. Нымыланские (корякские) сказки / сост. С.Н. Стебницкого. – Л.: Художественная литература, 1938.
7. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.

Голованева Татьяна Александровна, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук.

Golovaneva Tatyana Aleksandrovna, research fellow, department of Siberian folklore, Institute of Philology, Russian Academy of Science (Novosibirsk), candidate of philological sciences.

Тел.: +7-9140527760; e-mail: gta-77@mail.ru

УДК 070.1(571.54)

© *Б.Б. Сибиданов*

**Тактики регионального таблоида в пространстве
проблемного дискурса (на примере газеты «Номер один»)**

Автор рассматривает проблемный дискурс газеты «Номер один», определяет участников коммуникативного пространства, выявляет основные тактики, используемые в проблемном дискурсе, отслеживает влияние таблоидных технологий на формирование и исследование общественной проблематики издания.

Ключевые слова: проблемный дискурс, коммуникативное пространство, тактики проблемных материалов, таблоидные технологии.

B.B. Sibidanov

**The regional newspaper tactics in a field of problem
discourse (through the example of «Number one» newspaper)**

The author examines the problem discourse of the «Number one» newspaper, defines the participants of the communicative space, identifies major tactics that are used in problem discourse, monitors the effects of tabloid technologies on the formation and study of social issues of the publication.

Keywords: problem discourse, communicative space, tactics of problem materials, tabloid technology.

Таблоидизация региональной прессы с особой остротой ставит проблему общественного и личного пространства потребителя информации в текстах СМИ. Доминирование таблоидного подхода закономерно, однако к тенденциям современного развития (или трансформации?) следует отнести смешение или пограничное взаимопроникновение друг в друга актуальных и развлекательных материалов. В результате частная жизнь отдельных лиц попадает в рубрику «Проблема» или отдельные факты уголовной хроники перерастают в медийное явление общественной значимости. Тем не менее, среди тем, которые отражаются в СМИ, основными и определяющими воздействия на аудиторию являются те, что находятся в поле общественной проблематики. Современная региональная газета формирует ее, прибегая к созданию проблемных материалов, которые в своей совокупности и формируют проблемный печатный дискурс.

Понятие проблемного дискурса нами определяется через коммуникативные задачи, которые ставит перед собой автор. В центре должна находиться общественная проблема, а содержанием публикации будет являться ее исследование. Результат такого исследования зависит от конкретных целей публикации: это может быть выход из ситуации, обвинение одной из

сторон, ожидание (если событийный потенциал проблемы не исчерпан), оценка, прогноз и т.д.

Первопричиной любой проблемы является конфликт. Это либо конфликт института с личностью, либо института с институтом, либо личности с личностью. Кроме того, возможен конфликт каждого из перечисленных участников с обществом. Подобная классификация взята нами из существующей практики разделения дискурсов на личностные и институциональные [Карасик, с. 193]. Если в основе первых лежит стремление выразить интересы отдельного индивида (личности), то вторые представляют речемыслительные типы, в которых говорящий защищает не собственные персональные интересы, а интересы организации. В результате «институт» в конкретной коммуникативной ситуации выступает как единый агент и способен включаться в конфликтные отношения с участниками общественного обсуждения. Нередко при обсуждении проблемы возникает положение, когда конкретному участнику (чаще всего, обвиняемому или порицаемому за какое-либо антиобщественное деяние) противостоит не конкретное лицо или организация, а общественное мнение. В таком случае в качестве коммуниканта должно выступать общество. Однако общество является собирательным феноменом и не может представлять собой лицо или организацию, которая имеет единую позицию по проблеме. И все же эта позиция чаще всего бывает представлена именно в качестве единого мнения, поскольку интересы общества в тексте публикации определяются ее автором.

Таким образом, основными участниками проблемного дискурса газеты являются *Личность, Институт, Общество*.

В основе проблемного дискурса лежит конфликтный дискурс: «В качестве конфликтного дискурса выступает такое амбивалентное речевое воздействие в виде целостного конструктивного образования, иллюкутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга» [Белоус, с. 6].

На первый взгляд, все указанные условия встречаются в проблемных материалах региональной прессы. Тем не менее, ситуация имеет существенные ограничения. Массовая коммуникация представляет собой опосредованный процесс взаимодействия коммуникантов, за которым следит аудитория. Конфликтная коммуникация, которая предполагает столкновение противоположных сторон (участников), в итоге перерастает в единого агента, создающего текст для реципиента. Именно рассказ о конфликте является посланием автора своему читателю. Однако это вовсе не нивелирует полностью конфликтный дискурс. Аудитория либо выбирает сторону, которой она отдает предпочтение, либо выносит конфликтующим агентам приговор, либо иным способом откликается на предмет разговора. Иначе говоря, она включается в коммуникацию (при этом такое включение не всегда озвучивание своей точки зрения – публикация, но внутреннее отно-

шение к происходящему или отдельным лицам). Так или иначе, происходит значительное расширение конфликта до размеров проблемы, в обсуждении или выражении внутреннего отношения к которой участвует большое количество людей.

Таким образом, конфликт на страницах газеты практически всегда носит проблемный характер, поскольку разворачивается перед массовой аудиторией. При этом большую роль играет автор, от позиции которого зависит, на чьей стороне будут симпатии аудитории. Его работа заключается в изучении проблемы, после чего он должен вынести свой приговор, который, кстати говоря, может быть выражен самым разным способом: от иронии до открытого обвинения.

Конфликт может быть предметом исследования автора, но сам дискурс формируется в совершенно ином коммуникативном пространстве – пространстве газеты и ее читателя. Проблемный дискурс должен втянуть в себя как можно больше людей, чтобы те выразили свое отношение к происходящему.

Нетрудно видеть, что решающее значение здесь начинают играть методы и приемы авторского исследования. Когда в основе лежит анализ, мы имеем дело с аналитическим произведением. Чаще всего проблемные материалы и расцениваются как аналитические, но поскольку они зависят от конкретных коммуникативных условий, мы не можем утверждать, что любой проблемный материал является аналитическим. Так, нередко предпринимаются попытки исследовать проблему с заданной коммуникативной целью достижения определенного результата. Подобные проблемные материалы могут обладать элементами манипулирования общественным сознанием, что, конечно, не является чертами аналитического дискурса. Кроме того, авторский подход в таблоидной прессе требует не сухого, трезвого рассуждения, но пробуждения сильных эмоций, которые невозможны при создании чисто аналитических материалов.

С другой стороны, проблема как информационный повод обладает воздействием и эмоциями, которые нередко и формирует авторское отношение. Иначе говоря, конфликт – основа и повод для анализа практически любой проблемы. Как воздействует проблема (конфликт) на автора, так он и исследует ее. Точнее оказывается не проблема, а ее поле, основанное на ценностях данного общества, на предыдущих событиях, каким-либо образом с ней связанных и т.д. Эти установки порой идут вразрез с анализом ситуации, формируя необъективный итог материала.

Таким образом, исследование проблемного дискурса общественно-политической прессы мы будем проводить, опираясь на коммуникативные тактики, реализуемые в текстах. Они и являются способом выражения авторской позиции и проявления дискурса. В результате многократного повторения общих условий и типичных участников таких конфликтов можно выявить типичные проблемные ситуации. Безусловно, важнейшим фактором реализации проблемной ситуации является завершенность коммуникативного происшествия. Однако в СМИ проблемный текст нередко предполагает развитие событий в будущем.

Словом, мы имеем дело с двумя случаями развития проблемы в журналистских текстах: 1) коммуникативная ситуация, которая исчерпывается одной публикацией; 2) коммуникативная ситуация «с продолжением», которая включает несколько публикаций на данную тему.

Конечно, ситуация «с продолжением» имеет больше шансов запомниться аудитории, а в некоторых случаях стать своеобразным символом каких-либо отношений в обществе, т.е. когда проблема имеет шанс перерасти в «именной» дискурс, который при одном упоминании будет формировать определенную психологическую установку восприятия проблемы.

Исходя из изложенного, можно говорить о структуре проблемного поля таблоидного издания в Бурятии. Совокупность единичных проблемных материалов создает общее проблемное поле газеты. Здесь определяющая роль принадлежит обобщенным способам освещения конфликта в издании. Это создает неповторимый дискурсивный образ газеты, ее стилистику, метод. На фоне общего проблемного поля рождаются тематические проблемные дискурсы. Например, газета «МК в Бурятии» в 2011 г. создала обвинительный дискурс «Хориноев» (или «О Хориноеве»), в конечном итоге приведший к отставке Председателя Верховного суда Бурятии. При этом в прессе появилось понятие «хориноевщина» (в частности, одно из последних упоминаний было в газете «Новая Бурятия» в материале А. Михайлова «Фрагменты схватки за пост Председателя Верховного суда РБ» в № 34 от 26 августа 2012 г.), которое красноречиво свидетельствует о силе данного проблемного тематического дискурса.

В данном исследовании мы сосредоточим внимание на общем проблемном дискурсе газеты «Номер один» в период с января по декабрь 2011 г. Уже в первом выпуске от 12 января встречаем материал В. Золотарева с явным проблемным потенциалом – «Экономика перегрелась юбилеем». В центре внимания оказались удивительные показатели экономического развития Бурятии. В начале статьи автор приводит победную статистику 2010 г.: «По индексу промышленного производства совсем диковинные цифры – 5-е место по России и рост 27 процентов. В мире, похоже, нет другого территориального образования с таким ростом промышленности. Всякие Китай и Сингапур нервно отошли и курят в сторонке». Но за этими цифрами стоит не реальный экономический рост, считает В. Золотарев, а федеральные вложения в празднование юбилея – 350-летия вхождения Бурятии в состав России. Поэтому финансовый поток, пролившийся на республику, важно использовать максимально эффективно. Однако в основном миллионы и миллиарды уходят в проекты, которые не окупятся и не принесут Бурятии экономического роста: «Это не инвестирование в бизнес и в экономику как таковую, это разовая постройка объектов и передача на баланс министерствам, ведомствам, администрациям». Итог рассуждений В. Золотарева печален: «Целевой поток денег иссякнет. А дальше покажем по итогам 2011 отрицательную динамику роста процентов в 10-15?». Выход из ситуации со стороны Президента Бурятии автор видит в умении

найти повод и выпросить у Москвы очередные вливания: «Впрочем, у президента есть еще два варианта сравнительно легкой добычи инвестиций в Бурятию, и оба федеральные. Можно устроить очередной праздник, вплоть до юбилея прибытия инопланетян. Но после 350-летия любой местный креатив на тему торжеств может показаться федеральной власти чрезмерным. Но есть более вероятный и беспроблемный способ – надвигающиеся выборы президента России 2012 года. Грядет очередная раздача денег регионам в счет политической лояльности. Главное – зафиксировать место в очереди к кассе в Москве и предъявить непреложные аргументы к получению».

Из приведенного отрывка видно: перед автором стоит цель не столько оценить экономическое положение региона и спрогнозировать дальнейшие шаги Президента Наговицына, но выставить региональные власти не в самом выгодном свете. В прогнозе слышна ирония. Фразы «юбилей прибытия инопланетян», «зафиксировать место в очереди к кассе» сообщают прогнозу В. Золотарева издевку, а значит, и соответствующую оценку деятельности властей Бурятии. В конечном итоге основное желание автора (его позиция по отношению к конфликту) – обвинить власти в неспособности поднять экономику региона. Это обвинение свидетельствует о конфликте интересов правительства Бурятии и общества, от лица которого выступает автор. И поскольку в материале нет конкретной пострадавшей стороны, конфликт скатывается в общую критику региональной власти. В целом такую проблемную ситуацию можно обозначить как «Институт – Общество», где на втором месте в паре выступает потерпевшая сторона, а в качестве «Института» выступает правительство Бурятии.

Тактику данного проблемного материала можно обозначить следующим образом:

- 1) описание ситуации (высокие показатели экономического роста в Бурятии);
- 2) прогноз (экономического эффекта не будет);
- 3) оценка ситуации с интенцией обвинения (варианты выхода из ситуации).

Следующий материал «Улан-Удэ ждет “санитарное” переселение» И. Ревенской (№ 2 от 19 января 2011 г.) совмещает в себе черты новостного и проблемного материалов. Во-первых, в глаза бросается явно таблоидный заголовок, который отчасти вводит в заблуждение, поскольку переселение коснется не всего города, а только тех горожан, кто проживает вблизи котельных и ТЭЦ. Во-вторых, содержательная цель материала включает в себя и задачи информирования, и постановку проблемы. В частности, речь идет о том, что Восточно-Байкальская природоохранная прокуратура обязала ТГК-14 создать вокруг котельных и ТЭЦ санитарно-защитные зоны, на территории которых жилые дома стоять не должны. Подобные мероприятия стоят миллионы рублей. Они, естественно, будут включены в тариф ТГК-14, полагает автор, а потом... «Потом тысячи улан-удэнцев окажутся в зонах выселения. За этим последует активный отказ ТГК-14 участвовать в переселении горожан. У муниципалитета денег на это тоже не бу-

дет. В результате население за свой счет всего лишь узнает, что живет на экологически вредных территориях».

Как видим, и в информационно-проблемных материалах коммуникативной целью автора является обвинение. Кроме того, налицо и определенное манипулирование. После приведения мнения заместителя мэра Г. Гендуновой по проблеме автор вдруг делает вывод о том, что позиции по переселению уже обозначены: «ТГК-14, как обычно, перекинула свои проблемы на тариф и на местную власть. Мэрия, в свою очередь, берет паузу на неопределенный срок». Хотя со слов Г. Гендуновой можно сделать вывод только о том, что мэрия начала заниматься этой проблемой, и 14-18 февраля собирается провести «круглый стол» всех хозяйствующих субъектов города. Как видим, газета информирует о еще не рожденном конфликте двух социальных институтов: мэрии и ТГК-14. В отличие от первой ситуации «проблемный» посыл автора носит более прямолинейный характер, а обвинение вновь мало обосновано. Даже последствия от прогнозируемого события носят, мягко говоря, преувеличенный характер (автор упоминает о необходимости переселения тысяч горожан). И вновь интересы общества представляет автор, и вновь выхода из проблемы не выявлено, но заявлена вина мэрии и ТГК-14. Но, так или иначе, нас интересует типология проблемной ситуации. Как мы уже упомянули, в данном случае речь идет о конфликте двух институтов, однако потерпевшей стороной станет вновь общество (тип проблемной ситуации «Институт – Общество»). Ведь в случае непереселения людей из санитарно-защитных зон и мэрии, и ТГК-14 вред нанесен не будет, поэтому их возможный конфликт связан не с защитой собственных интересов, а с перекладыванием своих обязанностей. В случае если бы материал уже располагал данными и вел рассказ о конкретных семьях, которые проживают в санитарно-защитных зонах, то тогда мы могли бы говорить о типе «Институт – Личность».

Тактика проблемного материала:

- 1) описание события (необходимость санитарно-защитных зон вблизи котельных и ТЭЦ);
- 2) постановка проблемы (кто будет финансировать переселение людей);
- 3) позиция ТГК-14 (отказ);
- 4) позиция мэрии (проблему еще не решали);
- 5) прогноз-обвинение (людей не переселят).

Следующий тип публикаций проблемного характера, на который мы не можем не обратить внимания, воплощает в себе материал «Смерть дешевле безопасности» В. Шишкиной (№ 15 от 20 апреля). Речь в этом материале идет о смерти электрогазосварщика Юрия Абидуева. И вновь можно констатировать обвинительный характер публикации. Смерть человека возникла в результате вынужденного нарушения им норм техники безопасности: предприятие ТГК-14 совершенно не желает вкладывать средства в защиту жизни и здоровья сотрудников. Данный материал во многом носит информационно-публицистический характер. Автор опирается на позицию

адвоката вдовы погибшего Виталия Хонихоева. Материал является очень острым, поскольку основан на трагическом результате халатности руководства компании. Технология привлечения внимания в данном случае выдержанна идеально. Тип проблемной ситуации представляет собой конфликт личности и предприятия («Институт – Личность»). Нетрудно видеть, что в подобных ситуациях материал обладает особенной остротой. Связано это с эффектом персонификации: читатель видит конкретного человека, который пострадал, сопереживание и эмпатия обеспечивают особенно сильное привлечение внимания к содержанию публикации. Цель материала – обвинить руководство ТГК-14 в преступлении.

Тактика проблемного материала:

- 1) описание события с одновременным созданием возвышенного образа погибшего;
- 2) обвинение ТГК-14 с созданием образа «страдания»;
- 3) итог-выход из ситуации (выплатить деньги семье и принять меры по технике безопасности).

Такая же ситуация сложилась и в конфликте между семьей одиннадцатиклассницы Анжелики Бальжиновой поселка Саган-Ур и директором школы Еленой Столоповой (материал В. Шишкиной «Прокуратура исправила школьную оценку», № 24 от 22 июня). Разногласия между сторонами возникли из-за оценки по информатике. Особенность данного случая в том, что здесь мы имеем дело с коммуникацией двоякого рода: с одной стороны, конфликт развивается в рамках «Институт – Личность», а с другой – проблема связана либо с деспотическими качествами личности руководителя школы, либо с личной неприязнью родителей и педагога («Личность – Личность»). Однако для нас важнее всего, что конфликт связан с институциональным функционированием, иначе говоря, мы имеем дело со статусным «неравноправием» участников коммуникации, что свидетельствует об институционально-личностном типе конфликта. Отсюда и проблемная ситуация определяется нами как «Институт – Личность».

Цель материала – описать подробности конфликта. Однако по сумме изложенных аргументов и описанных событий (конфликт директора с учителями и родителями уже имел место) складывается впечатление, что жертвой является ученица, отсюда и материал может быть расценен как обвинение педагога в необъективности и превышении должностных полномочий. И в этом случае конфликт перерос бы в проблему соответствия Елены Столоповой занимаемой должности директора школы. Проявился бы другой тип конфликта: «Личность – Общество», поскольку возможные несправедливость и самоуправство означают, что люди страдают не от института, а от деятельности человека, занимающего должность, не соответствующую его нравственным качествам. Однако данный аспект сохраняется в тексте только как возможность, а не как данность. Поэтому и тип конфликта остается непроявленным.

Тактика проблемного материала:

- 1) описание события (вмешательство прокуратуры);
- 2) мнение директора (несогласие с действиями);
- 3) обвинение директора с одновременным созданием образа «страдания» (мнение семьи школьницы);
- 4) точка зрения директора на обвинение.

Следующие типы проблемных ситуаций «Личность–Общество», «Личность–Институт» и «Личность–Личность» чаще всего носят уголовно-криминальный характер и ограничиваются задачами обыденного информирования. Естественно, в этом случае публикации перестают быть проблемными. В газете «Номер один» данное направление выражено отчетливо. Уголовная хроника присутствует в каждом из выпусков газеты. При этом сами ситуации сложно назвать проблемными, поскольку в них совершенно не обозначена позиция автора, точнее, она переведена из текста в контекст. Например, публикация «Мать покончила с собой из-за сына» (№20 от 25 мая) носит именно такой характер. Приведем текст публикации полностью.

«Мать покончила с собой из-за сына.

Ее единственный сын совершил кражу. Чтобы мирно прекратить дело в суде, матери нужно было найти 20 тысяч рублей для возмещения вреда потерпевшим. Но найти деньги мать не смогла и повесилась.

17 марта в университетском кафе по Жердева произошла кража. У одной из отдохавших женщин украли сумочку. Потерпевшая, заметив пропажу, бросилась за парнем, который сидел за соседним столиком и недавно ушел.

– В сумочке находились телефон, документы и деньги на общую сумму в 23 тысячи рублей, – сообщает Эвелина Богданович, старший следователь СО ОМ № 2 УВД по г. Улан-Удэ. – Парня задержали, но сумочки при нем не оказалось. По его словам, он испугался и выбросил похищенное. Ничего из сумочки он взять не успел.

В ходе следствия была изучена видеозапись, на которой видно, как подозреваемый быстро выходит из кафе, держа что-то за пазухой. 17-летнему подростку предъявили обвинение. А его мать поехала в родную деревню в Тункинский район искать деньги, чтобы возместить ущерб потерпевшей.

Мать обвиняемого в краже подростка – инвалид, была больна бронхиальной астмой. Деньги для сына она не нашла и повесилась. В предсмертной записке 36-летняя женщина написала, что денег у нее нет, и просит никого не винить в ее смерти.

Ее сын обучается в одном из техникумов города. Кроме матери у него никого нет, только отчим».

Как видим, проблема не заявлена, описание конфликта и его последствий не перерастает в рассмотрение социально значимого явления, не сопровождается комментарием автора. Автор ставит задачу информировать о происшествии, но не погружаться в проблему в поисках выхода. Хотя по-

тенциал для подобного поворота имеется. Наличие конфликта (насилия) в описываемых событиях еще не гарантирует проявления проблемного дискурса. Материал реализуется в рамках трэш-дискурса [Сибиданов, с. 52-61]. С точки зрения участников события подобные материалы подразумевают реализацию схемы «Личность – Личность». Цель же материала – информировать и шокировать произошедшим. Послание к читателю можно охарактеризовать следующим образом: «Взгляните, как это ужасно!» Подобным образом построены сообщения практически всей уголовной хроники.

Однако событийная основа происшествий криминальной жизни все же способна проявить проблемный дискурс. В материале Л. Ульяновой «Зверские убийства с неясными мотивами» (№ 15 от 20 апреля) в центре – убийство подростками двух девочек: шестнадцатилетней Вали и семнадцатилетней Ани. Журналист пытается понять, что послужило причиной страшного преступления. В частности, в полиции, констатирует автор, считают, что «преступления были совершены из хулиганских побуждений, а умысел складывался внезапно и из-за нелепых мотивов». Рассматривается и версия о том, что подростки были скинхедами. Но больше всего похоже на правду другая версия: убийства были «женской мстью». Как видим, в материале вновь проблемная ситуация, реализующаяся в координатах «Личность – Личность». Вновь перед нами конфликт-насилие. Однако в отличие от предыдущего материала автор пытается осознать мотивы. В начале публикации журналист рассказывает о ходе следствия, об ожиданиях родителей погибших девочек. Словом, в той или иной мере выведен образ потерпевшей стороны. И хотя в тексте нет рассуждений о нравственности, из всего материала, построенного на противопоставлении убийц и жертв, проявляется этическая оценка. Главная цель публикации лежит в плоскости между посланием «Как это ужасно!» и попыткой ответить на вопрос: «Почему это происходит?». Иначе говоря, наличие нравственной проблематики вовсе не отменяет влияния трэш-дискурса, т.к. именно он обусловил попадание данного материала в газету.

Тактика проблемного материала:

- 1) описание события (пересказ первичных фактов убийства);
- 2) создание образов убитых девушек (цель – обобщенный образ безвинного страдания);
- 3) описание институциональной ситуации со скрытой интенцией обвинения (в милиции долго не заводили дела);
- 4) описание версий мотивов преступления;
- 5) итог-оценка преступления (обвинение).

Такая же ситуация перерастания трэш-дискурса в проблемный наблюдается в других материалах Л. Ульяновой: «Знакомство с убийцами – через Интернет» (№ 16 от 27 апреля), «За что убили продавщицу ломбарда» (№21), «Юный педофил» (№25 от 29 июня), «Девочка повесилась от взрослых проблем» (№40 от 12 октября), «В Улан-Удэ работает более 500 протитутков» (№41 от 19 октября) и др.

Для коммуникативной ситуации проблемного материала характерно то, что конфликт формирует проблемный дискурс газеты. Как правило, в конфликте присутствует потерпевшая сторона («жертва») и виновник («злодей»). Автор становится на сторону жертвы конфликта и пытается в той или иной мере вынести нравственный приговор рассматриваемому событию через обвинение.

Типичные тактики развития проблемной ситуации, которые использует «Номер один», основаны на типологии «Институт – Личность» и представляют собой следующие этапы: фактическое описание события; обвинение с параллельным созданием образа «страдания» (или создание образа «страдания» с одновременным обвинением); итог.

Иногда «создание образа “страдания”» отделяется от обвинения. Кроме того, возможен и параллельный процесс – «создание образа “злодея”». В крупных материалах может присутствовать и презентация обвиняемого, в которой он пытается оправдаться. Однако этого почти никогда не происходит. Фактически этот этап всегда используется для усиления позиции обвинения. Иногда первый и второй блоки могут сокращаться ввиду отсутствия конкретных потерпевших или отсутствия сведений, но в тексте обязательно присутствует акт обвинения. Кстати, он может содержаться в тексте как эксплицитно, так и имплицитно (проявляясь через контекст медиареци). Эта черта становится стилистической особенностью издания.

В публикациях, где важнейшими элементами являются мнения сторон как способа проявления проблемы, тактика несколько меняется: фактическое описание события; мнение одной стороны; мнение второй стороны; итог.

В зависимости от целей материала даже этот сценарий может модернизироваться: часто в нем наблюдаются элементы обвинения, которые тут же активизируют роли «жертвы» и «злодея». И тогда мнение «потерпевшей» становится обвинением. В случае если после обвинения следует мнение-опровержение обвиняемого, то к концу материала, как правило, обвинение повторяется.

Среди типов проблемных ситуаций в «Номере один» ведущее место занимает тип «Институт – Личность». Именно в этих координатах газета получает возможность реализовать персонификацию и наиболее эффективно кого-либо обвинить. Второе место занимают проблемные материалы, в которых рассматриваются нарушения или преступления со стороны тех или иных институтов (тип «Институт – Общество»). Обширным блоком представлены публикации «Личность – Общество» и «Личность – Личность». Гораздо реже встречаются материалы типа «Институт – Институт», в которых виновные обрисованы неявно из-за неясности последствий исследуемых событий. Все это позволяет говорить о сильном влиянии таблоидных технологий на проблемный дискурс газеты. Тактики развития проблемной ситуации почти всегда заранее определены заданной целью, которая чаще всего представляет собой обвинение.

Литература

1. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
3. Сибиданов Б.Б. Печатные СМИ Бурятии: дискурсы воздействия. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013.

Сибиданов Баир Борисович, доцент кафедры журналистики и рекламы Бурятского государственного университета, кандидат исторических наук.

Sibidanov Bair Borisovich, associate professor, department of journalism and advertising, Buryat State University, candidate of historical sciences.

Тел.: +7-9148411191; e-mail: sibibair@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. – М.: Азбуковник, 2011. – 584 с.

Пророческие слова М.В. Ломоносова «*богатство России будет прирастать Сибирью*» – коснулись как материальной, так и духовной сферы. В последние два десятилетия были освоены и введены в научный оборот обширные исторические фонды деловой письменности XVIII в., хранящиеся в государственных архивах и музеях Иркутской и Читинской областей, Республики Бурятия и Республики Саха-Якутия. Сотни прочитанных и транслитерированных документов о хозяйственной, административной, политической и повседневной жизни русских первопоселенцев в Восточной Сибири стали «говорящей» материальной базой для региональных исторических словарей, составленных в Новосибирске, Чите, Благовещенске, Томске, Смоленске, Перми.

Рецензируемый «Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье» А.П. Майорова представляется естественным звеном в цельном блоке тематически связанных научных публикаций автора (Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А.П. Майорова; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. – Улан-Удэ, 2005; Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: Азбуковник, 2006). Их объединяет профессиональное понимание места делового языка региона в стилистической системе формирующегося в XVIII в. русского национального языка; четкие теоретические установки автора относительно структурно-системного и жанрово-стилистического своеобразия документов прошлого при синхронно-диахронном подходе; интерпретация региолекта с учетом внутриязыковых и экстралингвистических факторов его развития.

Представляя во Введении общую характеристику словаря, А.П. Майоров раскрывает принятые лексикографические постулаты: строгие хронологические рамки отбора материала только XVIII в. – времени становления норм национального русского языка и синтеза «двух ранее обособленных языковых стихий – народно-разговорной и книжно-литературной» (с. 6); историко-дифференциальный принцип включения в словник разговорной и общеупотребительной книжной лексики со спецификой функционирования, достоверно зафиксированных в Забайкальской деловой письменности XVIII в.

Впервые в историко-лексикографической практике поставлена задача показать формирование русского региолекта в новых социально-исторических условиях речевого общения.

Масштабность и трудоемкость научного проекта совершенно очевидны. Генетически и стилистически разнородный лексический материал диктовал особую методику отбора языковых единиц для словника. Так, при выявлении *книжно-литературной* лексики с региональными семантическими

или структурными признаками потребовалось обращение ко всем академическим историческим словарям русского языка, а также к специальным научным исследованиям.

Широко представленная в «Словаре...» *разговорная лексика* в основном имела северно-русское происхождение и была идентифицирована по данным Словаря русских народных говоров (ИЛИ РАН), областных и исторических словарей, а также историко-диалектологических исследований по севернорусскому наречию. Судя по ссылкам, автор внимательно и корректно сопоставляет самостоятельно собранный им по 20 архивным фондам лексический материал с опубликованными историческими словарями народно-диалектной речи в Сибири XVII–XVIII вв. (Панин, 1991), делового языка по Нерчинским памятникам письменности XVIII в. (Христосенко, Любимова, 2003).

Заимствования как лексикографический объект выделяются с меньшими трудностями, благодаря характерным фонетико-орфографическим признакам. Иноязычные слова из языков коренного населения Восточной Сибири толкуются с опорой на специализированные издания «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (1975-1977), трехтомный «Словарь якутского языка» (Пекарский, 1958), «Бурятско-русский словарь» (Черемисов, 1973) и на фундаментальный «Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» (Аникин, 2000).

Заимствования из европейских языков были достаточно частотны в официально-деловой и производственной сферах. Их фонетико-орфографическая вариативность и семантическая неоднородность (от однозначности и терминологичности до многозначности и полной десемантизации) требовали от автора обращения к двуязычным, историческим и современным толковым словарям. Очень ценны обобщения А.П. Майорова о содержательной стороне каждого типа заимствований, их территориальном распространении и степени нормированности. Европейские заимствования «являются общесибирскими» (с. 7) и отличаются узальной нормированностью. «Автохтонные заимствования характерны только для узуса русского языка забайкальского и якутского региона» (с. 7). Они ограничены обиходно-бытовой сферой функционирования.

Научная состоятельность рецензируемой работы несомненна. Она проявилась в отмеченных выше ее достоинствах и в других сторонах издания. Среди них – обширный справочный аппарат с библиографически точными указаниями. Это источники специализированной картотеки (скорописные и опубликованные тексты XVIII века), научные исследования и словари, полный список сокращений этнонимов и воспроизведенных текстовых сокращений, принятых в забайкальской деловой письменности.

Как и любой серьезный научный труд, работа А.П. Майорова вызывает раздумья о полноте и точности сформулированных автором исходных положений:

1. Название словаря предполагает трехчастный и вместе с тем триединый объект изучения: *русский язык, синхронный срез XVIII в.*, территориальное ограничение его функционирования – *Восточная Сибирь и Забайкалье*. *Региолект* – относительно новое научное понятие и новый термин в метаязыке русистики. Он образован по известной словообразовательной модели (ср. *диалект, социолект, религиолект*) и предполагает, что речь идет о различиях с национальным/общенародным языком, которые составляют лишь меньшую его часть.

В Словаре описано около 7000 единиц, реально же в письменном языке и в речевом обиходе русских первопоселенцев лексический фонд был, вероятно, значительно больше, а языковая картина мира неизмеримо богаче.

Сужение объекта лингвистического анализа, при котором общее остается «за кадром», между тем вполне правомерно. Однако на наш взгляд, представляется необходимым добавить в предисловие содержательную короткую информацию о соотношении региолектов и общенародного языка как частного и общего. Последнее предполагает устойчивость системных семантико-структурных основ русского языка как восточнославянского.

Помимо хорошо изученных говоров и наречий центрального массива, сегодня существуют региолекты XVIII в. Южного Урала, Зауралья, Притобья, Западной Сибири, Приобья и т.п. Они также сформировались в результате миграции населения в XVIII в. с запада на восток. Но за одно или полтора столетия генетически разные диалекты еще не успели слиться в единое целое и продолжали опираться на язык своих предков. Остается неясным, появились ли своеобразные языковые признаки в новой речевой среде или они сохранились в генетической памяти людей как материнская основа.

2. Значительную устойчивость общерусского лексического фонда и системно-структурных констант в любом региолекте проявляют некоторые глобальные сферы социоречевого общения. Таков *церковный язык* в речевом обиходе и в кругу книжно-литературной лексики. Церковнославянизмы в Словаре зарегистрированы нечисто, что кажется, на первый взгляд, странным: ведь из 20 изученных рукописных фондов четыре отражают духовное делопроизводство, а следовательно, и разные аспекты функционирования церкви. В течение столетий вплоть до начала XX в. церковнославянизмы отличались устойчивостью лексического состава в силу огромного влияния церкви на весь уклад жизни русского человека, где бы он ни жил. И в речи сибирских переселенцев этот пласт лексики был традиционно значительным, маловариативным и устойчивым. Как заголовочные, в словарь попали лишь немногие церковнославянизмы: *вклад, мясоеды, Рождество/Рожество, оплечье* и др., однако имплицитно церковная сфера в языковой картине мира первопоселенцев Забайкалья представлена либо в иллюстративном материале: *крещение, святки, Пасха, обряд, сошествие Святого духа на апостолы*, либо проявляется в производных словах как заголовочных: *просфиропекатель, просфоропечение, просвирищик, просфоряк* от незарегистрированных *просфора/просвира*. Особенно

показательно свидетельствует о церковнославянизмах в списке сокращений (с. 23), где из 86 типичных случаев 33 относятся к церковной лексике. Отметим: в скорописных текстах делового письма сокращались самые частотные, а потому узнаваемые слова.

3. Возможно, следовало оговорить своеобразие употребления слов с известными соотносительными признаками старославянского (южнославянского) и восточнославянского происхождения: *береза, березина, бережая, бороньба, борода, борошень, вереха, веред, веретешко, веретно, голова, голышина* и др.; *благо-* (*-надежный, -временно, -почтенно, -рассмотрение, -стойно, -угодно, -чинно*), *врата, вреда, вредно, время* и др. Даже неуглубленный анализ указывает на их стилистическую неоднородность и преобладание слов с собственно русскими признаками, особенно это показательное на морфонологическом уровне.

4. Другой наддиалектный и надрегиональный пласт лексикона составляют стереотипы делового языка: названия документов, обусловленные векторами документооборота, узаконенные жанрами внутритекстовые шаблоны, этикетные формулы. В деловой письменности XVIII в. Зауралья, Южного Урала, Прииртышья, Забайкалья и т.д. они были одинаково регламентированы требованиями вышестоящего Сената и Синода, церковных консисторий. С другой стороны, основным источником для Словаря стали тексты из документной письменности, где лишь средняя свободная часть формуляра отражала живую речь.

Поэтому Словарь в значительной мере стал лингвистическим памятником восточносибирской и забайкальской деловой письменности XVIII в., тем самым не нарушилось соотношение общего и частного и оказался цельным объектом изучения.

5. Во Введении выделены лексические *архаизмы* в сфере «книжно-литературного идиома, которые в региональном узусе удерживаются дольше и функционируют значительно активней» (с. 6). Этот вывод подтверждают и материалы южноуральских, зауральских и западносибирских деловых документов XVIII в. Но возникает вопрос: каковы объективные критерии и доказательства того, что выделенные слова действительно были устаревшими в языке XVIII в., если некоторые из них (*брюхо, брюхатая, втуне, зело, паки* и др.) отмечены в активном словаре русских писателей во второй половине XIX в. и лишь в XX в. стали восприниматься как архаизмы?!

Автор-составитель словаря компактно и убедительно вводит своего читателя в колоритный мир забайкальской русской речи в прошлом, фиксируя внимание на ярких особенностях, отличающих ее от современной литературной речи. Среди констант лексикографической интерпретации – доказательность, региональная специфика, обусловленная социокультурными условиями, продуктивность лингвистического явления в деловом и

* Глинкина Л.А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: около 7000 слов, более 500 ил. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2008. – 432 с.

обиходно-бытовом языке XVIII в. Поэтому в Словаре неизменно проявляется стремление к объективной информации путем толкования, этимологических справок, авторитетных ссылок, контекста, семантических, грамматических и стилистических помет. В совокупности это и есть авторское новшество относительно лингвистической содержательности и информационности в избранном типе словаря. Лексикографической разработке языкового материала предшествует изложение принципов анализа. Главный среди них – *принцип историзма*. Он реализован как *историко-дифференциальный*, учитывающий динамику языка на всех его уровнях и в разных стилях. Принимая такой конструктивный план, вслед за автором и вместе с ним обзорно отметим некоторые особенности языкового материала.

Относительно *графики и орфографии* разработана своя система подачи лексем с учетом специфики скорописных текстов XVIII в. Транслитерация слов соотносится с известными эдичионными требованиями, принятыми в лингвистическом источниковедении: сохраняются, но, как правило, не восстанавливаются **Ѣ, ѣ, ѥ**; в заголовочных словах не передаются выносные буквы и буквосочетания; учтены все фонетико-орфографические варианты, отраженные в деловом письме (*окорок–окарок; лисвяг–лисвяк; легкой–лежкой–лежкой; кошт–кошт; керка–кѢрка; срочной–срощной–строшной–строчной*). К сожалению, объем словаря в ряде случаев не позволил автору проиллюстрировать каждый вариант заголовочного слова. Фиксация вариантов особенно информативна в следующих случаях:

а) при определении диалектных истоков региолекта. В тексте представлены чаще всего слова с такими чертами северно-русского наречия, как ассимиляция губных (*омман–омманство*); упрощение групп согласных (*госья, ись (=есть)*), замена **а** на **е** (*греть, но прядь*); лабиализация **е>’о**, которая графически передается лигатурой **іо/но**: *куріозной, серіозной, ліохкое*. Южнорусские и среднерусские черты в графике словаря отражены слабо, за исключением абсолютно частотного сочетания **шн** на месте **чн**: *песошной, яблошной* и др.;

б) при определении стилистически знакового чередования собственно русских и старославянских альтернатив: ср. *хоромы, холод, беремя* (только в русском варианте), *ношь, ношной–ночевье; нуждной – нужно; пекчи–пещися* (в русском и старославянском вариантах) и др.;

в) при изучении типов фонетической адаптации заимствований: *партаменты, естафета–эштафета, гумажник* и т.д.

На уровне *словообразования* автор отмечает отсутствие в региолекте XVIII в. уменьшительно-уничижительной коннотации в словах с суффиксами **-ушк-/-юшк-, -ышк-/-ишк-/-ешк-**: *войлочишко, скотинишко, вертешко* и др.; типичные для разговорной речи композиты с семантикой масти домашних животных: *наворонѢлгь, сбѢлапестрь, вкоуречалой, вкарегнѢдой*; дублетные лексемы: *бессонство–бессоние–бессонница; непро-*

мыслица-беспромыслица и др.; высокую продуктивность отвлеченных и собирательных существительных с суффиксами **-ств-(о)**: *бескотство, бесконство, глупство, -иц-(а)*: *бескормица, бессеница, -(н)ие*: *бессоние, похуление, опромыслие*. Синонимия аффиксов приводила к активизации избыточной лексической дублетности, а это вело к ее устранению.

На морфонологическом уровне в словаре выделяется абсолютное преобладание полных прилагательных с флексией **-ой** в ударной и безударной позиции: *хлебной, затворной*, аналогично в производных от заимствованных существительных: *анбурской, антимонной*, в прилагательных с основой на шипящий **-ей/-ой**: *большей/большой, порожней, серогорючей, не серогорюшной*.

На морфологическом уровне обращают на себя внимание некоторые частеречные особенности: достаточно большое количество грамматических вариантов: родовариантные формы существительных: *обхват/обхвата, грыж/грыжа, лампат/лампата* и др.; грамматические варианты форм ед. и мн. числа существительных: *пожитки/пожиток, усы/ус* и др.; продуктивность словообразования композитов с первой частью числительным: *двое-лапой, двоеведеный, тримесячной, троесучь, пятисотенник* и др., а также собирательных числительных с суффиксами **-еро-/-еры-** от всех количественных числительных, в том числе от названий десятков: *двенадцатеры, тридцатеры*; для номинации второго десятка еще регулярны модели трехсложных словосочетаний: *два на десять, пять на десять* и др.; продуктивность деепричастий на **-а, -я** от основ совершенного вида: *не потерпя, подскоча, получа, отложась* и др.; активное формообразование от глагольных основ – страдательных причастий настоящего времени и типичная для делового письма XVIII в. широкая употребительность страдательных причастий прошедшего времени в безличном значении: *собирано, повелено* и др.; многочисленные наречия и фразеологические сочетания с обстоятельственным значением: *бездельно, бездомочно, вборзе, воблись, вдостанал, вдругорядь, нарочно; ♦в додаток, ♦в лишке, ♦в обрат, ♦в ростах, ♦на братскую руку, ♦стоять на хлебе, ♦принять на дух* и др. Автор дает к заголовочному слову множество синонимичных параллелей: *все-крайне (чрезвычайно, вельми, зело, гораздно)*.

Синтаксические особенности русского языка XVIII в. можно выявить лишь при знакомстве с иллюстративным материалом. Их самое яркое проявление составляют: неустойчивость порядка слов в предложении; нередкие случаи интерпозиции и дистанционных синтаксических связей; обилие простых безличных и сложных бессоюзных предложений; характерные для синтаксиса более ранних памятников письменности интертекстуальные вставки; так называемые конструкции *ало кошоо* при описании человека, животного, предмета (см. в приложении тексты образцов скорописного письма (с. 577): *пала корова бѣлосереда большая рогата голова красная. Онисимъ волосомъ русь глаза серые*). В отдельных словарных статьях отмечены как фразеологизмы синтаксические штампы для передачи разго-

ворной речи. Например, при глаголе БЫТЬ: ♦где ни(на) есть, ♦каков тебе не буду, а буду (другой), ♦какой ни есть, ♦кто ни на есть и др.

Особое внимание автор уделяет *семантическому уровню*. Рассматривая во Введении соотношение регионального Словаря и Словаря русских народных говоров, он предлагает подробный перечень тематических групп. Логическое определение заголовочного слова с достаточно полным и точным описанием реалий и семантической характеристикой раскрывается в единстве его толкования и иллюстративного материала. Семантическое описание включает разные определения с ориентиром на указание характерных признаков денотата, стилистические и территориальные ограничения. Многозначные слова толкуются в соответствии с историческим принципом расположения значений. Это обеспечено ссылкой на исторические словари, труды по исторической лексикологии и лексикографии, а также на современные областные словари. Этимологические справки к автохтонным заимствованиям даны с учетом их исторической динамики в забайкальском региолекте XVIII в. Словарные статьи включают систему стилистических помет: *дел.* (=административно-деловой?), *воен.*, *кузн.*, *горн.*, *церк.*, *кожевен.* и др. К сожалению, автор не оговаривает во Введении принципы их введения в Словарь. В структуре словарных статей отражены системные связи каждой номинативной единицы: синонимия, омонимия, антонимия, указаны основное и вторичные значения. Показательны забайкальские омонимы к общеизвестным словам русского лексикона: *бочок*=бочка, *язычной человек*=переводчик, *курица*=деревянный брус с загнутым концом для поддержания водосточного желоба на крыше и др. В словаре единообразно использована техника подачи толкуемых языковых единиц. В Приложении, помимо фотографий с видами Забайкалья, предлагаются фотокопии оригинальных документов различных жанров, которые дают представление о скорописи делового письма в XVIII в.

Глубоко погружившись в текст Словаря А.П. Майорова, понимаешь высокую значимость этого уникального, подвижнического труда. Во-первых, этот хорошо изданный научный лексикографический справочник стал историческим памятником духовной культуры Восточной Сибири и Забайкалья. Во-вторых, автор первым проложил путь для обобщающих лингвистических исследований других региолектов азиатской части России. В-третьих, намечены перспективы дальнейшей разработки ряда объектов исторической русистики и лингвистического источниковедения. Самыми глобальными из них представляются темы языкового варьирования и специфики разговорной речи во взаимодействии с деловой письменностью в истории русского языка в целом и в его региолектах на синхронно-диахронном уровне. С выходом Словаря А.П. Майорова русская историческая лексикография обогатилась фундаментальным научным трудом.

Л.А. Глинкина
д-р филол. наук, профессор,
Челябинский гос. пед университет

Юбилейные события на филологическом факультете

В конце ноября 2012 г. на филологическом факультете Бурятского государственного университета проведено два крупных мероприятия, посвященных юбилеям наших старших коллег.

16 ноября 2012 г. в рамках Недели русского языка состоялся Республиканский круглый стол «Лингвистическая теория и методика преподавания языков в вузе и школе», посвященный юбилею кандидата педагогических наук, доцента Либерии Лаврентьевны Марковой.

Л.Л. Маркова – признанный методист-русолог, ученый и практик, вырастивший несколько поколений учителей нашей республики. Можно с уверенностью утверждать, что в каждой школе Бурятии есть ее студенты. Авторитет Либерии Лаврентьевны необыкновенно высок в среде преподавателей русского языка, что подчеркивалось в каждом выступлении на юбилейном круглом столе.

Участники круглого стола обсудили практику применения современной лингвистической теории в преподавании русского языка (проф. В.М. Хамаганова), вопросы реализации ФГОС нового поколения и пути решения целей и задач преподавания языков в высших и средних учебных заведениях (доц. Л.Л. Маркова, доц. С.В. Русанова, учитель высшей категории Т.В. Федорова, заведующий кафедрой языков и литературы РИКУиО канд. филол. наук Л.А. Гармажапова), перспективы сохранения содержательной части национально-регионального компонента в системе преподавания русского языка (директор Нижнеангарской МБОУ СОШ № 1 Н.М. Елисененко), некоторые практические вопросы преподавания русского языка иностранцам (А.Н. Хандаева) и другие вопросы.

22-23 ноября 2012 г. в Бурятском государственном университете состоялась международная научная конференция «Актуальные проблемы функционирования и развития языков в условиях контактирования», посвященная 80-летию доктора филологических наук, проф. Октябрины Доржиевны Бухаевой.

Ирина (Октябрина) Доржиевна Бухаева – основатель научной школы по сопоставительной грамматике русского и бурятского языков, 43 года проработавший на филологическом факультете Бурятского государственного университета, преподаватель, являвший собой образец вдумчивого принципиального ученого, человека большой души, справедливого педагога, к мнению которого прислушивались поколения учеников.

В 1987 г. И.Д. Бухаева защитила кандидатскую диссертацию «Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемость в русском и бурятском языках», в 1998 г. – докторскую диссертацию «Речевая сегментация в рус-

ском и бурятском языках (в аспекте универсального и специфического)». Результаты исследований И.Д. Бухаевой нашли отражение в двух монографиях, серии научных трудов.

Дело И.Д. Бухаевой продолжают и развивают ее ученики, преподаватели языковых кафедр филологического факультета и национально-гуманитарного института БГУ, ученые Бурятского научного центра, Республиканского института кадров управления и образования, учителя-словесники.

В работе конференции приняло участие около 60 лингвистов, представляющих научные центры Москвы (Институт языкознания РАН), Монголии (АН МНР, Монгольский государственный университет образования, Монгольский университет науки и технологий), Якутии (Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова), Калмыкии (Калмыцкий государственный университет), Читы (Забайкальский госуниверситет), Иркутска (Иркутский государственный лингвистический университет), Бурятии (ИМБТ СО РАН, БГУ, БГСХА, РИКУиО, ВСГУТУ).

Целью конференции было обсуждение ряда сложных, актуальных, нередко спорных вопросов, связанных с современным состоянием русского и монгольских языков, возможности их полилога в едином интеллектуальном и образовательном пространстве.

Пленарное заседание включало девять докладов, представляющих современные взгляды на фундаментальные проблемы языка: от биокогнитивной лингвистики (проф. П.П. Дашинимаева) и языковой ситуации в современной Монголии (акад. Л. Болд) до современных проблем изучения русского и бурятского языков (д-р филол. наук Д.Ш. Харанутова), проблем межъязыковой синонимии, перспектив сопоставительного исследования пространства и времени в русской и бурятской картинах мира (канд. филол. наук Н.А. Дарбанова), проблематики забайкальского региолекта (д-р филол. наук А.П. Майоров).

Основной проблематикой секционных заседаний (всего представлено 64 доклада) являлись синхрония и диахрония русского языка и методика его преподавания, социолингвистика и лингвокультурология, актуальные проблемы перевода и сопоставления монгольских языков. Доклады участников охватывали общую теорию языкознания, его типологию, теоретическую грамматику, историю языков.

Ученые отмечали огромный вклад И.Д. Бухаевой в развитие сопоставительного языкознания в регионе, ее качества как человека и большого ученого.

И.Ж. Степанова
канд. филол. наук, доцент

В Е С Т Н И К
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 / 2013

ЯЗЫК. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Редактор И.Х. Оширова
Компьютерная верстка Л.П. Бапкиновой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 28.03.13. Формат 70 x 100 1/16.
Усл. печ. л. 16,4. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500. Заказ 418.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г.Улан-Удэ, ул.Смолина, 24 а
E-mail: riobsu@gmail.com